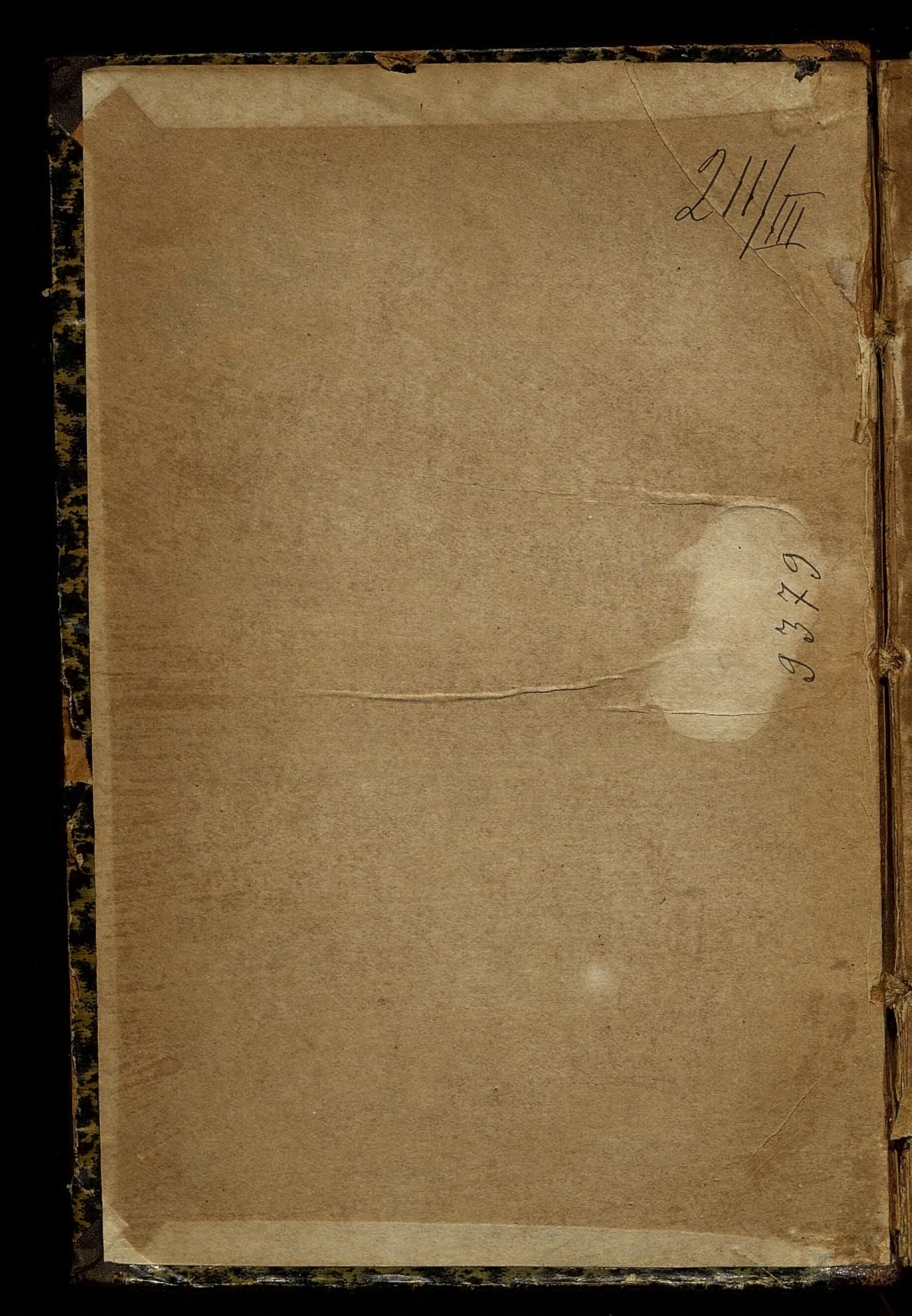

9
C-30

211/III
9379

Семевский-

Крестьянскій вопросъ при Екатеринѣ II.

Безъ малаго двадцать лѣтъ прошло уже со времени уничтоженія у насъ крѣпостнаго права, а мы все еще не имѣемъ полной и обстоятельной исторіи развитія идеи объ освобожденіи крестьянъ въ Россіи и самой крестьянской реформы. Это объясняется нетолько трудностію и обширностію предмета, и недостаткомъ у насъ научныхъ силъ, но и тѣмъ, что большинство матеріаловъ для такого труда хранится въ архивахъ, а извѣстно, что далеко не всѣ они охотно раскрываютъ свои двери научнымъ изслѣдователямъ. Если не мало препятствій придется встрѣтить историку при собираніи матеріала для изложенія всего хода приготовительныхъ работъ по крестьянской реформѣ, то едва ли не труднѣе еще будетъ въ настоящее время опредѣлить всѣ ея послѣдствія для бывшаго крѣпостного населенія Россіи, несмотря на то, что многіе результаты обозначились уже теперь съ достаточною ясностію. Трудно это будетъ сдѣлать, потому что мы еще крайне бѣдны нетолько обстоятельными изслѣдованіями объ экономическомъ положеніи народа, хотя бы и въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ нашего отечества, но даже и матеріалами, изъ которыхъ историкъ могъ бы извлечь данныя для сравненія современнаго быта крестьянъ съ тѣмъ, какъ они жили до уничтоженія крѣпостнаго права. Нѣчего и говорить о томъ, что научный трудъ, знакомящій нетолько съ исторіею крестьянскаго вопроса, но и съ практическими результатами реформы, имѣлъ бы громадное значеніе; къ сожалѣнію, однако, въ виду вышеуказанныхъ обстаятельствъ, мы не скоро дождемся такого изслѣдованія. Вотъ почему, привѣтствуя учрежденіе преміи въ память Ю. Ф. Самарина за сочиненія по крестьянскому вопросу въ Россіи, мы полагаемъ, однако же, что въ настоящее время не

можетъ быть съ достаточною обстоятельностью изложена нетолько вся исторія освобожденія крестьянъ изъ крѣпостной зависимости, но даже обрисована полная картина одного изъ тѣхъ двухъ періодовъ, на которые программа, составленная московскимъ университетомъ для сочиненій на эту тему, дѣлитъ исторію крестьянской реформы въ Россіи [1].

Но, повторяю, задача во всякомъ случаѣ прекрасная, и рано или поздно мы дождемся отвѣта—дождемся, если будемъ обстоятельно изслѣдовать отдѣльныя эпохи въ исторіи нашихъ крестьянъ и крестьянскаго вопроса. Такія частныя изслѣдованія дадутъ впослѣдствіи возможность историку, не тратя времени на розысканія матеріаловъ въ архивахъ, сопоставить факты, добытые отдѣльными подготовительными работами и освѣтить ихъ во всей исторической послѣдовательности. Смѣемъ думать, что такое скромное значеніе будетъ имѣть нашъ очеркъ, составленный, кромѣ печатныхъ источниковъ, по документамъ архивовъ второго отдѣленія собственной его величества канцеляріи и вольнаго экономическаго общества, а также рукопискаго отдѣленія публичной библіотеки.

Нужно замѣтить, что историческое изученіе той или другой эпохи, того или другого вопроса въ жизни народа, можетъ имѣть нетолько научный интересъ, но и представлять иногда важные матеріалы для отвѣта на вопросы, занимающіе современное общество, можетъ вызывать на поучительное сопоставленіе съ прошлымъ; это замѣчаніе приложимо и въ данномъ случаѣ. Болѣе ста лѣтъ тому назадъ, въ 1766 году, вольное экономическое общество назначило премію за сочиненія по вопросу о правѣ собственности крестьянъ на землю. Теперь же депутату общества придется участвовать въ присужденіи преміи за труды на тему совершенно противоположную: мы разумѣемъ большую премію (въ 10,000 р.), назначенную гр. Орловымъ-Давыдовымъ за сочиненіе: «О фермерскомъ пользованіи землею и о возможномъ его примѣненіи къ сельскому хозяйству въ Россіи». Тогда какъ

---

[1] Къ соисканію на премію, между прочимъ, допускаются «сочиненія, предметъ которыхъ составляетъ исторію освобожденія крестьянъ въ Россіи изъ крѣпостной зависимости и которыя заключаютъ въ себѣ полное и подробное изложеніе всего хода крестьянской реформы или, по крайней мѣрѣ, одного изъ двухъ главныхъ ея періодовъ, а именно; либо во-первыхъ исторію всего хода подготовительныхъ и законодательныхъ работъ по крестьянскому дѣлу, включая въ то число и всѣ законодательныя мѣры и попытки правительства къ разрѣшенію онаго, относящіяся къ царствованіямъ предшествующимъ; либо во-вторыхъ, подробную исторію приведенія въ исполненіе положенія 19-го февраля 1861 года и послѣдующихъ, связанныхъ съ онымъ положеній, касающихся отдѣльныхъ видовъ крестьянскаго сословія».

программа, составленная московскимъ университетомъ для присужденія преміи въ память Самарина, возбуждаетъ наше полное сочувствіе, мы отнюдь не можемъ сказать того же о программѣ, обнародованной министерствомъ государственныхъ имуществъ для сочиненій о вопросѣ, поставленномъ гр. Орловымъ-Давыдовымъ [1]. Между тѣмъ, какъ сто лѣтъ тому назадъ хлопотали объ улучшеніи быта крестьянина, вышеуказанная программа самымъ откровеннымъ образомъ преслѣдуетъ интересы землевладѣльцевъ; задача, поставленная вольнымъ экономическимъ обществомъ, должна была повести къ научному обсужденію крестьянскаго вопроса, подготовить уничтоженіе крѣпостного права, здѣсь же рѣчь должна будетъ идти: «*о необходимости освобожденія большей части крестьянъ отъ закрѣпощенія ихъ къ землѣ*, безъ чего невозможно распредѣленіе земли между болѣе крупными хозяевами и фермерами», «объ отсутствіи въ Россіи двухъ факторовъ земледѣльческаго хозяйства: средняго класса (tiers état) и земледѣльческихъ работниковъ, *не прикрѣпленныхъ къ землѣ*». Дѣло идетъ, однимъ словомъ, о разрушеніи общиннаго землевладѣнія и *объ освобожденіи крестъянина отъ земли*, какъ будто бы теперь онъ обремененъ ея излишкомъ. При обсужденіи темы, поставленной гр. Орловымъ-Давыдовымъ, большую услугу можетъ оказать исторія крестьянскаго вопроса, и одно мѣсто объявленной программы невольно приводитъ на память весьма подходящій въ этомъ случаѣ примѣръ: тутъ требуется «описаніе тѣхъ примѣненій фермерской системы, которая уже существуетъ въ Россіи, особенно въ прибалтійскихъ губерніяхъ». Какъ разъ въ Остзейскомъ краѣ былъ сдѣланъ опытъ, столь необходимый и для Россіи, по мнѣнію составителя программы, опытъ «освобожденія крестьянъ отъ закрѣпощенія ихъ къ землѣ», или лучше сказать, обезземеленія крестьянъ; каковы же были его результаты?

По счастливой случайности, отвѣтъ на этотъ вопросъ мы найдемъ въ статьѣ того самаго лица, которое въ настоящее время стоитъ во главѣ министерства, напечатавшаго вышеупомянутую программу [2]. Извѣстно, что эстляндскій уставъ 1816 г. и лифляндскій 1819 г., предоставивъ крестьянину личную свободу, не дали ему никакого поземельнаго надѣла и такимъ образомъ поставили его въ совершенную экономическую зависимость отъ землевладѣльца. Гр. Орловъ-Давыдовъ могъ бы только порадо-

---

[1] См. «Новое Время» 1879 года, 18-го мая.

[2] См. *Winkelmann*. Bibliotheca Livoniae historica. Verzeichniss der Quellen und Hülfsmittel zur Geschichte Esthlands, Livlands und Kurlands, 1878, S. 144.

ваться этому обезземеленію крестьянъ, но авторъ вышеупомянутой статьи, появившейся въ газетѣ «Le Nord» и затѣмъ переведенной въ двухъ русскихъ журналахъ, говоритъ: «Въ Эстляндіи бытъ крестьянъ, повидимому, сталъ еще хуже послѣ того, какъ они освободились». Въ Лифляндіи «свобода» (безъ земли), «вмѣсто того, чтобы улучшить бытъ крестьянъ, сдѣлала его еще болѣе тяжкимъ» [1]. Такимъ образомъ отношенія между землевладѣльцемъ и крестьяниномъ, основанныя на началахъ свободнаго фермерства, оказываются губительными для благосостоянія народа. Опытъ Прибалтійскаго края, на который приглашаетъ ссылаться программа гр. Орлова-Давыдова, какъ оказывается, говоритъ противъ приложимости рекомендуемыхъ имъ мѣръ.

Можно было бы даже придти въ недоумѣніе, какимъ образомъ министерство публикуетъ программу разработки такихъ мѣръ, вредность которыхъ еще двадцать лѣтъ тому назадъ была доказана лицомъ, нынѣ стоящимъ во главѣ этого министерства (вѣдь никому же не придетъ въ голову объявить премію за рѣшеніе задачи: какъ увеличить смертность въ народѣ или что либо подобное), еслибы мы не нашли въ программѣ слѣдующаго примѣчанія: «сочинителю предоставляется полная свобода дѣлать свои заключенія по каждому изъ поставленныхъ программою вопросовъ, сообразно съ произведенными имъ изслѣдованіями, а равно предлагать различныя мѣры, благопріятствующія развитію земледѣльческой промышленности, *хотя бы онѣ и не согласовались съ фермерскою системою хозяйства*». Это примѣчаніе совершенно разъясняетъ дѣло: премія можетъ быть дана и такому сочиненію, которое будетъ отъ начала до конца разбивать всѣ догматы ученія графа Орлова-Давыдова; мы считаемъ это нетолько возможнымъ, но даже весьма вѣроятнымъ, во-первыхъ, потому, что историческія изслѣдованія о землевладѣніи въ Прибалтійскомъ краѣ привели нѣкогда г-на министра государственныхъ имуществъ къ убѣжденію во вредности поземельнаго строя, предлагаемаго графомъ Орловымъ-Давыдовымъ, и очевидно только научное безпристрастіе заставило министерство опубликовать эту программу, а съ другой, потому что къ оцѣнкѣ представленныхъ трудовъ будетъ приглашенъ депутатъ отъ вольнаго-экономическаго общества. Вся программа графа Орлова-Давыдова имѣетъ въ виду разрушеніе «въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ» поземельной общины, этого краеугольнаго камня современнаго народнаго быта; между тѣмъ, вольное экономическое об-

---

[1] «Сельское Благоустройство» 1858 г. № 2, «Объ освобожденіи врестьянъ Прибалтійскаго края» стр. 198, 200.

щество придаетъ общинному землевладѣнію такое важное значеніе, что въ настоящее время дѣятельно занимаются собираніемъ свѣдѣній по этому вопросу. Несомнѣнно такой взглядъ будетъ раздѣлять и депутатъ его, выбранный для участія въ оцѣнкѣ трудовъ, написанныхъ на заданную тему. Такимъ образомъ, мы не теряемъ надежды, что премія графа Орлова-Давыдова будетъ дана изслѣдованію, идущему совершенно въ разрѣзъ съ направленіемъ его программы; въ такомъ случаѣ, если онъ и не встрѣтитъ подкрѣпленія своихъ взглядовъ, то можетъ утѣшиться тѣмъ, что, хотя бы противъ желанія, окажетъ услугу дѣйствительно хорошему дѣлу; а иначе сочиненіе, написанное въ пользу фермерской системы, дастъ только новый поводъ доказать, какъ были бы вредны и пагубны для народнаго благосостоянія попытки ея распространенія въ Россіи въ связи съ разрушеніемъ общиннаго землевладѣнія.

Повидимому, мы уклонились отъ нашего вопроса, но только повидимому: во второй половинѣ предлагаемаго очерка, въ мнѣніяхъ людей прошлаго столѣтія, хорошо знакомыхъ съ бытомъ крестьянъ, встрѣтится нѣсколько вѣскихъ доказательствъ для опроверженія излюбленныхъ взглядовъ графа Орлова-Давыдова, и на этомъ примѣрѣ мы хотѣли только показать, что историческое изученіе вопросовъ, повидимому, совершенно порѣшенныхъ и сданныхъ въ архивъ, можетъ имѣть значеніе не научное только, но даже и чисто практическое [1].

I.

Мечты князя В. В. Голицына объ освобожденіи крестьянъ. — Мѣры, предложенныя Посошковымъ.—Взглядъ Татищева на крѣпостное право.—Сдѣлало ли что нибудь правительство въ пользу крѣпостныхъ въ теченіи первой половины XVIII вѣка.—Либеральныя мечты Екатерины II.

Въ первый разъ мысль объ освобожденіи крестьянъ въ Россіи была высказана еще въ концѣ XVII вѣка извѣстнымъ государственнымъ дѣятелемъ, игравшимъ первенствующую роль въ правленіи царевны Софіи, княземъ В. В. Голицынымъ. Единственное свидѣтельство объ этомъ принадлежитъ иностранцу, посѣтившему въ то время Россію, и оно можетъ показатся неправдоподобнымъ, если не припомнить нѣкоторыхъ фактовъ, характеризующихъ князя В. Голицына. Это былъ нетолько одинъ изъ самыхъ бо-

---

[1] Гораздо болѣе историческихъ фактовъ для доказательства вреда участковаго землевладѣнія собрано въ нашихъ статьяхъ: «Казенные крестьяне при Екатеринѣ II» въ «Русской Старинѣ» 1879 года, №№ 1—6.

гатыхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ одинъ изъ немногихъ въ Россіи европейски образованныхъ людей своего времени. Уже внѣшняя обстановка ясно показывала всякому попавшему во дворецъ князя, что тутъ жилъ человѣкъ, отрѣшившійся отъ прежняго московскаго невѣжества. Въ огромной залѣ, съ расписными стеклами въ окнахъ, была нарисована на потолкѣ планетная система, по стѣнамъ виднѣлись портреты русскихъ и иностранныхъ государей и нѣсколько зеркалъ. Въ другихъ комнатахъ можно было увидѣть нѣмецкія карты въ золоченныхъ рамахъ, два каменные бюста негровъ, чучелы птицъ, сушеныя травы, много часовъ и т. п. Еще замѣчательнѣе, что у Голицына было немало книгъ, въ томъ числѣ и нѣмецкихъ; здѣсь, между прочимъ, были «книга рукописнаго права или уставъ воинскій голландской земли», рукописная исторія по польски, Коранъ, четыре рукописи «о строеніи комедій», нѣмецкая книга о землемѣріи, лѣтописецъ кіевскій и, наконецъ—это всего интереснѣе—рукопись «Юрія Сербенина», что безъ сомнѣнія означаетъ сочиненіе Юрія Крижанича.

Книги эти служили не для одной только обстановки; Голицынъ былъ человѣкъ дѣйствительно въ высшей степени образованный. Такъ, напримѣръ, онъ вполнѣ бѣгло говорилъ по латыни, такъ что могъ объясняться съ иностранными посланниками безъ помощи толмача, а это было тогда большою рѣдкостью: по свидѣтельству Нёвиля, только четверо русскихъ умѣли говорить по-латыни. Понятно, что Голицынъ любилъ иностранцевъ и входилъ съ ними въ частыя сношенія; мы знаемъ, что онъ бывалъ въ нѣмецкй слободѣ, гдѣ, между прочимъ, обѣдалъ у посланника Генеральныхъ Штатовъ барона Келлера и говорилъ съ нимъ о милиціи, военныхъ силахъ и государственномъ хозяйствѣ Нидерландовъ; очень часто бесѣдовалъ онъ также и спорилъ съ Гордономъ, не соглашаясь съ нимъ во взглядахъ на современныя англійскія событія; во то время, какъ Гордонъ оказался ревностнымъ якобитомъ, Голицынъ принималъ сторону Вильгельма III. Черезъ этого же Гордона нашъ государственный дѣятель выписывалъ изъ Англіи офицеровъ, инженеровъ и артиллеристовъ. Но при всей своей образованности, Голицынъ не вполнѣ могъ отрѣшиться отъ старинныхъ русскихъ предразсудковъ: онъ вѣрилъ, подобно большинству русскихъ, въ возможность причинить вредъ здоровью выниманіемъ слѣда, и одинъ его слуга былъ подвергнутъ пыткѣ и наказанъ по подозрѣнію въ умыслѣ на его здравіе [1].

---

[1] *A. Brückner*. Fürst W. W. Golizyn. Eine biographische Skizze. «Russische Revue», 1878 г. 9 Heft.

Просвѣщенные взгляды Голицына сказались во время царствованія Өедора Алексѣевича тѣмъ, что онъ былъ однимъ изъ главнѣйшихъ виновниковъ уничтоженія мѣстничества; это приноситъ ему тѣмъ большую честь, что самъ онъ былъ весьма знатнаго происхожденія, слѣдовательно, могъ бы придавать большое значеніе родовымъ счетамъ. Достигнувъ первенствующаго положенія при царевнѣ Софіи, онъ сталъ носиться съ гораздо болѣе обширными проэктами. По словамъ Нёвиля, онъ выстроилъ каменное зданіе для академіи, призвалъ изъ Греціи двадцать ученыхъ, приказалъ привезти изъ заграницы много хорошихъ книгъ; онъ уговаривалъ вельможъ учить своихъ дѣтей, посылая ихъ въ латинскія коллегіи въ Польшѣ, совѣтывалъ призывать польскихъ учителей, дозволилъ иностранцамъ пріѣзжать въ Россію и уѣзжать изъ нея [1]. Онъ желалъ, чтобы наши бояре путешествовали и учились за-границей военному искуству, мечтая объ образованіи регулярной арміи, онъ хотѣлъ содержать посланниковъ въ главнѣйшихъ городахъ Европы, наконецъ, ввести въ Россіи свободу совѣсти. «Еслибы я пожелалъ изложить все, что узналъ отъ князя, говоритъ Нёвиль: — я бы никогда не кончилъ; довольно сказать, что онъ хотѣлъ населить пустыни, обогатить нищихъ, сдѣлать людей изъ дикарей, храбрецовъ изъ трусовъ и превратить пастушьи хижины въ каменные дворцы» [2].

Послѣднія фразы заставляютъ думать, что Голицынъ умѣлъ пустить пыль въ глаза иностранцу. Повидимому, серьёзнѣе задумывался онъ надъ мыслію объ освобожденіи крестьянъ. «Цѣлію князя было, говоритъ Нёвилль: — поставить Россію на одну доску съ прочими государствами; для этого онъ велѣлъ собрать свѣдѣнія обо всѣхъ европейскихъ державахъ и ихъ правленіяхъ. Онъ хотѣлъ начать *освобожденіемъ крестьянъ и предоставленіемъ имъ тѣхъ земель, которыя они обработываютъ*, съ пользою для царя — за ежегодный оброкъ, который, по сдѣланному имъ вычисленію, увеличилъ бы болѣе чѣмъ на половину доходъ этихъ государей, равняющійся нынѣ чистыми деньгами не болѣе 7 — 8 мил. ливровъ на французскую монету. Что касается до съѣстныхъ припасовъ, составляющихъ остальную часть дохода, то очень трудно опредѣлить настоящую ея цѣну. Онъ надѣялся такимъ образомъ сдѣлать эти племена трудолюбивыми и промышленными въ надеждѣ обогащенія». Далѣе Нёвилль указываетъ, что Голицынъ намѣревался, къ обоюдной выгодѣ казны и служилыхъ людей, производить всѣ государственные расходы на деньги, между тѣмъ

---

[1] Оказывается, однако, что Гордона онъ удержалъ силою на русской службѣ.

[2] *De la Neuville.* Rélation curieuse et nouvelle de Moscovie, 1699 г. 175—178.

какъ прежде жалованье выдавалось отчасти мѣхами; для этого онъ хотѣлъ посылать мѣха на продажу въ иностранныя государства. Напомнимъ при этомъ, что Голицынъ желалъ замѣнить регулярною арміею «полки крестьянъ, земли которыхъ остаются необработанными, когда ихъ уводятъ на войну, и вмѣсто этой безполезной для государства повинности обложить ихъ умѣренною поголовною податью» [1]. Нельзя не обратить вниманія на то, что вышеприведенное весьма важное извѣстіе о планахъ Голицына относительно освобожденія крестьянъ находится въ той части книги Нёвилля, гдѣ онъ передаетъ свѣдѣнія, собранныя имъ отъ ученаго Спафарія. Голицынъ могъ изъ простого тщеславія блистать либерализмомъ предъ заѣзжимъ иностранцемъ, но едва ли онъ сталъ бы говорить неискренно съ призваннымъ къ намъ на постоянную службу ученымъ. Все приведенное мѣсто, если его сопоставить съ планами объ учрежденіи регулярныхъ армій, представляетъ довольно стройную систему; выдумать же этого Нёвилль не могъ потому, что въ то время въ Западной Европѣ не было и рѣчи объ освобожденіи крестьянъ съ землею. Наконецъ, тѣ свѣдѣнія, имъ приводимыя, которыя мы можемъ провѣрить, весьма близки къ истинѣ. Онъ говоритъ, что доходъ русскихъ государей равнялся въ то время 7—8 милл. ливровъ; такъ какъ по его собственному указанію, нашъ рубль былъ почти равенъ пяти французскимъ ливрамъ, то слѣдовательно, 7 милліон. ливровъ составляютъ 1.400,000 руб., а, по свидѣтельству Котошихина, денежный доходъ государства, за исключеніемъ цѣнности сибирскихъ мѣховъ, равнялся 1.300,000 рублей, слѣдовательно, эти показанія совершенно совпадаютъ. Возможно ли было бы на средства, доставленныя такимъ образомъ, уплатить жалованье всѣмъ служилымъ людямъ, верстаннымъ помѣстьямъ—это другой вопросъ [2], для введенія же регулярной арміи предполагался общій поголовный налогъ.

Князь Голицынъ нетолько не осуществилъ своей мысли объ освобожденіи крестьянъ, но даже ничего не сдѣлалъ для улучшенія быта крѣпостныхъ; быть можетъ, это отчасти объясняется тѣмъ, что онъ принужденъ былъ посвятить себя преимущественно военной и дипломатической дѣятельности. Но, во всякомъ случаѣ, весьма замѣчательно, что онъ предавался именно такимъ мечтамъ. Послѣдующимъ государственнымъ дѣятелямъ, въ теченіи всей первой половины XVIII в. не приходило и мысли объ освобожденіи крестьянъ. Особенно важно то, что Голицынъ счи-

[1] *De la Neuville* p. 215—216, 218—219, ср. 176.

[2] Ср. *Гольцевъ*. «Государственное хозяйство во Франціи въ XVII в.», 1878 г., стр. 141.

талъ необходимымъ освободить крестьянъ съ земельнымъ надѣломъ, слѣдовательно, являлся государственнымъ дѣятелемъ, понимающимъ, въ чемъ состоитъ самая настоятельная потребность русскаго народа. Такимъ образомъ, исторія крестьянскаго вопроса въ Россіи нетолько оканчивается, но и начинается мыслію о земельномъ надѣлѣ.

Если лица, стоявшія во главѣ государства въ первую половину XVIII в., забывали о необходимости серьёзныхъ мѣръ для улучшенія быта крѣпостныхъ, то все-таки не оскудѣла вовсе русская земля людьми, которые умѣли горячо высказаться за улучшеніе быта несвободнаго населенія Россіи. Такимъ энергическимъ заступникомъ за порабощенный народъ явился Посошковъ. Мы не будемъ приводить извѣстнаго мѣста его сочиненія, въ которомъ онъ рисуетъ печальное положеніе крѣпостныхъ крестьянъ (I, 182—183), и остановимся только на его мысляхъ объ измѣненіи ихъ быта. Посошковъ предвидѣлъ возможность освобожденія крестьянъ. «Крестьяниномъ помѣщики не вѣковые владѣльцы», говоритъ онъ: «того ради они не весьма ихъ и берегутъ, а прямый ихъ владѣтель всероссійскій самодержецъ, а они владѣютъ временно. И того ради не надлежитъ ихъ помѣщикамъ раззорять, но надлежитъ ихъ царскимъ указомъ хранить, чтобы крестьяне крестьянами были прямыми, а не нищими; понеже крестьянское богатство—богатство царственное».

Предвидя, что рабству крестьянъ настанетъ когда-нибудь конецъ, Посошковъ не мечталъ, однако, объ полномъ ихъ освобожденіи; онъ считалъ, повидимому, несвоевременнымъ прекращеніе личной зависимости и даже полагалъ, что надзоръ помѣщиковъ необходимъ, чтобы крестьяне не предавались праздности; поэтому онъ предоставляетъ владѣльцамъ право наказывать крѣпостныхъ, виновныхъ въ лѣности, пьянствѣ и воровствѣ. Но онъ желалъ точно опредѣлить размѣръ поборовъ и повинностей въ пользу помѣщика. Для этого онъ предлагаетъ предоставить всѣмъ помѣщикамъ посовѣтоваться между собою о томъ, какіе поборы брать съ крестьянъ и какой барщины требовать: опредѣлить по скольку брать съ двора денегъ и столовыхъ запасовъ, какое количество пашни заставлять обработывать на помѣщика, сколько требовать подводъ; но онъ не считалъ возможнымъ дать приэтомъ владѣльцамъ полную волю, такъ какъ то соглашеніе, къ которому они пришли бы, должно было быть представлено на утвержденіе государя. Разъ объявленное царскимъ указомъ постановленіе о платежахъ и повинностяхъ крѣпостныхъ крестьянъ помѣщики должны соблюдать самымъ строгимъ образомъ подъ страхомъ лишенія помѣстья за его нарушеніе; тогда «и самый ядо-

витый помѣщикъ сократитъ себя и крестьянъ раззорять не станетъ». Судью, который будетъ оказывать послабленіе владѣльцу и не произведетъ слѣдствія по жалобамъ крестьянъ, слѣдуетъ казнить смертію.

Но что же принять за основаніе при опредѣленіи повинностей? Посошковъ справедливо считаетъ неудобнымъ раскладку налога по душамъ, такъ какъ душа—вещь, «цѣны неимущая», а «надлежитъ цѣнить вещи грунтованныя»; «по здравому разсужденію надлежитъ крестьянскому двору положить разсмотрѣніе не по воротамъ, не по дымамъ избнымъ, но по владѣнію земли и по засѣву хлѣба на томъ его владѣніи». Посошковъ указываетъ даже, сколько, по его мнѣнію, слѣдуетъ дать крестьянамъ земли. Въ одномъ мѣстѣ онъ полагаетъ, что на цѣлый дворъ слѣдуетъ назначить пахатной земли по двѣ десятины въ каждомъ полѣ, въ другомъ же считаетъ нужнымъ, чтобы крестьянинъ могъ посѣять ежегодно ржи по четыре четверти, а яроваго по 8 четвертей, да сѣна накосить 20 копенъ; это составитъ, по тогдашнему посѣву, около 3-хъ десятинъ пахатной земли въ каждомъ полѣ, да 2 десятины покоса, итого 11 десятинъ, не считая лѣса и разныхъ угодій; но и этого количества было бы недостаточно; мы впослѣдствіи увидимъ, что помѣщики-агрономы въ своихъ проэктахъ находили нужнымъ давать по 3 десятины въ полѣ *на каждую душу* одной пахатной земли.

Весьма замѣчательно, что Посошковъ находилъ необходимымъ совершенно и навсегда отдѣлить крестьянскую землю отъ помѣщичьей, на томъ основаніи, что помѣщичьи земли онъ предлагалъ обложить несравненно меньшимъ налогомъ, чѣмъ крестьянскія; о послѣднихъ онъ говоритъ, что ихъ «за помѣщиками и числить не надлежитъ». Такое строгое раздѣленіе земель господскихъ и крестьянскихъ было введено въ Лифляндіи шведскимъ правительствомъ и также по причинѣ неодинаковаго ихъ обложенія. Но осуществленіе этой мѣры лишь въ такомъ случаѣ было бы выгодно для крестьянъ, еслибы въ надѣлъ имъ было дано гораздо больше земли, чѣмъ предлагалъ Посошковъ. Конечно, совершенное отдѣленіе крестьянской земли отъ помѣщичьей гарантировало бы крестьянъ отъ совершеннаго обезземеленія и превращенія въ батраковъ, какъ это бывало, по крайней мѣрѣ, во второй половинѣ XVIII в. (см. ниже свидѣтельство Рычкова). Но такіе случаи были несомнѣнно большою рѣдкостію; обыкновенно же крестьяне пользовались бо̀льшимъ количествомъ земли, чѣмъ то, которое предложилъ дать имъ Посошковъ, особенно въ оброчныхъ вотчинахъ, а такихъ при общей обязательной службѣ всего дворянства было болѣе, чѣмъ имѣній,

гдѣ крестьяне были на барщинѣ. При условіяхъ, предложенныхъ Посошковымъ, нельзя было желать, ради блага большинства крестьянъ осуществленія предложенной имъ мѣры, но во всякомъ случаѣ въ принципѣ нельзя не признать весьма замѣчательною мысли о полномъ отдѣленіи земель крестьянскихъ отъ помѣщичьихъ.

Еще важнѣе требованіе Посошкова объ опредѣленіи крестьянскихъ повинностей; только черезъ семьдесятъ лѣтъ, правительство (при импер. Павлѣ) сдѣлало слабую попытку ограниченія произвола владѣльца, относительно количества барщинныхъ дней, тогда какъ сборъ оброка, столовыхъ запасовъ и назначеніе подводъ оставлено было по прежнему на усмотрѣніе помѣщика; а между тѣмъ, еще Посошковъ указывалъ, что все это необходимо точно опредѣлить.

Послѣ Посошкова наступаетъ полное затишье въ теченіи цѣлыхъ сорока лѣтъ въ исторіи крестьянскаго вопроса. Смѣлый крестьянинъ поплатился тюрьмою за свое безстрашное слово, а другого такого крестьянина не нашлось. Тутъ на мысль невольно приходитъ имя Ломоносова: неужели не сказалъ онъ ничего въ защиту порабощенныхъ земледѣльцевъ? Увы! мы находимъ у него только одинъ слабый намекъ въ «Разсужденіи о размноженіи россійскаго народа». «Побѣги, говоритъ онъ тамъ:— бываютъ болѣе отъ помѣщичьихъ отягощеній крестьянъ и отъ солдатскихъ наборовъ» [1]. Смѣлые голоса изъ народа о положеніи крестьянъ мы услышимъ только въ екатерининской комиссіи для составленія Новаго Уложенія.

Что касается образованныхъ людей изъ дворянъ, то въ первой половинѣ XVIII в. они ограничивались тѣмъ, что иногда составляли подробные наказы объ управленіи ихъ имѣньями, въ которыхъ возлагали на помѣщика обязанность заботиться о всѣхъ матерьяльныхъ и духовныхъ интересахъ крестьянъ, какъ это сдѣлали Волынскій и Татищевъ, но вовсе не предлагали какихъ-нибудь существенныхъ измѣненій въ положеніи крѣпостного населенія. Такъ напримѣръ, Татищеву, человѣку весьма образованному, было очень хорошо извѣстно, что не вездѣ въ Европѣ существуетъ крѣпостное право; онъ долженъ былъ знать это нетолько изъ книгъ, но и по своимъ собственнымъ наблюденіямъ, такъ какъ Швеція, которую онъ посѣтилъ по порученію Петра Великаго, освободившись въ XIV столѣтіи отъ существовавшаго въ ней до тѣхъ поръ рабства, вовсе не знала

---

[1] «О размноженіи и сохраненіи россійскаго народа». См. «Русск. Старину», 1873 г., т. VIII, стр. 579.

*

крѣпостного права. И дѣйствительно, въ одномъ изъ примѣчаній къ своему изданію «Судебника» Татищевъ говоритъ: «Вольность крестьянъ и холопій хотя мало не во всѣхъ европейскихъ государствахъ узаконена и многую въ себѣ государствамъ пользу заключаетъ, что можетъ и у насъ тогда (т. е., при Иванѣ Грозномъ) отъ обычая пользовало» (было полезно), во-первыхъ, потому, что безпутные вотчинники не притѣсняли ихъ и не принуждали вслѣдствіе раззоренія обращаться въ бѣгство, а во-вторыхъ, не было такихъ тяжбъ и ябедъ въ судахъ о бѣглыхъ людяхъ между немощными и сильными». Подъ вольностію Татищевъ, очевидно, разумѣетъ тутъ личную свободу, свободу перехода и признаетъ ея полезность не только для Европы и прежней Россіи, но указываетъ на одно обстоятельство, которое было бы весьма благопріятно для высшаго сословія и въ его время [1]; тѣмъ не менѣе, однако, онъ считаетъ невозможнымъ уничтоженіе у насъ крѣпостного права: «оное съ нашею формою правленія монаршескаго не согласуетъ и вкоренившійся обычай неволи перемѣнить не безопасно» [2].

Такимъ образомъ, мы видимъ, что самые передовые люди первой половины XVIII в. вовсе не думаютъ объ уничтоженіи крѣпостного права.

Что касается правительственныхъ мѣропріятій, то, какъ мы уже знаемъ, изъ либеральныхъ разговоровъ кн. В. В. Голицына ничего не вышло, а затѣмъ царствованія Петра Великаго и послѣдующихъ государей не приносили крѣпостнымъ крестьянамъ ни малѣйшаго улучшенія ихъ участи [3]. Даже такія ничтожныя мѣры, какъ запрещеніе лифляндскимъ помѣщикамъ препятствовать ихъ крѣпостнымъ дѣвушкамъ выходить замужъ за крестьянъ, принадлежавшихъ другимъ помѣщикамъ (1716 г.), или такое же запрещеніе для Россіи, въ случаѣ, если женихъ заплатитъ обычный въ томъ мѣстѣ выводъ (1724 г.), оставались мертвою буквою, вслѣдствіе того, что правительство не заботилось объ исполненіи этихъ правилъ. Точно также не исполнялся указъ Петра объ отдачѣ въ опеку имѣній тѣхъ помѣщиковъ, которые раззоряли своихъ крестьянъ (объ этомъ находимъ

---

[1] «Тогда въ добрыхъ, вѣрныхъ и способныхъ служителяхъ мы такого недостатка не терпѣли-бы», замѣчаетъ онъ.

[2] «Судебникъ», изд. Татищева, прим. къ § 88.

[3] Если вѣрить свидѣтельству Вебера, Петръ Великій, когда нѣкоторыя лица совѣтовали ему отмѣнить рабство, сказалъ, что нашимъ народомъ нельзя управлять иначе, какъ съ крайней строгостію. (Neuverändertes Russland, II, 175). — Правительственныхъ указовъ и мнѣній частныхъ лицъ относительно малороссійскихъ крестьянъ мы въ этотъ очеркѣ касаться не будемъ.

прямое свидѣтельство въ Наказѣ), и только отъ времени до времени постигала кара отдѣльныя личности, которыя ужъ слишкомъ нагло злоупотребляли своими правами.

Но вотъ на русскій престолъ вступаетъ Екатерина II, пламенная поклонница Вольтера, знакомая съ послѣднимъ словомъ западной науки и литературы. Можно было ожидать, что для нашихъ крѣпостныхъ крестьянъ настанетъ новая эра, тѣмъ болѣе, что въ предшествовавшее царствованіе было устранено самое серьёзное препятствіе къ уничтоженію крѣпостного права—обязательная служба дворянства. Прикрѣпленіе крестьянъ за землевладѣльцами имѣло нѣкоторый смыслъ, пока эти послѣдніе сами были закрѣпощены государствомъ; теперь же даже среди крестьянъ появилась надежда на измѣненіе ихъ быта, которая и сказалась во многочисленныхъ волненіяхъ, послѣдовавшихъ за освобожденіемъ дворянъ отъ обязательной службы. Императрица Екатерина, повидимому, была самымъ подходящимъ человѣкомъ, чтобы, если не довести до конца, то, по крайней мѣрѣ, начать измѣненіе быта крестьянъ. Съ освободительными идеями она носилась еще будучи великой княгиней: въ своихъ замѣткахъ, набросанныхъ въ концѣ царствованія Елисаветы, она писала: «противно христіанской вѣрѣ и справедливости дѣлать невольниками людей: они всѣ рождаются свободными», и полагала, что можно постепенно уничтожить крѣпостное право, объявляя крестьянъ свободными во всѣхъ имѣніяхъ, переходящихъ въ руки новаго владѣльца; такъ какъ, по ея мнѣнію, во сто лѣтъ, если не всѣ, то, по крайней мѣрѣ, большая часть имѣній перемѣнитъ господъ, слѣдовательно, въ теченіе этого времени народъ будетъ освобожденъ отъ рабства. Уничтоженіе крѣпостного права дѣйствительно совершилось черезъ сто лѣтъ послѣ того, какъ Екатерина заносила эти мысли на бумагу, но, къ сожалѣнію, она сама только тѣмъ содѣйствовала ихъ осуществленію, что обратила на крестьянскій вопросъ вниманіе общества и литературы; для практическаго же его осуществленія она нетолько ничего не сдѣлала, но еще болѣе ухудшила положеніе крѣпостныхъ.

Впрочемъ, объ этомъ еще впереди; не будемъ пока противупоставлять печальныхъ фактовъ дѣйствительности тѣмъ надеждамъ, которыя могли возбуждать въ людяхъ, сочувствовавшихъ народному горю, вступленіе на русскій престолъ новой даровитой государыни. Направленіе ея дѣятельности по вопросу, насъ занимающему, опредѣлилось съ самаго начала внѣшними обстоятельствами. То, что Екатерина была обязана престоломъ русскому дворянству, и опасенія за прочность своей власти препятство-

вали сдѣлать рѣшительный шагъ въ пользу крѣпостного населенія Россіи, точно также какъ желаніе задобрить духовенство вызвало первоначально возвращеніе ему имѣній, отнятыхъ Петромъ III; но такъ какъ память подсказывала тѣ идеи, осуществленіе которыхъ еще такъ недавно казалось нетолько желательнымъ, но и легкимъ, то государынѣ, всего болѣе желавшей заставить забыть свое иностранное происхожденіе, стремившейся быть и казаться русскою, естественно было обратить свои взоры на Прибалтійскій край, гдѣ туземное населеніе стонало подъ тяжелымъ нѣмецкимъ игомъ.

II.

Екатерина обращаетъ вниманіе на крестьянскій вопросъ въ Лифляндіи.—Статья пастора Эйзена.—Правила барона Шульца фонъ-Ашераденъ.—Лифляндскій ландтагъ 1765 года и его постановленія относительно крестьянъ.

Русское правительство, въ теченіи первой половины XVIII в., дало возможность нѣмецкому дворянству гораздо болѣе усилить свою власть надъ крѣпостными крестьянами, чѣмъ это было возможно при шведскомъ господствѣ. Шведскіе государи, незнавшіе крѣпостного права у себя на родинѣ, принимали энергическія мѣры противъ крестьянъ и въ Прибалтійскомъ краѣ; русское правительство, закрѣпощая все болѣе сельское населеніе Великороссіи, естественно нетолько не думало объ улучшеніи быта эстовъ и латышей, но не съумѣло даже удержать ихъ въ прежнемъ положеніи. Здѣсь-то, въ этой окраинѣ Россіи, гдѣ землевладѣльцы пользовались многими привилегіями, которыхъ не имѣли русскіе дворяне, и тѣмъ могли возбуждать зависть въ этихъ послѣднихъ, Екатерина могла найти самую удобную почву для осуществленія своихъ освободительныхъ тенденцій, безъ ущерба собственнымъ интересамъ, безъ опасеній за прочность собственнаго положенія. Государыня-нѣмка, начинающая свое царствованіе съ того, что обуздываетъ произволъ *нѣмецкихъ* бароновъ, нетолько не возбуждала этимъ неудовольствія русскихъ дворянъ, но даже могла вызвать сочувствіе такой чисто-русской политикѣ. И дѣйствительно: извѣстно, что даже подтвержденія остзейскихъ привилегій тамошніе депутаты добились не безъ большихъ хлопотъ, и въ своихъ донесеніяхъ на родину они горько жаловались на то, что имъ приходилось выдерживать сильную борьбу съ представителями русской партіи, торжествующей побѣду надъ нѣмцами, еще недавно всесильными при дворѣ.

Относительно крестьянскаго вопроса Шульцъ фонъ Ашераденъ, бывшій главою лифляндской депутаціи, свидѣтельствуетъ, что тотчасъ по вступленіи Екатерины на престолъ до свѣденія ея было доведено объ ужасномъ положеніи крестьянъ въ Лифляндіи, хотя, по его мнѣнію, это были «самыя черныя клеветы на лифляндское дворянство»; онъ былъ свидѣтелемъ тѣхъ «вредныхъ raisonnements, къ которымъ онѣ подавали поводъ, и ежечасно боялся, что неограниченная власть лифляндскихъ дворянъ будетъ отмѣнена указомъ» [1]. Такимъ образомъ люди, окружающіе Екатерину, сами подсказывали, куда должна направиться ея дѣятельность по крестьянскому вопросу.

Два событія должны теперь остановить наше вниманіе: появленіе въ 1764 году въ петербургской печати, хотя и на нѣмецкомъ языкѣ, первой статьи по крестьянскому вопросу и затѣмъ то, что правительство въ слѣдующемъ году, по личному желанію императрицы, потребовало улучшенія быта лифляндскихъ крѣпостныхъ крестьянъ. Въ виду указанныхъ выше обстоятельствъ, едва ли можно считать случайностію, что вышеупомянутая статья была посвящена положенію крестьянъ въ Лифляндіи. Намъ неизвѣстно, предшествовало ли ея появленіе отъѣзду Екатерины въ западную окраину Россіи, или статья эта вышла въ свѣтъ позднѣе, во всякомъ случаѣ, императрица могла быть ранѣе знакома съ нею. Мы передадимъ ея содержаніе, такъ какъ это облегчитъ пониманіе слѣдующихъ событій и избавитъ насъ отъ необходимости подробнѣе описывать положеніе лифляндскихъ крестьянъ, что было бы теперь неумѣстно.

Статья эта подъ заглавіемъ: «Описаніе крѣпостного права въ Лифляндіи, составленное однимъ лифляндскимъ патріотомъ», появилась въ сборникѣ, издаваемомъ академикомъ Миллеромъ со слѣдующимъ примѣчаніемъ издателя, имѣвшимъ цѣлію смягчить впечатлѣніе, которое она должна была произвести: «Кто этотъ патріотъ—дѣло не важное; гораздо важнѣе то, встрѣтятъ ли одобреніе его предложенія и желанія и такъ ли они легко осуществимы, какъ онъ себѣ представляетъ» [2]. Статья эта принадлежитъ пастору Эйзену-фонъ-Шварценбергу, издавна посвятившему себя изученію положенія крестьянъ въ Лифляндіи и улучшенію земледѣлія, но Миллеръ сдѣлалъ въ ней такія измѣненія, что авторъ принялъ на себя отвѣтственность только за часть ея содержанія, какъ онъ это заявилъ въ Vossische Zeitung 1765 года.

---

[1] Онъ говорилъ это передъ ландтагомъ, враждебно противъ него настроеннымъ за его мѣры въ пользу крестьянъ, о которыхъ будетъ сказано ниже.

[2] «Sammlung Russischer Geschichte», Bd. IX, Spb. 1764. G. 491—527.

Въ высшей степени важно для насъ то, что Эйзенъ пріѣзжалъ въ Петербургъ и былъ очень милостиво принятъ Петромъ III; [1] а затѣмъ, годъ спустя, онъ былъ вызванъ императрицею Екатериною, и въ это время ей сдѣлались извѣстны его планы.

Пасторъ Эйзенъ, въ началѣ своей статьи, обращаетъ вниманіе на самое важное зло въ жизни лифляндскаго крестьянина: онъ не имѣетъ права собственности нетолько на недвижимое, но даже и на движимое имущество. Господинъ можетъ переселить крестьянина съ одного участка на другой и даже вовсе лишить его земли, такъ что крестьянину придется тогда зарабатывать свой хлѣбъ въ качествѣ батрака; господинъ можетъ взять все, что ему угодно, изъ пожитковъ своего крѣпостного, и тотъ лишенъ возможности жаловаться на это суду. Землевладѣльцы такъ обременяютъ крестьянъ работою, что они не успѣваютъ во-время ни сжать свой хлѣбъ, ни убрать сѣна. Извѣстно изъ другихъ источниковъ, что при шведскихъ короляхъ повинности крестьянъ послѣ производства кадастра были точно соразмѣрены съ количествомъ земли, находящейся въ ихъ владѣніяхъ и отмѣчены въ такъ называемыхъ вакенбухахъ. Жалобы крестьянина на обремененіе работами и сборами въ пользу помѣщика было достаточно для того, чтобы вызвать новую, дорого стоившую для землевладѣльца ревизію. Но, по свидѣтельству Эйзена, вакенбухи сохранили обязательную силу преимущественно для арендаторовъ казенныхъ имѣній, дворяне же, а особенно эстляндскіе, мало съ ними соображались.

Помѣщикъ могъ продавать крестьянъ нетолько цѣлыми семьями, но и по одиночкѣ; онъ не имѣлъ права жизни и смерти надъ своими крѣпостными (лишившись во время шведскаго владычества уголовной юрисдикціи надъ ними), но могъ подвергать крестьянина тѣлесному наказанію. «Хотя законы, говоритъ Эйзенъ:—предписываютъ извѣстную мѣру наказанія, однако, землевладѣльцу дано настолько свободы, что если онъ прикажетъ строго наказать крестьянина хотя бы и въ опредѣленныхъ закономъ границахъ, то наказанный можетъ лишиться жизни. Виновнаго привязываютъ къ столбу и двумя тонкими палками, вродѣ русскихъ батоговъ, около аршина длины, которыя или свѣжія срѣзаются съ дерева, или предварительно размачиваются въ водѣ, бьютъ его по голой спинѣ до тѣхъ поръ, пока палки не расщепятся. Это называется дать пару розогъ. Чѣмъ больше преступ-

---

[1] *Diederichs.* Garlieb Merkel als Bekämpfer der Leibeigenschaft und seine Vorgänger. Separat-Abdruck aus der Balt. Monatschrift, 1870 Neue Folge I Band, Heft I, s. 7.

леніе или, по крайней мѣрѣ, чѣмъ важнѣе оно кажется господину, тѣмъ болѣе онъ увеличиваетъ размѣръ наказанія, и оно доходитъ до десяти паръ, высшей мѣры, опредѣленной закономъ. Если господинъ накажетъ сильнѣе, то крестьянинъ можетъ жаловаться на него въ судъ; но примѣровъ этому мало: страхъ подвергнуться въ другой разъ еще болѣе суровому наказанію не дозволяетъ приносить жалобу».

Зависимость, въ которой находился крестьянинъ относительно пользованія даже своимъ движимымъ имуществомъ, была не одною только фикціею: такъ напримѣръ, господинъ весьма неохотно позволялъ крестьянину продавать свой хлѣбъ не ему, а кому либо другому, или везти на продажу въ городъ; обыкновенно крестьянинъ вымѣнивалъ у господина соль, желѣзо и табакъ на свой хлѣбъ, или пропивалъ его въ кабакѣ, устроенномъ помѣщикомъ (вареніе и продажа пива и вина составляли монополію помѣщика). Вслѣдствіе такого порабощеннаго положенія, крестьяне отличаются небрежностію въ хозяйствѣ, наклонностію къ пьянству и воровству; прежде даже жизнь помѣщиковъ была не въ безопасности.

Любопытно, что опасеніе крестьянскихъ побѣговъ заставляло владѣльцевъ имѣній, расположенныхъ по близости къ русской и польской границамъ, нѣсколько мягче относиться къ крестьянамъ. Это напоминаетъ намъ такое же явленіе въ XVIII в. въ юго-западной Россіи, бывшей тогда подъ властью Польши: тамъ тяжесть крѣпостного права уменьшалась по мѣрѣ приближенія къ югу, такъ какъ чѣмъ южнѣе лежало имѣніе, тѣмъ легче было крестьянамъ бѣжать въ Сѣчь Запорожскую или другія привольныя мѣста.

Крестьяне въ лифляндскихъ казенныхъ имѣніяхъ были зажиточнѣе, чѣмъ въ помѣщичьихъ, такъ какъ они могли жаловаться, если арендаторъ возьметъ съ нихъ лишнее противъ вакенбуховъ.

Къ сожалѣнію, картина, нарисованная пасторомъ Эйзеномъ, списана съ дѣйствительности безъ всякаго преувеличенія: правдивость автора подтверждается другими источниками. Такъ, напримѣръ, Гупель, авторъ «Топографическаво описанія» этой мѣстности, вовсе нежелающій освобожденія крестьянъ и старающійся представить ихъ бытъ въ болѣе розовомъ свѣтѣ, признаетъ, однако, что крестьяне страшно обременены поборами и что приходится удивляться, какъ «мужикъ вмѣстѣ со своею женою можетъ отработать всѣ требуемые съ него дни барщины и еще вести свое домашнее хозяйство». Извѣстно также, что продажа людей по одиночкѣ продолжалась и послѣ запрещенія ея въ 1765 г. Эйзенъ указываетъ на жестокія наказанія, которымъ

лифляндскіе помѣщики подвергали своихъ крестьянъ; вотъ что говоритъ по этому поводу историкъ Лифляндіи г. Эккардтъ, котораго никакъ нельзя обвинить во враждебномъ отношеніи къ остзейскимъ нѣмцамъ. «Что обращеніе господъ съ ихъ крѣпостными нетолько само по себѣ, но и по понятіямъ тогдашняго времени было сурово и жестоко, что прибѣгали къ тѣлесному наказанію въ высшемъ размѣрѣ не за одни дѣйствительныя вины, но и за легкіе проступки—это подтверждено слишкомъ многими и самыми различными свидѣтелями, чтобы противъ этого было возможно серьёзно спорить. Мѣстные и посторонніе наблюдатели лифляндскихъ отношеній, какъ нѣмцы, такъ и русскіе, какъ свѣтскіе люди, такъ и духовные совершенно согласны въ этомъ отношеніи, и даже апологеты существующаго порядка, какимъ былъ Гупель, хотя и не прямо признаютъ, что «излишества домашней расправы» происходили слишкомъ часто, чтобы считаться простыми исключеніями... Безполезныя, только съ цѣлію мученія употребляемыя жестокости встрѣчаются лишь какъ исключительные случаи, но правиломъ было жестоко и съ полнымъ произволомъ обращаться съ людьми и налагать на нихъ тягости, превосходящія всякую мѣру» [1].

Пасторъ Эйзенъ утверждаетъ, что положеніе крестьянъ въ остальной Россіи было гораздо болѣе благопріятно, чѣмъ въ Прибалтійскомъ краѣ. Мы не имѣемъ возможности входить здѣсь въ разсмотрѣніе этого вопроса, но дѣйствительно въ его словахъ много правды: онъ справедливо указываетъ на то, что тогда въ Россіи было очень развито обыкновеніе отпускать крестьянъ на оброкъ, и это составляло важное преимущество русскаго крестьянина сравнительно съ лифляндскимъ.

Такова отрицательная часть статьи Эйзена; что касается положительной, то онъ не требуетъ немедленнаго уничтоженія крѣпостного права, законодательнымъ путемъ (хотя и полагалъ, вопреки мнѣнію многихъ выдающихся людей XVIII в., что не образованіе должно предшествовать свободѣ, а наоборотъ), но находитъ необходимымъ ограничить крѣпостное право. Онъ указываетъ и на невыгодность барщиннаго труда, и на то, что нѣкоторыя государства уже сто лѣтъ тому назадъ уничтожили крѣпостное право и въ этомъ не раскаялись, однако же, предлагаетъ лишь слѣдующія мѣры. Крестьяне должны получить такое количество земли, сколько они могутъ обработать, въ наслѣдственное пользованіе. Барщина должна быть уничтожена и замѣнена денежнымъ оброкомъ, который дастъ возможность помѣ-

---

[1] *Eckardt.* Livland im XVIII Jahrhundert, I. 416—417, 421—422.

щику нанимать рабочихъ (Эйзенъ ссылается на примѣръ города Риги, который, въ принадлежащихъ ему имѣніяхъ, ограничивается взиманіемъ оброка). Крестьяне должны получить право продавать хлѣбъ на сторону, кому пожелаютъ; помѣщики должны отказаться отъ монопольной продажи табака, соли и желѣза. Въ заключеніе авторъ предлагаетъ, чтобы правительство или помѣщики испробовали эти мѣры въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ, и они скоро убѣдятся въ ихъ пользѣ.

Въ предложеніяхъ Эйзена предусмотрѣны не всѣ существенные вопросы (такъ, напримѣръ, онъ только въ отрицательной части своего труда указываетъ на вредъ отъ того, что помѣщики произвольно облагаютъ налогами крестьянъ и не настаиваетъ въ своихъ заключительныхъ предложеніяхъ на соблюденіи и ими правилъ вакенбуховъ), но, во всякомъ случаѣ, нельзя не признать, что его статья—честный и энергическій голосъ въ защиту угнетенныхъ лифляндскихъ крестьянъ.

Другимъ важнымъ для насъ событіемъ 1764 г. было то, что во время своего путешествія въ Прибалтійскій край, императрица Екатерина, при проѣздѣ чрезъ Лифляндію, обратила вниманіе на нищету тамошнихъ крестьянъ; это послужило поводомъ къ важнымъ предложеніямъ въ слѣдующемъ году лифляндскому ландтагу со стороны русскаго правительства.

Созванію ландтага предшествовало напечатаніе на латышскомъ языкѣ барономъ Шульцемъ фонъ-Ашераденъ, владѣльцемъ нѣсколькихъ тысячъ душъ, правилъ, установленныхъ имъ въ своихъ имѣніяхъ, подъ названіемъ: «Ашераденское и Ремерсгофское крестьянское право, данное Карломъ-Фридрихомъ-Шульцемъ въ 1764 г. по Р. Х.». Мы упоминали уже о баронѣ Шульцѣ, какъ объ одномъ изъ депутатовъ лифляндскаго дворянства, посланныхъ чтобы исходатайствовать подтвержденіе мѣстныхъ привилегій; онъ первый нашелъ необходимымъ добровольно ограничить произволъ помѣщичьей власти и роздалъ своимъ крестьянамъ печатные экземпляры сдѣланныхъ имъ постановленій, надѣясь этимъ вызвать подражаніе своему примѣру и содѣйствовать возбужденію крестьянскаго вопроса на слѣдующемъ ландтагѣ. Вотъ главныя основанія его устава: крестьянинъ остается крѣпостнымъ и обязанъ безпрекословно повиноваться помѣщику, но господинъ не вправѣ продать или подарить его отдѣльно отъ имѣнія, если крестьянинъ не изъявитъ на то своего согласія передъ ландгерихтомъ. Все движимое имущество составляетъ неотъемлемую собственность крестьянина, которою онъ вправѣ располагать совершенно произвольно и передавать въ наслѣдство дѣтямъ. Земля принадлежитъ помѣщику, но обработываемый крестьяни-

номъ участокъ остается на всегда въ его потомственномъ пользованіи, пока онъ исправно отбываетъ лежащія на немъ повинности и не выходитъ изъ послушанія господина. Повинности крестьянъ опредѣлены разъ навсегда и не могутъ быть измѣнены безъ ихъ согласія даже наслѣдниками помѣщика. Всѣ повинности, означенныя въ вакенбухѣ и всѣ вспомогательныя работы, подробно исчисленныя въ уставѣ, крестьяне должны исполнять безплатно, за работы же, которыя сверхъ того потребуетъ помѣщикъ, онъ обязанъ платить крестьянамъ. Помѣщикъ вправѣ брать къ себѣ во дворъ мужчинъ и дѣвушекъ, но обязанъ держать первыхъ только до 24 лѣтъ, а вторыхъ до 20; по достиженіи же этого возраста, онъ долженъ отпустить ихъ обратно въ свои семейства. Домашняя расправа совершенно неограничена уставомъ, но крестьянину дано право жаловаться на помѣщика въ ландгерихтъ.

Повинности, установленныя барономъ Шульцемъ, вовсе нелегки; сопоставивъ ихъ съ тѣми поборами, которые были установлены гр. Румянцевымъ въ его лифляндскомъ имѣніи (Буртнекъ) [1], мы убѣждаемся, что русскій помѣщикъ, вовсе не публиковавшій о томъ, что онъ требуетъ отъ своихъ крестьянъ, бралъ съ нихъ несравненно менѣе, чѣмъ самый снисходительный изъ остзейскихъ бароновъ. Такимъ образомъ, значеніе «Ашераденскаго и Рёмерсгофскаго крестьянскаго права» заключается не въ какихъ-нибудь особенныхъ льготахъ въ повинностяхъ, дарованныхъ крестьянамъ, а только въ томъ, что составитель ихъ открыто призналъ обязательность для себя вакенбуховъ и указалъ вообще на необходимость точнаго опредѣленія взносовъ и работъ въ то время, когда послабленія русскаго правительства дали возможность остзейскимъ помѣщикамъ произвольно повышать повинности. Но не въ одномъ этомъ состоитъ значеніе постановленій барона Шульца: весьма важно, что крестьянина нельзя было впредь лишать земли, въ случаѣ исправнаго отбыванія повинности, что онъ могъ свободно располагать своимъ движимымъ имуществомъ и получилъ право жаловаться на помѣщика. Послѣднее было предоставлено всѣмъ крестьянамъ и при шведскомъ правительствѣ, лишенію ихъ земли также препятствовало запрещеніе уменьшать общее количество крестьянскихъ земель, такъ какъ участокъ, отнятый у одного, пришлось бы передать другому крестьянину, а при этомъ условіи

---

[1] Они извѣстны намъ изъ одного неизданнаго сочиненія, написаннаго какимъ-то лифляндцевъ на тему по крестьянскому вопросу, объявленную вольнымъ экономическимъ обществомъ.

сгонять аккуратнаго плательщика было вовсе невыгодно (платившаго же неаккуратно предоставлялъ себѣ право удалять и Шульцъ). Такимъ образомъ, права, дарованныя имъ своимъ крестьянамъ, были въ сущности только возвращеніемъ къ тому, что̀ было установлено шведскими государями и противозаконно отнято помѣщиками. Русское правительство могло бы прямо потребовать, чтобы помѣщики сообразовались съ забытыми вакенбухами, но такъ какъ оно этого не дѣлало, то большую заслугу Шульца составляетъ уже одно напоминаніе о нихъ. Сравненіе его устава съ тою картиною положенія крестьянина, которую нарисовалъ Эйзенъ, показываетъ намъ, что въ то время эти правила все-таки имѣли большое значеніе. Въ нихъ, однако, нельзя не отмѣтить одного важнаго недостатка: домашняя расправа не была ограничена, а при ея существованіи помѣщикъ могъ нетолько вынудить требуемое «согласіе» крестьянина на продажу его безъ земли, но и не допустить до жалобы на себя угрозою новаго наказанія [1].

Вѣсть о правахъ, дарованныхъ однимъ изъ лифляндскихъ помѣщиковъ, разошлась далеко и достигла Литвы и Курляндіи. Есть указанія Гупеля, что нѣкоторые тамошніе помѣщики списали постановленія Шульца, чтобы ввести ихъ у себя; неизвѣстно, впрочемъ, исполнили ли они это намѣреніе. Но объ «Ашераденскомъ и Рёмерсгофскомъ» правѣ узнали не одни дворяне; слухи о нихъ распространились среди крестьянъ, имъ удавалось даже доставать печатные экземпляры этихъ правилъ, и они вызвали броженіе, чрезвычайно раздражившее лифляндское дворянство.

При такомъ возбужденномъ состояніи общества, въ половинѣ января 1765 г., открылся лифляндскій ландтагъ, которому предстояло порѣшить весьма важные вопросы. Такъ какъ императрица нетолько устно, но и письменно приказала лифляндскому генералъ-губернатору, гр. Броуну, положить предѣлъ помѣщичьему деспотизму, то онъ сдѣлалъ ландтагу весьма важныя предложенія, въ которыхъ, между прочимъ, былъ поднятъ вопросъ и объ отношеніяхъ помѣщиковъ къ крестьянамъ. Не останавливаясь на предложеніяхъ объ учрежденіи приходскихъ школъ, объ устройствѣ запасныхъ магазиновъ и т. п., мы укажемъ на содержаніе только тѣхъ пунктовъ, которые прямо касаются положенія крѣпостныхъ. Въ третьемъ предложеніи Броунъ,

---

[1] Уставъ Шульца перепечатанъ въ приложеніи къ сочиненію *Samson von Himmelstiern*. Historischer Versuch über die Aufhebung der Leibeigenschaft in der Ostseeprovinzen, S. 152—158.

между прочимъ, писалъ: «Ея и. в. изъ жалобъ, ей принесенныхъ, съ неудовольствіемъ узнала, а при при проѣздѣ отчасти и сама замѣтила, въ какомъ великомъ угнетеніи живутъ лифляндскіе крестьяне, и рѣшилась оказать имъ помощь и особенно положить границы тиранской жестокости и необузданному деспотизму (таковы были собственныя выраженія нашей великой императрицы), тѣмъ болѣе, что такимъ образомъ наносится ущербъ нетолько общему благу, но и верховному праву короны». Главное зло, говоритъ далѣе Броунъ, состоитъ въ томъ, что крестьянинъ не имѣетъ никакого права собственности, даже «и относительно того, что онъ пріобрѣлъ своимъ потомъ и кровью»; поэтому необходимо, чтобы было признано право собственности крестьянъ на движимое имущество; такъ какъ на нихъ постоянно налагаютъ новыя тягости, то повинности должны быть опредѣлены и точно соразмѣрены съ количествомъ земли, находящейся въ ихъ пользованіи. Броунъ обратилъ также вниманіе на то, что крестьянъ подвергаютъ самымъ жестокимъ наказаніямъ, «несогласнымъ ни съ ихъ виною, ни съ чувствами христіанина». Поэтому, говоритъ онъ, правительство желаетъ положить должные предѣлы злоупотребленіямъ домашней расправы, при которой крестьянъ забиваютъ въ кандалы и арестуютъ на продолжительный срокъ въ холодныхъ помѣщеніяхъ.—Въ другомъ пунктѣ онъ потребовалъ, чтобы торговля людьми была ограничена: ихъ не слѣдуетъ продавать за границу страны, а также разлучать членовъ одного семейства.

Дворянство прежде занялось менѣе существенными вопросами и по нѣкоторымъ пунктамъ исполнило требованія правительства: напр., установило правила объ обязательномъ обученіи дѣтей крѣпостныхъ крестьянъ. Но за то предложенія, касающіяся отношеній помѣщика къ крестьянамъ, встрѣтили сильный отпоръ. Въ своемъ отвѣтѣ генералъ-губернатору дворянство ссылается на привилегію, данную Сигизмундомъ-Августомъ, говоритъ, что фактически дворянство всегда предоставляло крестьянамъ распоряженіе ихъ движимымъ имуществомъ, [1] и наблюдало только за тѣмъ, чтобы легкомысленные крестьяне не распродали ко вреду для самихъ себя и для имѣнія земледѣльческихъ орудій. Лишеніе крестьянъ земли было также рѣдкимъ исключеніемъ. Опредѣлить точную норму повинностей крайне трудно: обстоятельства настолько измѣняются, что даже правила, установленныя двадцать лѣтъ назадъ, оказались бы непригодными. Увеличенія взносовъ натурою вовсе не бываетъ. Предоставленіе крестьянамъ права жаловаться совершенно противорѣчитъ господствующимъ

[1] Это опровергается показаніями пастора Эйзена.

въ странѣ правовымъ принципамъ и при недовольномъ настроеніи крестьянъ и ихъ наклонности къ кляузамъ, могло бы повести къ самымъ опаснымъ послѣдствіямъ. Отвѣтъ кончался заявленіемъ, что дворянство чувствуетъ себя совершенно невиннымъ, если же впредь кто-либо станетъ раззорять крестьянъ, то его должно отдать подъ судъ, и признаннаго виновнымъ дворяне не примутъ въ свою среду.

Такимъ образомъ, землевладѣльцы думали отдѣлаться общими фразами; въ оправданіе ихъ можно привести лишь одно соображеніе: имъ не могло не казаться несправедливостію, что нетолько въ Россіи, но даже и въ Эстляндіи, гдѣ власть помѣщика была еще неограниченнѣе, чѣмъ въ Лифляндіи, крѣпостное право не подвергается никакимъ ограниченіямъ. Тѣмъ болѣе досадно имъ было на барона Шульца, который оглашеніемъ своего устава какъ будто накликалъ бѣду на лифляндское дворянство, до тѣхъ поръ безмятежно пользовавшееся своими правами, несмотря на двукратный запросъ правительства (въ 1739 и 1761 г.) о положеніи ихъ крестьянъ.

Въ обсужденіи отвѣта на третій пунктъ предложенія Броуна баронъ Шульцъ не принималъ участія, сославшись на составленныя имъ правила, но, впрочемъ, заявилъ, что, въ случаѣ надобности, готовъ объяснить причины своего поведенія; вызванный къ этому, онъ представилъ подробное заявленіе, въ которомъ старался убѣдить дворянъ, что нетолько чувство человѣколюбія, но и собственныя выгоды заставляютъ ихъ дать крестьянамъ право собственности и опредѣлить ихъ повинности. Будучи свидѣтелемъ, какъ много говорили императрицѣ о тираніи лифляндскаго дворянства, онъ, по его словамъ, боялся, что неограниченная власть надъ крестьянами будетъ отнята у нихъ правительствомъ. «Можетъ быть, это уже случилось бы, продолжалъ онъ:—еслибы генералъ-губернаторъ не предотвратилъ этого, представивъ императрицѣ, что дворянство само ограничитъ свои права. Къ этому могу прибавить, сказалъ далѣе баронъ Шульцъ:—что еще недавно было напечатано въ «Sammelung Russischer Geschichte» письмо одного патріота, который нетолько представляетъ крѣпостное право, какъ самое ненавистное зло, но и страшно преувеличиваетъ происходящія отъ того злоупотребленія. Можно думать, что такое hors d'oeuvre, какъ это письмо, не попало бы въ «Sammlung Russischer Geschichte» безъ особаго повода. Можетъ быть, это письмо мы должны считать послѣднимъ *гласомъ предостереженія.* Желанія ея и. в. положить предѣлы безграничному праву владѣльцевъ совершенно для насъ очевидны; если мы сами этого не

сдѣлаемъ и не выберемъ для разбора дѣлъ между нами и крестьянами особыхъ судій, то, безъ всякаго сомнѣнія, насъ ограничатъ такими предѣлами, къ которымъ мы не приспособимся, и назначатъ такихъ судій, которыхъ иначе мы имѣли бы основаніе устранить».

Комиссія, назначенная ландтагомъ, для разсмотрѣнія предложенія барона Шульца, въ своемъ отвѣтѣ, прочтенномъ при полномъ собраніи, нетолько заявила, что о принятіи этого предложенія, разумѣется, не можетъ быть и рѣчи, но, кромѣ того, она протестовала противъ нѣкоторыхъ выставленныхъ въ немъ положеній. Такъ, по ея словамъ, крѣпостное право въ Лифляндіи не есть результатъ прежняго варварства, какъ утверждаетъ баронъ Шульцъ, оно коренится въ природномъ характерѣ латышей и эстовъ, и «существованіе его вовсе не противорѣчитъ гуманности». Напечатаніе и распространеніе Ашераденскаго и Рёмерсгофскаго правъ можетъ имѣть при настоящихъ обстоятельствахъ самыя пагубныя послѣдствія, такъ какъ всѣ приходящіе въ городъ крестьяне стараются купить этотъ уставъ. Поэтому комиссія просила барона Шульца вновь собрать всѣ разошедшіеся по странѣ экземпляры. На угрозу Шульца, что правительство само приметъ мѣры для устройства быта крѣпостныхъ, коммиссія отвѣчала, что императрица съумѣетъ сдѣлать справедливое различіе между правами и обязанностями свободнаго дворянства съ одной стороны и съ другой—крестьянами, собственный характеръ которыхъ дѣлаетъ необходимымъ крѣпостное право. Такъ какъ этотъ отвѣтъ встрѣтилъ общее одобреніе собранія, то Шульцъ сложилъ съ себя званіе члена ландтага и заявилъ, что онъ навсегда отказывается отъ участія въ общественныхъ дѣлахъ.

Этотъ эпизодъ еще яснѣе показываетъ, что добровольно такое собраніе не сдѣлало бы никакихъ уступокъ по крестьянскому вопросу. Впрочемъ, правительство и не думало удовольствоваться тѣмъ уклончивымъ отвѣтомъ, который далъ ландтагъ. Депутація, сообщившая его генералъ-губернатору, возвратилась съ слѣдующимъ рѣшеніемъ: предложенія, и особенно третій пунктъ, предъявлены ландтагу, по желанію ея величества, и такъ какъ отвѣтъ, данный на нихъ, не соотвѣтствуетъ намѣреніямъ государыни, то слѣдуетъ ожидать, если онъ будетъ отосланъ, что высшее правительство само издастъ законы по этому предмету.

Только тогда ландтагъ занялся составленіемъ нѣкоторыхъ правилъ для ограниченія произвола помѣщичьей власти, и послѣ долгихъ преній, по соглашенію съ генералъ-губернаторомъ, формулировалъ постановленія, опубликованныя 12-го апрѣля 1765 г.

Объявленіе это составлено такимъ образомъ, что всѣ уступки въ пользу крестьянъ являются добровольнымъ даромъ со стороны дворянства. Постановленія, объявленныя въ немъ, заключались въ слѣдующемъ:

1) Крестьянинъ, если онъ исполнилъ всѣ повинности и ничего не долженъ помѣщику, можетъ свободно распоряжаться своимъ движимымъ имуществомъ; однако, если онъ захочетъ продать рогатый скотъ или лошадей, то долженъ предварительно заявить господину, чтобы вслѣдствіе этого не былъ разоренъ весь дворъ.

2) Помѣщики не будутъ увеличивать взносовъ натурою; перемѣнить одинъ взносъ на другой могутъ только съ согласія крестьянъ.

3) Хотя помѣщикъ вправѣ назначать своихъ крестьянъ на какую хочетъ работу, однако, господа желаютъ впредь установить, сколько крестьянинъ долженъ работать и ставить подводъ, смотря по его имуществу и силамъ. Сверхъ этой опредѣленной работы, они не будутъ ничего требовать иначе, какъ освободивъ ихъ отъ какой-нибудь повинности или вознаградивъ ихъ деньгами.

4) Если господинъ разъ увеличитъ опредѣленную работу и взносы припасовъ, то крестьянамъ дозволяется сдѣлать ему объ этомъ вѣжливое представленіе; если онъ не отмѣнитъ своего новаго распоряженія, то могутъ жаловаться орднунгс-герихту, но только исполнивъ все, что требовалъ господинъ. Каждый долженъ приносить свою жалобу словесно, не беря съ собою никакого адвоката; крестьяне не должны также приносить жалобу цѣлою толпою, а каждый отъ себя. Если же у всѣхъ ихъ общая жалоба, то могутъ прислать отъ себя двухъ депутатовъ, которые должны заявить о ней въ присутствіи надсмотрщика, назначеннаго господиномъ, остальные же обязаны оставаться дома.

За ложную жалобу крестьянъ наказываютъ въ первый разъ 10-ю парами розогъ, во второй разъ—20-ю парами около церкви, а въ третій—ихъ отдаютъ на годъ на работу въ крѣпость.

Кромѣ этой публикаціи, предназначенной для крестьянъ, одновременно съ ней была разослана еще другая для владѣльцевъ имѣній, которою предписывалось:

1) Изъ каждаго имѣнія должно быть прислано въ канцелярію дворянства не позже 1-го августа того же года заявленіе о томъ, какія повинности несли въ немъ крестьяне.

2) Объявленныя, такимъ образомъ, повинности помѣщикъ не долженъ былъ повышать.

3) За легкіе проступки можно наказывать тотчасъ плетью, но за большія провинности, какъ-то: упорное непослушаніе, побѣгъ, воровство и проч.—розгами, но только не болѣе 10 паръ и притомъ по три удара каждою парою.

4) Крестьянина не должно держать въ заключеніи долѣе 24 часовъ, кромѣ того случая, когда въ преступленіи участвовали многіе и потому нужно извѣстное время для производства слѣдствія; но тогда арестованнаго должно содержать въ тепломъ помѣщеніи и проч.

Кромѣ того, на ландтагѣ былъ сдѣланъ уговоръ, что за продажу людей на рынкѣ будутъ подвергать штрафу въ 200 талеровъ альб., а за разлученіе при этомъ мужа съ женой — 400 талеровъ [1]; это послѣднее постановленіе осталось негласнымъ.

Эти правила, составленныя ландтагомъ, совершенно справедливо признаютъ крайне недостаточными нетолько русскіе изслѣдователи, писавшіе о крестьянскомъ вопросѣ въ Прибалтійскомъ краѣ, какъ, напримѣръ, Самаринъ, но и нѣмецкіе историки Лифляндіи. Г. Эккардтъ, сочиненіе котораго мы уже цитировали, говоритъ: «Если за масштабъ для сужденія о постановленіяхъ ландага 1765 г. мы примемъ не что иное, какъ Ашераденъ-Рёмерсгофское крестьянское право, то мы должны будемъ признать, что они не могутъ удовлетворить самымъ скромнымъ требованіямъ справедливости и что К. Ф. Шульцъ имѣлъ полное право отъ нихъ отвернуться. Уже самая форма публикаціи, обращенной къ крестьянамъ, исключаетъ возможность всякаго юридическаго воздѣйствія; нигдѣ нѣтъ и рѣчи о строгихъ обязательствахъ, принятыхъ на себя господами, вездѣ говорится только, что они «желаютъ» и будутъ дѣлать то или другое; такія выраженія, какъ «должны», «обязаны», повидимому, съ намѣреніемъ избѣгаются. Между тѣмъ какъ Ашераденское крестьянское право, установляя, что крестьянинъ попрежнему обязанъ повиноваться господину, предоставляетъ ему, однако, право собственности, въ публикаціи съ особенною настоятельностію ставятъ на видъ, что «крестьянинъ остается во всѣхъ отношеніяхъ собственностію своего господина» и что данное ему право собственности на движимое имущество—только производное и условное. Что крестьянина не должно продавать или какъ-нибудь иначе отчуждать отдѣльно отъ имѣнія, къ которому онъ принадлежитъ (правило, поставленное Шульцемъ во главѣ своего устава), объ этомъ нѣтъ и рѣчи; даже необнародованное обязательство, принятое на себя членами ландтага, запрещаетъ только разлученіе супруговъ и

[1] Альбертовый талеръ равняется 1 р. 26 к. *Samson*, 36.

продажу на рынкѣ. Ашераденскій статутъ предоставляетъ крестьянамъ нетолько право собственности на движимое имущество, но и ненарушимое наслѣдственное владѣніе своимъ дворомъ; пока земледѣлецъ исполняетъ назначенныя службы и взноситъ всѣ поборы, *должно* оставить дворъ во владѣніи его самого и его семейства; между тѣмъ, публикація ограничиваетъ право крестьянина имѣть собственность оговоркою [1], которая съ самаго начала дѣлаетъ его проблематическимъ, распространяетъ это право только на движимое имущество и ни единымъ звукомъ не упоминаетъ объ отношеніяхъ, въ которыхъ находится крестьянинъ къ своему двору. Еще хуже постановленія въ публикаціи относительно крестьянскихъ работъ и взносовъ, размѣръ которыхъ поставленъ въ зависимость отъ одного произвола господина; послѣдній обязанъ только заявить, «сколько онъ хочетъ брать съ крестьянъ». О вакенбухахъ ни въ публикаціи, ни въ патентѣ землевладѣльцамъ нѣтъ и рѣчи... Хотя бы вспомнили объ основныхъ началахъ прежняго обложенія податями и указали бы на то, что требуемое «извѣстіе и объявленіе о повинностяхъ, существовавшихъ до послѣдняго ландтага «не совершенно зависитъ отъ произвола господина»... Да и это требованіе объ доставленіи свѣдѣній о существующихъ повинностяхъ не было исполнено, такъ какъ за его нарушеніе не было постановлено никакого штрафа. Право крестьянъ жаловаться обставлено множествомъ условій, несоблюденіе которыхъ подвергало ихъ наказаніямъ; они не избѣгали ихъ и въ томъ случаѣ, если имъ не удавалось убѣдить судей въ основательности своей жалобы, а, между тѣмъ, въ 1632 г., во время шведскаго господства, крестьянину было предоставлено неограниченное право жаловаться на своего господина [2]. Негодность постановленія ландтага хорошо понимали и просвѣщенные современники; Шлёцеръ въ своихъ Stats-Anzeigen осудилъ ихъ, какъ жестокіе и варварскіе, такъ, напримѣръ, по поводу дозволенія крестьянамъ считать своею собственностію и передавать по наслѣдству движимое имущество, Шлёцеръ замѣчаетъ: «*брать* у кого-нибудь его деньги, скотъ, сѣно и все, что онъ самъ пріобрѣлъ или унаслѣдовалъ, называется еще со времени Моисея *кражею.* Развѣ это не было запрещено до 1765 г. ни въ одномъ рижскомъ катехизисѣ? или тамъ у помѣщиковъ другой катехи-

---

[1] Она начинается такъ: «хотя все, что имѣетъ крестьянинъ, такъ же, какъ и онъ самъ — собственность господина, которою онъ можетъ распоряжаться по своему желанію, однако, лифляндскіе дворяне желаютъ» и проч.

[2] *Eckardt.* Livland im XVIII Jahrhundert S. 333—338. Гупель говоритъ: «Въ ордиунгсгерихтахъ многихъ крестьянъ наказывали розгами... вѣроятно, потому, что они забывали условія, предписанныя для принесенія жалобы».

*

зисъ, чѣмъ у ихъ подданныхъ? Но, по крайней мѣрѣ, для тѣхъ и для другихъ существовалъ одинъ уголовный кодексъ, который строго запрещалъ воровство и грабежъ» [1].

Нѣтъ ничего мудренаго, что правила 1765 г. были совершенно неисполнены и вовсе не улучшили положенія крестьянъ. Но не слѣдуетъ, впрочемъ, думать, что даже эти жалкія постановленія не принесли никакой пользы; для того, чтобы оцѣнить хоть нѣкоторое нравственное ихъ значеніе (юридическаго — они не имѣли никакого), слѣдуетъ вспомнить, что въ сосѣдней Великороссіи нетолько въ это время, но и въ теченіи всего царствованія Екатерины, помѣщичій произволъ не былъ ничѣмъ ограниченъ; напротивъ того, права помѣщиковъ были расширены. Нравственный результатъ этихъ правилъ заключается въ томъ, что, по словамъ Эккардта, «нельзя уже было заставить забыть лежащую въ основаніи предложеній Броуна и признанную дворянствомъ мысль, что лифляндскій крестьянинъ—гражданинъ государства и, какъ таковой, имѣетъ право находиться подъ защитою правительства», но дѣло только въ томъ, что для русскаго крѣпостного даже жалкія правила 1765 г. были бы первымъ словомъ закона въ его пользу, между тѣмъ, какъ для крестьянина Прибалтійскаго края они были шагомъ назадъ сравнительно съ шведскимъ законодательствомъ и нетолько не обуздывали фактически установившагося произвола помѣщиковъ, но даже, не упоминая объ вакенбухахъ, только санкціонировали пренебреженіе ими.

Повторяемъ, правила 1765 г. не имѣли полезнаго и практическаго значенія для лифляндскаго крестьянина, но для насъ во всякомъ случаѣ интересно, что русское правительство обнаружило въ этомъ вопросѣ нѣкоторую настойчивость по прямому желанію императрицы, такъ какъ это, повидимому, обѣщало энергическую дѣятельность съ цѣлью улучшенія быта крестьянъ и въ другихъ мѣстностяхъ Россіи [2].

---

[1] Naturrecht, christliche wahre Menschenliebe in Livland въ Stats-Anzeiger Шлёцера за 1782 г. Bd. II, 432.

[2] Не говоря о дальнѣйшей исторіи крестьянскаго вопроса въ Остзейскомъ краѣ, такъ какъ это не входитъ въ нашу задачу, упомянемъ только о слѣдующемъ. Когда въ 1769 г. эзельская земская ревизіонная комиссія представляла о необходимости «предписать власти помѣщиковъ надъ ихъ крестьянами границы, предохраняющія крестьянъ противу рабства, и чрезъ сіе самое доставить Эзельской провинціи время и случай сдѣлаться достойною вольности», на докладѣ была положена резолюція: «оба сіи пункта принадлежатъ по существу своему до первоначальнаго въ государствѣ основанія и составляютъ вопросъ весьма деликатный, не менѣе-жъ сего и важный, а посему разрѣшеніе его зависитъ по надлежащему отъ общаго опредѣленія комиссіи уложен-

Мы остановились подробно на этомъ эпизодѣ царствованія Екатерины II нетолько потому, что это была первая попытка Екатерины осуществить на дѣлѣ свои освободительныя идеи, но еще болѣе потому, что при дальнѣйшемъ изложеніи мы встрѣтимъ среди другихъ лицъ, которыя участвовали въ составленіи проэктовъ рѣшенія крестьянскаго вопроса, не мало дѣятелей изъ остзейскаго дворянства: мы будемъ имѣть случай познакомиться съ отвѣтами нѣсколькихъ лифляндцевъ на задачу вольнаго экономическаго общества, съ проэктами по крестьянскому вопросу, составленными остзейскими депутатами въ екатерининской законодательной комиссіи. Безъ нѣкотораго знакомства съ положеніемъ крѣпостныхъ Прибалтійскаго края и первыхъ плановъ и попытокъ улучшенія ихъ быта была бы менѣе понятна дѣятельность остзейцевъ и по крестьянскому вопросу въ Россіи вообще; а мы увидимъ, что, при составленіи проэктовъ крестьянскихъ правъ, они играли немаловажную роль. Насколько ихъ дѣятельность могла быть для насъ полезна — это мы увидимъ изъ послѣдующаго изложенія.

III.

Предложеніе П. И. Панина по крестьянскому вопросу.—Отношеніе къ этому вопросу Наказа имп. Екатерины.—Мѣста Наказа, не пропущенныя придворной цензурой.—Возраженія Сумарокова.—Взгляды Д. А. Голицына и И. П. Елагина на крестьянскій вопросъ.

Какъ мы уже сказали, дѣйствія нашего правительства относительно крестьянскаго вопроса въ Лифляндіи возбуждали надежду, что нѣкоторыя мѣры для обузданія произвола помѣщиковъ будутъ приняты и въ самой Россіи. Необходимость регулированія законодательнымъ путемъ отношеній землевладѣльцевъ къ крестьянамъ начинали въ это время сознавать даже такія лица, которыхъ вовсе нельзя причислить къ либеральной партіи. Такъ, напримѣръ, П. И Панинъ, въ запискѣ, поданной въ 1763 г, императрицѣ, указывалъ на то, что владѣльцы собираютъ съ своихъ крестьянъ поборы и налагаютъ на нихъ работы, «нетолько превосходящія примѣры ближнихъ заграничныхъ жителей, но *частенько выступающіе и изъ сносности человѣческой*»; онъ об-

пой». Генералъ-губернатору Броуну предписано было сообщить объ этомъ комиссіи (П. С. З. т. XVIII, № 13,329). Нужно замѣтить, что въ это время большое собраніе было уже распущено, но крестьянскій вопросъ дѣятельно обсуждался въ одной изъ частныхъ комиссій.

ращалъ также вниманіе на то, что помѣщики продаютъ многихъ своихъ людей для отдачи въ рекруты, такъ что, по его мнѣнію, одною изъ причинъ побѣговъ крестьянъ въ Польшу была «ничѣмъ неограниченная помѣщичья власть». Для прекращенія злоупотребленій, онъ предлагалъ установить надзоръ губернаторовъ за невоздержными помѣщиками, запретить торговлю рекрутами, дозволить продажу только цѣлыми семьями и, наконецъ, составить примѣрное положеніе о крестьянскихъ повинностяхъ. Все это, впрочемъ, онъ предлагалъ сдѣлать секретно, чтобы не возбудить неповиновенія въ крѣпостномъ населеніи Россіи. Что касается размѣровъ повинностей, то предложенный имъ оброкъ (2 р. съ души) былъ довольно умѣренный, но едва-ли было желательно опредѣлить, согласно съ его мнѣніемъ, чтобы помѣщики не могли требовать отъ крестьянъ барщины болѣе четырехъ, дней въ недѣлю. Господствующимъ обычаемъ въ то время была трехдневная барщина, слѣдовательно, ее и нужно было принять за норму при опредѣленіи крестьянскихъ повинностей, а иначе, назначенный правительствомъ maximum, конечно, обуздалъ бы самыхъ безжалостныхъ помѣщиковъ, да и то лишь при энергическомъ надзорѣ администраціи (на что трудно было разсчитывать), но зато побудилъ бы, пожалуй, весьма многихъ изъ тѣхъ, которые прежде требовали отъ крестьянъ трехдневной барщины накинуть на нихъ лишній день работы.

Были, однако, люди, сравнительно съ которыми и П. Панинъ былъ либераломъ. Въ то время, какъ онъ требовалъ опредѣленія закономъ крестьянскихъ повинностей, другой, гораздо болѣе заслуженный вельможа, къ которому Екатерина не разъ обращалась за совѣтами въ важныхъ случаяхъ, А. П. Бестужевъ-Рюминъ настаивалъ, напротивъ того, чтобы дворянамъ дана была безпредѣльная власть надъ крѣпостными и чтобы послѣдніе не имѣли права жаловаться на своихъ господъ [1].

При такихъ противоположныхъ совѣтахъ Екатерина принялась за составленіе своего Наказа. «Два года я читала и писала, свидѣтельствуетъ она сама, не говоря о томъ полтора года ни слова»; писать она начала въ февралѣ 1765 года, какъ положительно видно изъ письма императрицы къ г-жѣ Жоффренъ [2]. Еще ранѣе окончанія труда, императрица показывала его кн. Г. Г. Орлову и гр. Н. И. Панину; первый былъ въ восторгѣ отъ этого произведенія, второй замѣтилъ: «Ce sont des axiomes à renverser des murailles» [3]. Духовныя лица, которымъ поручено было раз-

[1] Соловьевъ, XXV. 275, 282—284.

[2] «Сб. ист. общ.». I. 268.

[3] Мы полагаемъ, что это не что иное, какъ шутка; Н. И. Панинъ не былъ какимъ-нибудь дикимъ консерваторомъ.

смотрѣть Наказъ (въ числѣ ихъ былъ Гавріилъ, епископъ тверской), хотя и сдѣлали нѣсколько возраженій (между прочимъ они были противъ полной свободы слова), однакожъ, вполнѣ сочувственно отнеслись къ Наказу [1]. Наказъ подвергался также просмотру поэта Сумарокова, съ замѣчаніями котораго мы познакомимся ниже. За-границей ранѣе всѣхъ о составленіи «Наказа» была оповѣщена г-жа Жоффренъ, а затѣмъ и нѣкоторыя литературныя знаменитости Франціи. Въ іюнѣ 1765 года, она пишетъ Жоффренъ:—«Въ этомъ трудѣ, я высказалась вполнѣ и не скажу болѣе ни слова въ продолженіе всей жизни. Общее мнѣніе тѣхъ, которые прочли «Наказъ», что онъ *non plus ultra* совершенства; но, мнѣ кажется, что можно еще кое-что исправить. Я не хотѣла помощниковъ въ этомъ дѣлѣ, опасаясь, что каждый сталъ бы дѣйствовать въ различномъ направленіи, а здѣсь надо провести одну только нить и крѣпко за нее держаться». Въ письмѣ къ Даламберу, въ половинѣ 1765 г., Екатерина говоритъ: Въ Наказѣ «на пользу моей имперіи обобрала президента Монтескьё, не называя его. Надѣюсь, что еслибы онъ съ того свѣта увидалъ меня работающей, то простилъ бы эту литературную кражу во благо 20 мил. людей, которое изъ того послѣдуетъ. Онъ слишкомъ любилъ человѣчество, чтобы этимъ обидѣться».

Въ началѣ февраля 1767 г., она пишетъ къ Даламберу относительно «Наказа»: «Болѣе половины мною зачеркнуто, разорвано и сожжено и Богъ вѣдаетъ, что станетъ съ остальнымъ; однако, придется рѣшиться къ назначенному мною сроку» [2].

Черезъ день послѣ составленія этого письма, императрица отправилась въ Москву и пробыла тамъ февраль, мартъ и апрѣль мѣсяцы. Поселившись въ Коломенскомъ дворцѣ, она призвала къ себѣ нѣсколько лицъ различнаго образа мыслей и приказала имъ читать «Наказъ». Тутъ, по ея словамъ, каждая статья возбуждала пренія. Она дала имъ волю измѣнять и вымарывать все, что они захотятъ и такимъ образомъ, если вѣрить ея свидѣтельству, было исключено болѣе половины написаннаго [3]. На эти-то предстоящія измѣненія очевидно намекала императрица, когда говорила въ письмѣ къ Даламберу, что она не знаетъ, «что станется съ остальными».

Въ этомъ измѣненномъ видѣ «Наказъ» появился въ печати въ концѣ іюля 1767 года; изъ первоначальной его редакціи намъ извѣстны только нѣкоторые отрывки, и мы будемъ имѣть случай познакомиться съ любопытными мѣстами о крестьянскомъ вопро-

---

[1] *Сухомлиновъ.* «Ист. рос. акад.». I, 61—62.
[2] «Сб. ист. общ.». I, 276. Ср. 283. X, 31, 94—95, 167.
[3] «Русск. Архивъ» 1865 г., стр. 479—480.

сѣ, непропущенными цензурой, которой подвергла императрица свое произведеніе. Теперь же остановимся пока на «Наказѣ» въ томъ видѣ, какъ онъ появился въ печати.

Императрица сама признавалась въ письмѣ къ Даламберу, что она «обобрала президента Монтескьё». Точно также въ письмѣ къ Фридриху Великому, вмѣстѣ съ которымъ былъ отправленъ къ нему «Наказъ», она говоритъ:—«Вы увидите, что я, какъ ворона въ баснѣ, нарядилась въ павлиньи перья. Въ этомъ сочиненіи мнѣ принадлежитъ только расположеніе матерьяла и то здѣсь, то тамъ—одна строчка, одно слово; если собрать все, что я прибавила, я не думаю, чтобы вышло болѣе двухъ или трехъ листовъ» [1]. Дѣйствительно оказывается, что изъ 526 статей «Наказа» около ста (отъ 147 до 245) заимствованы изъ извѣстнаго сочиненія Беккаріи, а болѣе 250 взято у Монтескьё. «Заимствованія», говоритъ одинъ изъ нашихъ ученыхъ юристовъ, спеціально занимавшійся «Наказомъ»:—сдѣланы или въ видѣ буквальнаго перевода съ сохраненіемъ порядка самаго подлинника, каковы заимствованія изъ Беккаріи, или въ видѣ компиляціи, недержащейся расположенія предметовъ подлинника, каковы заимствованія изъ Монтескьё» [2]. Мы ограничимся разсмотрѣніемъ только тѣхъ мѣстъ «Наказа», которыя посвящены крестьянскому вопросу, но и тутъ увидимъ не мало заимствованій.

Нужно избѣгать случаевъ «приводить людей въ неволю, развѣ крайняя необходимость къ учиненію того привлечетъ и то не для собственной корысти, но для пользы государственной»; къ этимъ словамъ, которыя встрѣчаются и въ болѣе полной редакціи XI главы, въ печатномъ «Наказѣ» еще прибавлено: «однако и то едва ли не весьма рѣдко бываетъ» (ст. 253). Относительно необходимости ограничить произволъ владѣльцевъ находимъ въ «Наказѣ» слѣдующія замѣчанія. Статья 254—«какого бы рода покорство ни было, надлежитъ, чтобы законы гражданскіе съ одной стороны злоупотребленіе рабства отвращали, а съ другой стороны—предостерегали бы опасности, могущія оттуда произойти»—представляетъ буквальный переводъ изъ Монтескьё [3]. Вмѣстѣ съ этимъ Екатерина указываетъ на необходимость предупреждать тѣ причины, которыя вызываютъ «непослушаніе рабовъ противъ господъ», такъ какъ иначе законы не могутъ прекратить этого непослушанія и доставить спокойствіе и тѣмъ и другимъ

---

[1] *Пекарскій.* Матерьялы для ист. журн. и литер. дѣят. Екатерины. Прилож. къ III т. «Зап. акад.». № 6. 1863 г., стр. 79.

[2] *Кистяковскій.* «Изложеніе началъ уголовнаго права по «Наказу» императрицы Екатерины II». «Кіев. унив. изв.», 1864 г., № 10, стр. 2.

[3] De l'esprit des lois, livre XV ch. 11.

(ст. 263). Необходимость наказывать «злоупотребленія рабства» подтверждается примѣромъ аѳинянъ, которые «строго наказывали того, кто съ рабомъ поступалъ свирѣпо» (ст. 259) [1]. Еще убѣдительнѣе для русской публики было то, что Петръ Великій велѣлъ отдавать подъ опеку нетолько безумныхъ, но и мучающихъ своихъ подданныхъ. «По первой статьѣ сего указа чинится» исполненіе, а послѣдняя для чего безъ дѣйства осталася, неизвѣстно (ст. 256), спрашиваетъ Екатерина. Большіе оброки весьма вредно отражаются на земледѣліи и на размноженіи народонаселенія; «весьма бы нужно было предписать помѣщикамъ закономъ, чтобы они съ бо̀льшимъ разсмотрѣніемъ располагали свои поборы и тѣ бы поборы брали, которые менѣе мужика отлучаютъ отъ его дома и семейства» (ст. 269, 270, 275, 276). Авторъ, опровергая мнѣніе, что чѣмъ бо̀льшія на подданныхъ «наложены дани, тѣмъ больше приходятъ они въ состояніе платить оныя», замѣчаетъ, что такія «мудрованія» всегда причиняли и будутъ причинять погибель самодержавнымъ государствамъ (ст. 277). Императрица признаетъ также необходимость огражденія закономъ правъ крестьянина на имущество: «Законы могутъ учредить нѣчто полезное для собственнаго рабовъ имущества (ст. 261) [2]; не можетъ земледѣльство процвѣтать тутъ, гдѣ никто (по-французски: le cultivateur ou laboureur, по-нѣмецки: der Ackersmann) не имѣетъ ничего собственнаго»; это основано на томъ, что каждый болѣе заботится о своемъ собственномъ и небрежетъ о томъ, что другой у него отниметъ» (ст. 295, 296); но рядомъ съ этимъ императрица помѣщаетъ весьма неопредѣленныя фразы, въ родѣ того, что «правленіе весьма сходственно съ естествомъ есть то, котораго частное расположеніе соотвѣтствуетъ лучше расположенію народа, ради котораго оно учреждается»; подобныя выраженія служили впослѣдствіе подкрѣпленіемъ мнѣнію тѣхъ депутатовъ, которые говорили, что свобода крестьянъ не свойственна нашимъ нравамъ и образу правленія.—Императрица вооружается, наконецъ, противъ того, что помѣщики, по своему произволу, женятъ и выдаютъ замужъ своихъ крѣпостныхъ: «Обыкновенно въ узаконеніяхъ положено, говоритъ она: — отцамъ сочетовать союзомъ

---

[1] Заимствовано, но съ измѣненіемъ у Монтескьё: «A Athènes on punissait sévèrement, *quelquefois même de mort*, celui qui avait maltraité l'esclave *d'un autre*», livre XV, ch. 17).

[2] Въ нѣмецкомъ переводѣ гораздо яснѣе: «Die Gesetze können dadurch etwas Gutes stiften, wenn sie den Leibeigenen ein Eigenthum bestimmen». По-французски: «Les lois peuvent favoriser le pecule des esclaves». Послѣднее прямо заимствовано изъ Монтескьё, у котораго еще прибавлено: *et mettre les esclaves en état d'acheter leur liberté* (XV, 18). Послѣднее было также переведено въ первоначальной редакціи, но потомъ опущено.

брачнымъ дѣтей своихъ. Но что изъ сего выйдетъ, если притѣсненіе и сребролюбіе дойдутъ до того, что присвоятъ себѣ неправильнымъ образомъ власть отцовскую? Надлежало бы еще отцовъ поощряти, чтобъ дѣтей своихъ бракомъ сочетовали, а не отымать у нихъ воли сочетовать дѣтей по ихъ лучшему усмотрѣнію» (ст. 288). Такимъ образомъ опредѣленіе повинностей крестьянъ особымъ закономъ, наказаніе помѣщиковъ, мучающихъ своихъ крестьянъ, огражденіе ихъ правъ на имущество и предоставленіе имъ свободы жениться, на комъ они хотятъ—вотъ тѣ реформы, на необходимость которыхъ прямо или косвенно указывала почтанная редакція «Наказа». Дѣло такимъ образомъ шло не объ освобожденіи крестьянъ, а объ улучшеніи ихъ быта; да это и понятно, такъ какъ Екатерина, подъ вліяніемъ Монтескьё, думала, что «не должно вдругъ и чрезъ узаконенія общія дѣлать великаго числа освобожденныхъ» (ст. 260) [1].

Остановимся теперь на тѣхъ мѣстахъ болѣе полной редакціи «Наказа», которыя не попали въ печатное изданіе. Сюда относится во-первыхъ различіе между servitude réelle и servitude personnelle—крестьянствомъ и холопствомъ, съ замѣчаніемъ, что «великое злоупотребленіе есть, когда оно (рабство) въ одно время и личное и существенное [2]. Затѣмъ въ первоначальной редакціи было гораздо болѣе сказано о мѣрахъ противъ помѣщиковъ, небоотящихся о своихъ крѣпостныхъ, мучающихъ ихъ или подвергающихъ разнымъ насиліямъ. «Законы должны и о томъ имѣть попеченіе, чтобы рабы и въ старости и въ болѣзняхъ не были оставлены. Одинъ изъ кесарей римскихъ узаконилъ рабамъ, оставленнымъ во время ихъ болѣзни отъ господъ своихъ, быть свободнымъ, когда выздоровѣютъ. Сей законъ утверждалъ рабамъ свободу; *но надлежало бы еще утвердить закономъ и сохраненіе ихъ жизни.* Когда законъ дозволяетъ господину наказывать своего раба жестокимъ образомъ, то сіе право долженъ онъ употреблять какъ судья, а не какъ господинъ. Желательно, чтобъ можно было закономъ предписать въ производствѣ сего порядокъ, по которому бы не оставалось ни малаго подозрѣнія въ учиненномъ рабу насиліи» [3]. Но, разумѣется, крестьянину было бы небольшое утѣшеніе въ томъ, что господинъ продолжалъ бы жестоко наказывать его только въ качествѣ не господина, а судьи. Прививать къ намъ правила сеньёріальной юрисдикціи

---

[1] Буквально взято у Монтескьё (liv. XV. ch. 18).

[2] Все это цѣликомъ заимствовано у Монтескьё. XV, 10. Часть этого мѣста вошла потомъ въ «Начертаніе о приведеніи къ окончанію комиссіи для сочин. нов. улож.».

[3] Все это заимствовано у Монтескьё (XV, 17).

было бы вовсе нежелательно. Поэтому гораздо практичнѣе предложеніе, почерпнутое Екатериною не изъ Монтескьё, а изъ самой жизни. «Въ россійской Финляндіи, говоритъ она:—выбранные седмь или осмь крестьянъ во всякомъ погостѣ составляютъ судъ, въ которомъ судятъ во всѣхъ преступленіяхъ. Съ пользою подобный способъ можно бы учредить для уменьшенія домашней суровости помѣщиковъ или слугъ, или посылаемыхъ на управленіе деревень ихъ безпредѣльное, что часто раззорительно деревнямъ и народу и вредно государству, когда удрученные отъ нихъ крестьяне принуждены бываютъ неволею бѣжать изъ своего отечества. Есть государства, гдѣ никто не можетъ быть осужденъ инако, какъ двѣнадцатью особами ему равными: законъ, который можетъ воспрепятствовать сильно мучительству господъ, дворянъ, хозяевъ». Предлагалась мѣра и для огражденія крестьянокъ отъ изнасилованія: «есть положеніе въ ломбардскихъ законахъ, которое во всѣхъ родахъ правленія полезно быть можетъ: «если господинъ насилуетъ жену или дочь своего раба, то вся семья оного будетъ отъ рабства освобождена»; средство къ предупрежденію и укрощенію невоздержности господъ» [1]. Въ печатномъ «Наказѣ» мы встрѣчаемъ только ссылку на то, что у аѳинянъ наказывали тѣхъ, кто «съ рабомъ поступалъ свирѣпо», причемъ опущено окончаніе этой фразы, которое въ первоначальной редакціи вполнѣ приведено изъ Монтескьё (XV, 17): «Аѳинскій законъ благоразумно не хотѣлъ присоединить лишенія безопасности къ лишенію вольности»; но, кромѣ того, въ первоначальной редакціи мы находимъ и другія подобныя указанія, заимствованныя изъ той же главы Монтескьё, а именно, что у грековъ рабы, съ которыми господа обращаются жестоко, могли требовать, чтобы они были проданы другому; нѣчто подобное существовало и въ Римѣ.—Въ первоначальной редакціи встрѣчалось также указаніе на возможность опредѣленія извѣстнаго срока рабства: «Могутъ еще законы опредѣлить урѣченное время службы: въ законѣ Моисеевомъ ограничена на шесть лѣтъ службы враговъ»; но, какъ это можно было бы примѣнить къ нашей жизни — авторъ не указываетъ. Единственная мѣра изо всѣхъ этихъ предложеній, осуществленная впослѣдствіи императрицею, было предложеніе запретить вольноотпущеннымъ вновь закрѣпощать себя; она также была навѣяна чтеніемъ Монтескьё [2]. Гарантировать крѣпостнымъ право на имущество нужно для того, чтобы они могли купить себѣ свободу. Кромѣ того, нужно, чтобы законы граждан-

---

[1] Взято у Монтескьё (XV, 12).
[2] Ср. L'esprit des lois. XV, 2.

скіе опредѣлили точно, сколько рабъ долженъ заплатить за освобожденіе своему господину [1]. Всѣ эти желанія объ учрежденіи сельскаго суда изъ крестьянъ, освобожденіи изъ рабства семейства изнасилованной женщины и, наконецъ, опредѣленіе размѣра выкупа—не вошли въ составъ печатнаго «Наказа».

Изъ возраженій, какія дѣлались разными лицами, читавшими Наказъ, до насъ дошли весьма немногіе, изъ нихъ всего любопытнѣе замѣчанія поэта Сумарокова, крайняго крѣпостника. По поводу его словъ: «между крѣпостнымъ и невольникомъ разность—одинъ привязанъ къ землѣ, а другой къ помѣщику», Екатерина замѣтила: «Какъ это сказать можно, отверзите очи!» По поводу предложеній объ ограниченіи помѣщичьей расправы, Сумароковъ говоритъ: «Господинъ долженъ быть судья—это правда... Добрые господа всѣ судьи слугамъ своимъ, и отдать это лучше на совѣсть господамъ, нежели на совѣсть слугамъ». «Богъ знаетъ, развѣ по чинамъ качества считать», возразила Екатерина. По поводу всей XI главы «Наказа», проникнутой особенно въ первоначальномъ видѣ либеральными тенденціями, Сумароковъ замѣтилъ: «Сдѣлать русскихъ крѣпостныхъ людей вольными нельзя: скудные люди ни повара, ни кучера, ни лакея имѣть не будутъ, и будутъ ласкать слугъ своихъ, пропуская имъ многія бездѣльства, дабы не остаться безъ слугъ и безъ повинующихся имъ крестьянъ; и будетъ ужасное несогласіе между помѣщиками и крестьянами, ради усмиренія которыхъ потребны многіе полки, и непрестанная будетъ въ государствѣ междоусобная брань, и вмѣсто того, что нынѣ помѣщики живутъ покойно въ вотчинахъ (*и бываютъ зарѣзаны отчасти отъ своихъ*, метко прибавила императрица), вотчины ихъ превратятся въ опаснѣйшія имъ жилища; ибо они будутъ зависѣть отъ крестьянъ, а не крестьяне отъ нихъ». Теперь же «помѣщики крестьянъ, а крестьяне помѣщиковъ очень любятъ, а нашъ низкій народъ никакихъ благородныхъ чувствій еще не имѣетъ». «И имѣть не можетъ въ нынѣшнемъ состояніи», замѣтила Екатерина [2].

Такъ какъ еще въ то время, когда «Наказъ» не появился въ печати, въ придворныхъ кружкахъ было уже извѣстно, что императрица интересуется крестьянскимъ вопросомъ, то естественно, что дѣло, котораго она должна была касаться во многихъ разговорахъ, стало занимать и окружающихъ ее людей. Доказательствомъ этому служитъ, между прочимъ, переписка съ вице-канцлеромъ Александромъ Михайловичемъ Голицынымъ русскаго посланника

---

[1] «Сб. ист. общ.». X, 153—156.
[2] «Сб. ист. общ.» X, 84—86.

при Версальскомъ дворѣ, извѣстнаго своими сношеніями съ французскими писателями, князя Дмитрія Алексѣевича Голицына. Въ двухъ своихъ письмахъ (одно въ октябрѣ 1765 г., другое въ маѣ 1766 г.), онъ подробно касается крестьянскаго вопроса. Любопытно, что письма эти прочитывались не однимъ А. М. Голицынымъ, но сообщались и императрицѣ и графу Н. И. Панину; какъ она, такъ и вице-канцлеръ, дѣлали мѣстами замѣтки и возраженія на нѣкоторыя высказанныя въ нихъ мысли; къ сожалѣнію, издатель этихъ писемъ не вездѣ указываетъ, кому именно изъ этихъ трехъ лицъ принадлежитъ та или другая замѣтка. Князь Д. А. Голицынъ желаетъ, во-первыхъ, чтобы крестьянамъ было предоставлено право собственности, какъ на движимое имѣніе, такъ и на земли; онъ соглашается съ мнѣніемъ вице-канцлера, что право собственности внушитъ любовь къ отечеству и т. д. Затѣмъ онъ желаетъ, чтобы былъ уничтоженъ обычай получать съ деревень доходы натурою и особенно требавать ихъ поставки въ отдаленныя мѣста большими обозами. Онъ указываетъ на то, что деревни, состоящія на денежномъ оброкѣ, гораздо зажиточнѣе; поставка же припасовъ составляетъ большое обремененіе для крестьянъ и уничтоженіе ея принесетъ уже ту пользу, что заставитъ уменьшить громадное количество слугъ, которыми переполнены барскіе дома. Наконецъ, чтобы упрочить для крестьянъ пользованіе ихъ собственностію, князь Голицынъ предлагалъ, по примѣру Англіи, посылать въ каждые два года по два странствующихъ судьи во всѣ провинціи; выбранные изъ гвардейскихъ офицеровъ или даже изъ придворныхъ, они должны были бы разбирать ссоры и тяжбы крестьянъ между собою и съ помѣщиками. Въ тоже время они собирали бы точныя свѣдѣнія о состояніи провинціи, которую они объѣзжали и представляли сенату письменный докладъ, который служилъ бы основаніемъ для различныхъ улучшеній въ этой мѣстности.

Но право собственности, замѣчаетъ князь Голицынъ, будетъ чисто фиктивнымъ при отсутствіи власти, которая защищала бы крестьянина отъ тираніи помѣщика; «cela est incontestable» — написалъ противъ этого мѣста кто-то изъ читавшихъ письмо. Чтобы помочь этому горю, Голицынъ предлагаетъ въ главномъ городѣ каждой провинціи учредить трибуналъ, на подобіе того, какой существовалъ въ Римѣ подъ именемъ quindecim viri. Обязанность этихъ 15-ти состояла бы въ томъ, чтобы «отводить земли отставнымъ солдатамъ, размежевывать и облагать податями участки, судить и склонять къ миру во всѣхъ спорныхъ дѣлахъ, касающихся земледѣлія договоровъ и запрещеній; обез-

печивать каждому свободное пользованіе поземельною собственностію».

И такъ, право собственности какъ на движимое имущество, такъ и на землю и дозволеніе жаловаться на помѣщика — вотъ въ чемъ состояло рѣшеніе крестьянскаго вопроса по мнѣнію князя Д. А. Голицына. Крестьянинъ оставался нетолько прикрѣпленнымъ къ землѣ, но и подъ властію помѣщика, поэтому, подъ правомъ собственности на землю, Голицынъ (который слишкомъ кратко касается этого, самаго существеннаго, пункта) очевидно разумѣетъ только наслѣдственное пользованіе ею за извѣстный оброкъ. Но такъ какъ опредѣленіе размѣровъ оброка онъ, повидимому, предоставлялъ проэктированному трибуналу и притомъ давалъ крестьянину право жаловаться на господина, то нельзя было бы не признать, что вообще онъ предлагалъ болѣе радикальныя мѣры, чѣмъ большинство его современниковъ; но бѣда только въ томъ, что, по его проэкту, помѣщиковъ не должно было обязывать закономъ надѣлять своихъ крестьянъ землею, а слѣдовало дѣйствовать лишь посредствомъ примѣра; его должна была подать сама императрица въ собственныхъ имѣніяхъ и, по мнѣнію Голицына, дворяне поспѣшатъ добровольно ему послѣдовать. Неосновательность такихъ надеждъ была ясна для тѣхъ, кто читалъ эти письма, т. е. въ томъ числѣ и для императрицы. «Еще сомнительно, замѣчено было на поляхъ:—чтобы примѣръ вразумилъ нашихъ соотечественниковъ и побудилъ бы ихъ ему послѣдовать; это даже мало вѣроятно. Къ тому же подобное распоряженіе, быть можетъ, могло бы нарушить безопасность помѣщиковъ». «Мало найдется охотниковъ пожертвовать большими выгодами прекраснымъ чувствамъ патріотическаго сердца». — «Искренней любви къ человѣчеству, усердія и доброй воли недостаточно для осуществленія великихъ проэктовъ. Голицыну и ему подобнымъ легко и дешево великодушничать; имъ ничего не стоитъ даровать своимъ крестьянамъ право собственности на земли; но богатые землевладѣльцы, у которыхъ многія тысячи крестьянъ, будутъ думать и говорить другое». — Въ этихъ словахъ справедливо указано на непрактичность того способа, какимъ Голицынъ предлагалъ осуществить его планы [1].

Голицынъ считалъ наиболѣе удобнымъ начать реформу съ крестьянъ самой государыни, другіе полагали, что всего удобнѣе показать примѣръ на крестьянахъ дворцовыхъ. И. П. Елагинъ въ мнѣніи, поданномъ имъ императрицѣ въ январѣ 1766 г., указывая на необходимость дать крѣпостнымъ крестьянамъ землю

[1] Его письма напечатаны г. Рачинскимъ въ «Русс. Вѣст.» 1876 г. № 2.

въ потомственное пользованіе и опредѣлить размѣры ихъ денежныхъ взносовъ и работъ, предлагаетъ начать этотъ опытъ съ дворцовыхъ имѣній; онъ ссылается при этомъ на примѣры Пруссіи, Даніи, Голштиніи и Мекленбурга, гдѣ, вскорѣ послѣ того, какъ правительство роздало казенныя земли въ наслѣдственное пользованіе крестьянъ, и помѣщики нашли для себя выгоднымъ послѣдовать этому примѣру.

Такимъ образомъ, мы вновь встрѣчаемся съ требованіемъ, чтобы правительство начало дѣло реформы не на помѣщичьихъ земляхъ, чтобы оно показало примѣръ дворянамъ. Не говоря про то, что ссылка на иностранныя земли не совсѣмъ удачна, такъ какъ тамъ оказывалось весьма немного владѣльцевъ, передававшихъ часть своихъ земель крестьянамъ въ наслѣдственное пользованіе, такъ что имена такихъ людей, какъ Ранцау-Ашбергъ въ Шлезвигъ-Голштиніи или Бернсторфъ и нѣкоторые другіе въ Даніи, указываются историками, какъ рѣдкія исключенія [1], намъ не нужно бы ходить такъ далеко, чтобы убѣдиться насколько дворяне добровольно слѣдуютъ примѣру, подаваемому правительствомъ, а стоило бы только взглянуть на тотъ самый Прибалтійскій край, поземельныя отношенія котораго несомнѣнно послужили образцомъ для Елагина при составленіи его проэкта. Положеніе крестьянъ въ казенныхъ имѣніяхъ было тамъ гораздо благопріятнѣе, чѣмъ крестьянъ крѣпостныхъ; вакенбухи сохраняли въ нихъ вполнѣ свою силу, арендаторамъ запрещалось сгонять крестьянъ съ земли и по своему усмотрѣнію подвергать ихъ тѣлесному наказанію—и однакоже этотъ благотворный примѣръ не оказывалъ никакого вліянія на сосѣднія помѣщичьи имѣнія.

Но если даже допустить, что дворяне послѣдовали бы примѣру, поданному дворцовымъ вѣдомствомъ относительно измѣненія быта крестьянъ, то еще нужно посмотрѣть была ли бы полезна для этихъ послѣднихъ реформа, предлагаемая Елагинымъ. Она заключалась въ насильственномъ разрушеніи общиннаго землевладѣнія, въ искуственномъ устройствѣ дворовъ одинаковой величины, по 4 работника въ каждомъ, хотя бы при этомъ приходилось соединять въ одно хозяйство и совершенно постороннихъ людей, въ переходѣ двора и причисленной къ нему земли безъ раздѣла старшему въ домѣ, хотя бы онъ и не былъ въ родствѣ съ умершимъ хозяиномъ, въ безпрекословномъ повиновеніи хозяину всѣхъ остальныхъ работниковъ и т. п., наконецъ,

---

[1] См. *Sugenheim*. Geschichte der Aufhebung der Leibeigenschaft und Hörigkeit in Europa. Spb. 1861, s. 516, 520. *Hannsen*. Die Aufhebung der Leibeigenschaft in den Herzogthümern Schleswig u. Holstein, Spb. 1861, s. 333—34. *Allen*. Histoire de Dannemark 1879. v. II, 183—184.

въ назначеніи довольно тяжелаго для того времени оброка (по 3 р. съ души сверхъ нѣкоторыхъ барщинныхъ работъ). Отъ такой реформы жутко пришлось бы бѣднымъ крестьянамъ. Изъ этого мы видимъ, во-первыхъ, что скрывалось иногда подъ такими прекрасными повидимому вещами, какъ желаніе дать крестьянамъ землю въ наслѣдственное пользованіе и опредѣлить закономъ ихъ повинности; кромѣ того, мы находимъ здѣсь первый примѣръ плановъ, навѣянныхъ остзейскими порядками, которые, какъ мы увидимъ ниже, еще откровеннѣе предлагались въ видѣ образца авторами нѣкоторыхъ отвѣтовъ на тему о собственности крестьянъ, объявленную въ 1766 г. вольнымъ экономическимъ обществомъ. Къ разсмотрѣнію этого эпизода въ исторіи крестьянскаго вопроса въ Россіи, мы и должны теперь перейти.

IV.

Основаніе вольнаго экономическаго общества.—Объявленная имъ задача по крестьянскому вопросу.—Отвѣты на нее и присужденіе преміи.—Рѣшеніе вопроса о томъ, печатать ли переводъ сочиненія Беарде-де-Лабея.

Въ 1756 г., по инпціативѣ извѣстнаго физіократа Гурнэ, образовалось земледѣльческое общество въ Бретани; вслѣдъ за тѣмъ подобныя общества стали появляться и въ другихъ мѣстахъ, и между прочимъ, въ 1761 г., одно изъ нихъ было основано въ Парижѣ. Король взялъ ихъ подъ свое покровительство, а администрація стала прибѣгать къ нимъ за совѣтами и оказывать имъ содѣйствія. Примѣръ этотъ нашелъ подражаніе и въ Германіи. Правда, еще ранѣе были основаны земледѣльческія общества въ другихъ мѣстахъ Европы (въ Великобританіи и Швейцаріи), но мода на нихъ появилась только въ концѣ 50-хъ годовъ, когда они начали въ большомъ числѣ нарождаться во Франціи. Тогда и мы не захотѣли отстать отъ Европы.

Въ іюнѣ 1765 г. гр. Р. И. Воронцовъ, гр. Г. Г. Орловъ, А. В. Алсуфьевъ, гр. И. Г. Чернышевъ, бар. А. И. Черкасовъ, Г. Н. Тепловъ, И. И. Таубертъ, Нартовъ и нѣкоторыя другія лица составили «патріотическое общество для поощренія въ Россіи земледѣльства и экономіи». Большинство членовъ-основателей принадлежало къ числу высшихъ государственныхъ сановниковъ и приближенныхъ ко двору. Императрица скоро утвердила его уставъ и согласилась на то, чтобы оно находилось исключительно подъ ея покровительствомъ, не завися ни отъ какого правительственнаго учрежденія; съ этихъ поръ оно стало

называться «вольнымъ экономическимъ обществомъ къ приращенію (или для приращенія) въ Россіи земледѣлія и домостроительства». Вслѣдъ затѣмъ, членами его сдѣлались и многіе другіе сановники, сельскіе хозяева и ученые; въ числѣ первыхъ назовемъ гр. З. Г. Чернышева, А. П. Мельгунова, Вл. Г. Орлова, кн. А. Вяземскаго, новгородскаго губернатора Я. Сиверса; ко вторымъ принадлежали Рычковъ, бар. Вульфъ, Олишевъ, Удоловъ и позднѣе Болотовъ; изъ ученыхъ назовемъ академиковъ Эйлера, отца и сына, Г. Ф. Миллера и Штелина.

Уже съ самаго начала, общество, по предложенію своего члена фонъ Клингштета, приняло очень важную мѣру, находя прежде всего необходимымъ изучить положеніе сельскаго хозяйства въ Россіи; оно напечатало и разослало 65 вопросовъ о земледѣліи, скотоводствѣ и т. п. Быть можетъ, это обращеніе всѣхъ образованныхъ людей въ Россіи увѣнчалось бы незначительнымъ успѣхомъ, еслибы въ этомъ дѣлѣ не принялъ участія членъ общества генералъ-прокуроръ кн. Вяземскій: по приглашенію его, прокуроры различныхъ провинцій собрали много интересныхъ свѣдѣній о положеніи сельскаго хозяйства въ Россіи. Изъ этихъ вопросовъ одинъ, и только одинъ касался положенія крѣпостныхъ крестьянъ [1], всѣ же остальные были посвящены земледѣлію, скотоводству и проч. Такимъ образомъ, легко могло бы случиться, что, по примѣру иностранныхъ обществъ, и наше обратило бы все вниманіе на плохое положеніе земледѣлія, почти совершенно упустивъ изъ виду бытъ крестьянъ. Опасеніе это подтверждается слѣдующимъ обстоятельствомъ.

Императрица Екатерина, обдумывая при составленіи Наказа различные способы рѣшенія крестьянскаго вопроса, слышала много разнообразныхъ предложеній по этому предмету: таковы были мнѣнія П. Панина, Бестужева-Рюмина, кн. Голицына и Елагина. Среди этихъ несходныхъ совѣтовъ, императрица пожелала узнать мнѣніе по этому предмету только-что составившагося экономическаго общества, въ которомъ она могла услышать голоса и крупныхъ землевладѣльцевъ, и людей, научно изучавшихъ земледѣліе. Она инкогнито обратилась къ обществу съ письмомъ, въ которомъ, между прочимъ, говоритъ: «Многіе разумные авторы поставляютъ и самые опыты доказываютъ, что не можетъ быть тамъ ни искуснаго рукодѣлія, ни твердо основанной торговли, гдѣ земледѣліе въ уничтоженіи или нерачительно производится, что земледѣльство не можетъ процвѣтать

[1] А именно, общество желало знать, «сколько помѣщичьему крестьянину въ годъ дается свободныхъ дней на себя работать и сколько дней долженъ работать на господина».

тутъ, гдѣ земледѣлецъ не имѣетъ ничего собственнаго. Все сіе основано на правилѣ весьма простомъ: всякій человѣкъ имѣетъ болѣе попеченія о своемъ собственномъ, нежели о томъ, чего опасаться можетъ, что другой у него отниметъ»[1]. Такимъ образомъ, императрица обращала вниманіе на самый главный, коренной вопросъ нашего сельскаго хозяйства. Между тѣмъ, какъ общество могло задумывать введеніе у насъ нѣкоторыхъ улучшенныхъ способовъ обработки земли, увлечься исключительно научною разработкою агромоніи, она обращала его вниманіе на самое страшное препятствіе для развитія народнаго благосостоянія, а, слѣдовательно, и для усовершенствованія земледѣльческой культуры. «Поставляя сіи правила за неоспоримыя, продолжала императрица:—осталось мнѣ просить васъ рѣшить: въ чемъ состоитъ или состоять должно для твердаго распространенія земледѣльства имѣніе и наслѣдіе хлѣбопашцевъ? Иные полагаютъ, что(бъ) то состояло въ участкѣ земли, принадлежащей отцу, сыну и потомку его съ пріобрѣтеннымъ движимымъ и недвижимымъ какого бы то званія ни было; другіе, напротивъ того[2], полагаютъ на одинъ участокъ земли 4 и до 8 человѣкъ родовъ разныхъ и поставляютъ старшаго въ томъ обществѣ главнымъ или такъ называемымъ хозяиномъ, изъ чего слѣдуетъ, что сынъ послѣ отца не наслѣдникъ, слѣдовательно, и собственнаго не имѣетъ, называя собственнымъ только то, что тому обществу принадлежитъ, а не каждой особѣ. Итакъ нахожуся я въ великомъ недоумѣніи, не зная, на точной ли или на спекулятивный разумъ слова «собственное» полагаться»[3]. Императрица, очевидно, не знала, какъ просто и хорошо рѣшали этотъ вопросъ русскіе крестьяне съ помощью общиннаго землевладѣнія, хотя они и не имѣли права собственности на землю. Но нельзя не замѣтить, что она очень умно указала на существенное противорѣчіе въ предложеніяхъ, подобныхъ тѣмъ, какія дѣлалъ Елагинъ. Онъ хлопоталъ о томъ, чтобы дать крестьянину землю въ собственность и въ тоже время, при его системѣ, оказывалось, что «сынъ

---

[1] Прямое заимствованіе изъ составлявшагося тогда Наказа, обнародованнаго полтора года позднѣе. (См. ст. 295, 296).

[2] Тутъ нельзя не видѣть намека на Елагина, который могъ тогда на словахъ высказывать свое мнѣніе.

[3] Нужно замѣтить, что здѣсь вопросъ вовсе не о томъ, какъ думаетъ историкъ вольн. эк. общ. г. Ходневъ (а вслѣдъ за нимъ и г. Кавелинъ—въ «Недѣлѣ» 1876 г., №№ 3—5, стр. 125), «лучше ли общинное владѣніе землей или участковое на правахъ полной личной собственности». Тутъ противупоставляется два вида участковаго владѣнія: въ первомъ случаѣ участокъ принадлежитъ естественной семьѣ, во второмъ—искуственно устроенному двору съ извѣстнымъ числомъ работниковъ, какъ это предлагалъ сдѣлать Елагинъ.

послѣ отца не наслѣдникъ, слѣдовательно, и собственнаго не имѣетъ».

Экономическому обществу была поставлена въ высшей степени важная задача; но письмо начиналось крайне скромно и подписано было только буквами И. Е.—и общество, не догадываясь, что эта подпись обозначаетъ: «императрица Екатерина», не обратило на него никакого вниманія. Неизвѣстно, было ли оно даже прочитано въ собраніи, по крайней мѣрѣ, въ протоколахъ 1765 г. объ немъ вовсе не упоминается и общество вспомнило объ немъ только по полученіи второго письма.

Въ засѣданіи, 1-го ноября 1766 г., секретарь доложилъ письмо къ обществу отъ неизвѣстной особы, вмѣстѣ съ которымъ подбылъ присланъ ящичекъ съ 1000 червонцами. Въ письмѣ, подписанномъ опять буквами И. Е., было сказано, что въ виду недостатка средствъ у общества, пишущій проситъ принять деньги для раздачи наградъ за рѣшеніе объявляемыхъ задачъ, на плату переводчикамъ и проч.; вмѣстѣ съ тѣмъ, высказывалось желаніе, чтобы была предложена слѣдующая тема: «въ чемъ состоитъ собственность земледѣльца, въ землѣ-ли его, которую онъ обрабатываетъ или въ движимости, и какое онъ право на то или другое для пользы общенародной имѣть можетъ».

Теперь нельзя было уже положить этого письма подъ сукно, такъ какъ для всѣхъ было понятно, откуда шло предложеніе, сопровождаемое такимъ крупнымъ подаркомъ. Общество объявило въ печати задачу, предложенную императрицею, лишь нѣсколько измѣнивъ ея редакцію: обѣщано было награжденіе въ 100 червонцевъ и медаль въ 25 червонцевъ [1] за лучшее рѣшеніе вопроса: «что полезнѣе для общества, чтобъ крестьянинъ имѣлъ въ собственности земли или токмо движимое имѣніе, и сколь далеко его права на то или другое имѣніе простираться должны?» Въ концѣ объявленія было прибавлено, что государыня, узнавъ о патріотическомъ усердіи неизвѣстнаго лица, приславшаго 1000 червонцевъ, приказала дать ему вдвое болѣе, если онъ заявитъ о себѣ. Понятно, что такого заявленія не послѣдовало.

Такимъ образомъ, крестьянскій вопросъ былъ открыто поставленъ на обсужденіе общества и это не могло не встревожить крѣпостниковъ, какимъ въ то время было все русское дворянство, за исключеніемъ немногихъ личностей, вкусившихъ послѣднихъ плодовъ западной науки и литературы. Представилемъ партій, желавшихъ сохранить крѣпостное право во всей

---

[1] Она сдѣлана была впослѣдствіи въ 35 червонцевъ.

его неприкосновенности, явился, однако, не какой-нибудь дикій помѣщикъ — въ глухія мѣста нашей родины слишкомъ рѣдко проникали газеты или Труды Вольнаго Экономическаго Общества—а талантливый писатель, величавшій себя русскимъ Расиномъ—А. П. Сумароковъ. Не прошло и мѣсяца послѣ объявленія задачи, какъ вольное экономическое общество получило отъ него весьма раздражительное письмо. Указавъ на то, что, прежде чѣмъ говорить о собственности крестьянина, слѣдуетъ рѣшить, будетъ-ли полезно для общества освобожденіе крѣпостныхъ, онъ говоритъ: «Канарейкѣ лучше безъ клѣтки, а собакѣ безъ цѣпи, однако, одна улетитъ, а другая будетъ грызть людей; такъ одно потребно для крестьянина, а другое ради дворянина». Что же нужнѣе для «общаго блаженства»? Онъ полагаетъ, что даже сами рабы признаютъ, что лучше имъ не имѣть своей земли, да наконецъ, по его мнѣнію, и невозможно надѣлить ихъ поземельною собственностью, такъ какъ «земли всѣ собственныя дворянскія». Для него было несомнѣнно, что «свобода крестьянъ не токмо обществу вредна, но и пагубна!» — Письмо Сумарокова осталось безъ всякихъ послѣдствій и было только пріобщено журналомъ общества.

Черезъ мѣсяцъ послѣ того, началось представленіе болѣе серьёзныхъ отвѣтовъ. Во время засѣданія, 20 декабря 1766 г., т. е. всего черезъ полтора мѣсяца послѣ объявленія о преміи, «г. магистръ Бодинусъ, какъ сказано въ протоколѣ, представилъ въ общество при письмѣ сочиненное имъ рѣшеніе на заданный въ ноябрѣ мѣсяцѣ вопросъ, которое, по принятіи отъ него въ присутствіи членовъ запечатано было обоими секретарями и отдано въ сохраненіе до тѣхъ поръ, пока получено будетъ отъ прочихъ рѣшеніе, въ которое время будетъ читано и съ другими сочиненіями о предположенной матеріи въ сравненіе приведено».

Сочиненіе это сохранилось до сихъ поръ. Оно представляетъ переплетенную въ папку тетрадь изъ прекрасной золотообрѣзной бумаги, которое начинается письмомъ къ обществу, вмѣсто предисловія; затѣмъ, на особой страницѣ, самымъ изящнымъ образомъ, какъ будто печатными буквами, изображено: «пусть въ каждой благородной душѣ для постояннаго соревнованія будутъ начертаны благодарность и уваженіе къ изобрѣтателю этой задачи, въ сердцѣ котораго нашлось столько величія».— Авторъ, очевидно, зналъ, кому онъ воскурялъ ѳиміамъ. Не передавая содержанія этого сочиненія, мы упомянемъ только, что оно кончалось слѣдующимъ привѣтствіемъ Россіи съ самыми цвѣтистыми похвалами Екатеринѣ: «Ну, Россія, исполни твою

священную присягу, пусть благо твоихъ сыновъ будетъ твоимъ собственнымъ; покажи, что ты, наконецъ, стала столь великою, что будешь выше всѣхъ недостатковъ. Благодари Всемогущаго за то счастіе, что тобою управляетъ вождь, въ которомъ сердце нѣжнѣйшей матери такъ удачно соединяется съ духомъ величія... Екатерина—не господинъ твой, она твой отецъ, мудрый наставникъ, другъ... Сообразуй свой долгъ съ ея желаніемъ; ты заслужишь такимъ образомъ славу, что одержала побѣду надъ рабствомъ».

Но Россіи, одинъ изъ лучшихъ писателей которой чуть не съ пѣной у рта говорилъ объ уничтоженіи крѣпостного права, было еще далеко до этой побѣды. Такимъ образомъ, чуть не обруганное русскимъ поэтомъ и привѣтствуемое иностранцемъ, который на этотъ разъ послужилъ выразителемъ чувствъ «молодой Россіи», встрѣтивъ такія противуположныя обращенія къ себѣ, экономическое общество готовилось къ исполненію обязанности, которую пришлось ему возложить на себя, по желанію императрицы, т. е., осиливать одно за другимъ отвѣтныя сочиненія. Что касается Бодинуса (т. е. Бодена), то онъ напрасно такъ спѣшилъ: его сочиненіе, быть можетъ, потому, что онъ подписалъ свое имя, вовсе не попало въ конкурсъ; оно было настолько забыто, что даже не было включено въ списокъ всѣхъ представленныхъ сочиненій. Но за нимъ остается заслуга, что онъ первый привѣтствовалъ доброе дѣло.—Какъ бы подготовленіемъ для общества къ предстоявшему ему труду послужило то, что въ засѣданіи 10-го января 1767 г., И. И. Мелиссино, извѣстный своимъ свободомысліемъ въ вопросахъ религіозныхъ, прочиталъ по-нѣмецки «Права, данныя К. Ф. Шульцемъ ашераденскимъ и рёмерсгофскимъ крестьянамъ»; общество постановило «имѣть ихъ только для одного свѣденія»; вызвало ли это чтеніе какія-нибудь разсужденія—изъ протокола не видно.

Черезъ недѣлю послѣ того, былъ полученъ первый, занесенный въ общій списокъ отвѣтъ на задачу общества, и затѣмъ они стали быстро поступать одинъ за другимъ. Рѣшено было заблаговременно сообщать ихъ на разсмотрѣніе членовъ общества, а изъ предосторожности, чтобы во время пересылки ихъ отъ одного къ другому они не сдѣлались бы извѣстны людямъ постороннимъ, сдѣланъ былъ ящикъ съ замкомъ и съ такимъ количествомъ ключей, сколько было членовъ въ обществѣ. Каждый, по прочтеніи рукописи, запиралъ ее въ ящикъ и такимъ образомъ пересылалъ къ другому. Въ этихъ предосторожностяхъ несомнѣнно сказывались опасенія, чтобы вѣсти объ освободительныхъ планахъ не возбудили толковъ въ народѣ и не увеличили бы еще

болѣе волненій среди крѣпостныхъ крестьянъ, которыя именно въ это время приняли довольно значительные размѣры.

Срокомъ представленія сочиненій было назначено 1-е ноября 1767 года, но такъ какъ по случаю пребыванія двора въ Москвѣ, многіе члены общества находились въ отсутствіи, то рѣшили назначить другой срокъ — первое собраніе послѣ дня рожденія императрицы, а именно 22-го апрѣля 1768 г. Отсрочка эта оказалась весьма полезной, такъ какъ до того времени было представлено всего 45 сочиненій и въ томъ числѣ не было ни одного изъ тѣхъ 5 отвѣтовъ, которые впослѣдствіи были признаны самыми лучшими. Вслѣдствіе того, что отвѣты на задачу общества продолжали поступать въ весьма значительномъ количествѣ, въ началѣ февраля 1768 г. рѣшено было для чтенія ихъ назначить экстраординарныя собранія. Однако, въ слѣдующее же засѣданіе общества нашли, что читать рукописи подрядъ въ общемъ собраніи—невозможно и что слѣдуетъ назначить комиссіи, которыя указывали бы ему на труды, заслуживающія общаго вниманія, а объ остальныхъ представляли бы только свое мнѣніе. Такъ и сдѣлали. Выбрали 3 комиссіи: въ первую, которая должна была разсматривать русскія и французскія сочиненія, выбраны были гр. И. Г. Чернышевъ, гр. З. Г. Чернышевъ, Тепловъ и Таубертъ, во вторую для нѣмецкихъ и латинскихъ сочиненій Мелиссино, Таубертъ, Клингштетъ и Нартовъ; въ третью, исключительно для нѣмецкихъ, академики Леонардъ и Альбрехтъ Эйлеры, членъ медицинской комиссіи Модель и маіоръ фонъ-Вульфъ (или Вольфъ), съ мнѣніями котораго по крестьянскому вопросу мы будемъ еще имѣть случай познакомиться. Уже въ слѣдующемъ засѣданіи комиссіи начали представлять обществу свои отчеты, при чемъ болѣе интересныя пьесы тутъ же и прочитывались, но потомъ пришлось ограничить чтенія въ общемъ собраніи только тѣми трудами, которые были признаны достойными вступить въ конкурсъ.

Нельзя не отмѣтить слѣдующаго любопытнаго обстоятельства: отвѣты на нѣмецкомъ языкѣ подъ №№ 5 и 6 были общимъ собраніемъ уничтожены. Мы не можемъ объяснить этого только тѣмъ, что они найдены были неудовлетворительными, такъ какъ неодобренныя въ томъ же засѣданіи пьесы подъ №№ 1 и 2, а также и впослѣдствіи неодобряемыя сочиненія не подвергались этой участи, такъ что многія изъ нихъ сохранились и до настоящаго времени; остается только предположить, что онѣ были написаны слишкомъ рѣзко и общество сочло опаснымъ ихъ храненіе.

Въ засѣданіи 19-го марта рѣшено было впредь отвѣтовъ не

принимать. Къ этому времени ихъ было уже получено 160 штукъ, да послѣ того поступило и занесено въ списокъ, хотя и не допущено въ конкурсъ, 4 сочиненія.

Изъ всѣхъ 162 сочиненій (такъ какъ два отвѣта были въ 2 экземплярахъ) огромное большинство, именно 129, было нѣмецкихъ, 21 французскихъ, 7 русскихъ, 3 латинскихъ, 1 на голландскомъ языкѣ и 1 на шведскомъ. Въ числѣ нѣмецкихъ было даже два печатныя: одно доктора Меркля изъ Эрфурта, другое Гесса, посвященное датской королевѣ. Сочиненія были присланы изо всѣхъ концовъ Европы; такъ, напримѣръ. нѣмецкія изъ Лейпцига, Бадена, Нюренберга, Праги, Берлина, Штральзунда, Аугсбурга, Варшавы и т. д. Кромѣ того, извѣстно, что одно сочиненіе было получено съ острова Эзеля, 4 изъ Лифляндіи (изъ нихъ 3 сохранилось) и 1 отъ петербургскаго жителя, Французскія были, между прочимъ, присланы изъ Парижа, Нанта. Ахена, Лимбурга, Маастрихта и Берлина. Одно изъ французскихъ сочиненій было получено изъ Италіи чрезъ русскаго посланника въ Вѣнѣ, кн. Голицына, «отъ командующаго въ Майландскомъ городкѣ Дернисѣ, что при Тортонѣ, г. Іос. Ант. Аллегрини». Что касается русскихъ отвѣтовъ, то извѣстно, что два изъ нихъ были присланы изъ Москвы и 1 изъ Петербурга (Полѣнова); 2 доставлены были намъ послѣ срока и потому въ конкурсъ не вступили.

Изъ нѣмецкихъ сочиненій одно было составлено въ формѣ разговора между дворяниномъ, патріотомъ и крестьяниномъ (по отзыву комиссіи оно было «жалкое»), другое, какъ оказалось, было «силлогизмами и доказательствами выведенное», а третье даже въ стихахъ съ девизомъ: «pour la bonne bouche».

Многіе девизы уже заранѣе указывали въ общихъ чертахъ на направленіе сочиненія. Такъ напримѣръ, девизъ «fautor optimatum, nec inimicus plebis» (доброжелатель вельможъ, но не врагъ и народа), или «dass der Verstand über die Empfindung herrsche» (пусть разумъ господствуетъ надъ чувствомъ) намекаютъ на то, что авторы ихъ едва ли принадлежали къ числу аболюціонистовъ; но въ большинствѣ случаевъ девизы отличаются совершенно другимъ характеромъ [1]. Изъ русскихъ сочиненій одно

[1] Такъ напримѣръ, «tandem bona causa triumphat» (наконецъ-то доброе дѣло торжествуетъ), «nach langem Hoffen endlich getroffen» (наконецъ-то дождались), «pro genere humano» (за человѣческій родъ), «laeti nunc este coloni» (радуйтесь, земледѣльцы), «salus reipublicae saluti coloni juncta» (благо государства связано съ благомъ крестьянина), «Freyheit und Eigenthum» (свобода и собственность), «beatus ille, qui paterna rura bobus exercet suis» (блаженъ, кто отческую землю обрабатываетъ своими быками), «der Bauer

было прислано подъ девизомъ: «nec spes libertatis erat, nec cura peculii» (не было ни надежды на свободу, ни заботы объ имуществѣ), которымъ авторъ указывалъ на вредное вліяніе крѣпостного права на земледѣльцевъ; другое же имѣло девизъ еще болѣе любопытный: «егда благо плывеши, паче воспоминай бурю», очевидно, намекавшій на опасность сохраненія крѣпостного права.

Нѣсколько сочиненій было прислано совершенно безъ девиза и имени автора, въ томъ числѣ и 2 русскія; за то было нѣсколько иностранныхъ трудовъ, съ полнымъ именемъ составителей; такихъ къ конкурсу не допускали.

Содержаніе недошедшихъ сочиненій иногда указывается также краткими отзывами о нихъ въ журналахъ общества, напримѣръ, объ одномъ изъ нихъ сказано: «весьма сокращенная пьеса, по большей части съ примѣрами изъ Библіи выбранная», о другомъ: «весьма обстоятельное юмористическое сочиненіе», о третьемъ: «дѣлаетъ дурныя и смѣшныя предложенія».

Сочиненія, по мѣрѣ ихъ поступленія, прочитывались въ комиссіяхъ или комитетахъ, затѣмъ, одобренныя ими, выслушивались въ общемъ собраніи и, если ихъ находили того достойными, зачислялись въ число конкурсныхъ. Всѣхъ такихъ конкурсныхъ отвѣтовъ оказалось 15, но заранѣе было видно, что предпочтеніе будетъ отдано французскому сочиненію съ девизомъ: «in favorem libertatis omnia jura clamant, *mais* est modus in rebus» (въ пользу свободы вопіютъ всѣ права, но есть мѣра всему); его прочли въ то же засѣданіе, какъ только оно было получено (5-го марта 1768 года) и общество единогласно признало эту пьесу «за наилучшую изъ всѣхъ тѣхъ, кои по сіе время читаны были въ общемъ собраніи, почему положена въ конкурсъ и соглашенось дать ей 7 градусовъ» (масонское выраженіе). Однако же, автору ея не была немедленно назначена премія, а рѣшено было пересмотрѣть всѣ 15 назначенныхъ къ конкурсу пьесъ [1] въ особомъ комитетѣ. Членами его были избраны: гр. З. Г. Чернышевъ, гр. Александръ Серг. Строгановъ, гр. Вл. Г. Орловъ, Таубертъ, фонъ-Клингштетъ и Эпинусъ. Сочиненіе, которое будетъ признано достойнымъ награды, единогласно опредѣлено было перевести на русскій языкъ, но напечатать ли его или нѣтъ, предполагалось

---

ernährt uns alle» (крестьянинъ питаетъ насъ всѣхъ); сюда же относится французскій девизъ, выражающій удивленіе, что и на берегахъ Невы нашлись друзья человѣчества (l'on est donc amis de l'humanité sur les bords de la Neva).—Двойственное направленіе сочиненія Беарде-де-Лабея также видно изъ его девиза.

[1] Въ томъ числѣ было 9 нѣмецкихъ, 5 французскихъ и 1 русская; изъ нихъ до насъ дошло 9 сочиненій.

рѣшить впослѣдствіи. Авторовъ пьесъ, которыя признаны будутъ наиболѣе подходящими по достоинству къ награжденію медалью (о такихъ сочиненіяхъ говорили, что они получили *accessit*), рѣшено было пригласить сдѣлаться членами вольнаго экономическаго общества, медали же имъ не давать [1].

Въ засѣданіи 9-го апрѣля члены комитета, на который была возложена обязанность вновь пересмотрѣть всѣ конкурсныя пьесы, заявили, что награды достойно сочиненіе уже прежде признанное лучшимъ, авторомъ которой оказался Беарде де-Лабей (Beardé de L'Abaye), докторъ правъ въ Ахенѣ. Рѣшено было, переведя его статью, поднести вмѣстѣ съ оригиналомъ императрицѣ и ожидать ея рѣшенія, печатать ли это сочиненіе такъ, какъ оно написано, или съ нѣкоторыми перемѣнами. Вслѣдъ затѣмъ было объявлено и въ газетахъ о назначеніи преміи Беарде-де-Лабею.

Что касается остальныхъ 14-ти конкурсныхъ сочиненій, то единственное изъ нихъ, написанное по-русски, возбудило пренія въ комитетѣ. «Россійская піеса подъ № 148 съ девизомъ: «plus boni mores valent, quam bonae leges (добрые нравы имѣютъ болѣе силы, чѣмъ хорошіе законы)», сказано было въ представленіи комитета общему собранію, «хотя отъ нѣкоторыхъ членовъ нашего комитета и признана за лучшую и основательнѣйшую послѣ № 154, почему слѣдовало бы ей дать *accessit*, но другія, разсмотря сверхъ матеріи и самый слогъ, находятъ въ ономъ *многія надъ мѣру сильныя и по здѣшнему состоянію неприличныя выраженія*, и потому за нужное признаютъ, что если кому въ собраніи знаемъ авторъ, то чрезъ него велѣть ему немедленно оное переправить и тогда его пьесу также включить во второй классъ и удостоить опредѣленныхъ тому классу преимуществъ, *кромѣ печатанія* [2]. Относительно этого сочиненія, авторомъ котораго оказался академическій переводчикъ Полѣновъ, общее собраніе, въ которомъ не присутствовали многіе либеральные члены, настоявшіе потомъ на напечатаніи по-русски сочиненія Беарде де-Лабея (и именно гр. Г. Г. Орловъ, Р. Воронцовъ, Тепловъ, гр. И. Чернышевъ, Сиверсъ и Мелиссино)—рѣшило «пріобщить къ прочимъ пьесамъ, вступившимъ во второй классъ, однако, оный не печатать». Относительно остальныхъ конкурсныхъ пьесъ, собраніе утвердило мнѣніе комитета, по которому тремъ сочиненіямъ (сверхъ труда Полѣнова) дано было accessit, а именно нѣ-

---

[1] Это было измѣнено: изъ 4 авторовъ, сочиненіямъ которыхъ дано было accessit, двое получили медали.

[2] См. «Русск. Архивъ» 1875 г., ст. «А. Я. Полѣновъ, русскій законовѣдъ XVIII вѣка».

мецкимъ Вёлльнера, впослѣдствіи бывшаго въ Пруссіи министромъ, и лифляндца Мека, и французскому—Граслена изъ Нанта. Кромѣ того, 5 пьесъ заслужили похвальный отзывъ общества, остальныя же были забракованы. Послѣ этого, записки съ именами авторовъ всѣхъ неодобренныхъ пьесъ были сожжены. Сочиненія Беарде-де-Лабея и 3 другія иностранныя пьесы велѣно было печатать въ подлинникѣ, а первое, кромѣ того, было переведено. Когда переводъ сочиненія Беарде-де-Лабея былъ представленъ императрицѣ, она сказала, что не находитъ въ этомъ трудѣ ничего такого, чего нельзя было бы напечатать, однако, оставляетъ на усмотрѣніе общества, печатать его или нѣтъ.

Такъ какъ въ засѣданіе 9-го іюля явилось всего 6 членовъ, то они не отважились взять на свою отвѣтственность рѣшеніе такого важнаго вопроса, какъ-то, печатать или нѣтъ переводъ пьесы Беарде-де-Лабея, и постановили созвать съ этою цѣлію, черезъ 10 дней, полное собраніе, при чемъ неявившіеся члены обязывались письменно извѣстить о своемъ мнѣніи. Несмотря на то, и 16-го іюля собрались не всѣ члены и притомъ опять-таки отсутствовали тѣ, которыхъ не было при рѣшеніи вопроса о печатаніи сочиненія Полѣнова. Явилось всего 12 человѣкъ, изъ которыхъ двое имѣли по 2 голоса (за себя и по довѣренности отъ отсутствующаго члена), кромѣ того, Альбрехтъ Эйлеръ представилъ письменное мнѣніе своего отца, что переводъ можно напечатать и продавать. По баллотированію, изъ 15-ти голосовъ оказалось согласныхъ на напечатаніе, если не считать письменнаго мнѣнія старшаго Эйлера, только два голоса и несогласныхъ 12. Изъ этихъ двухъ либеральныхъ голосовъ одинъ несомнѣнно принадлежалъ гр. А. С. Строганову, какъ видно изъ того, что онъ жертвовалъ своими деньгами на переводъ сочиненія Беарде и желалъ какъ можно мягче обходиться съ своими крестьянами; другой принадлежалъ, вѣроятно, Тауберту, какъ человѣку, близко стоящему къ императрицѣ: онъ былъ ея библіотекаремъ и первымъ основателемъ общества. Послѣ баллотировки явился въ собраніе Олсуфьевъ и примкнулъ къ числу несогласныхъ на напечатаніе. Потомъ поступили еще два письменные отзыва графовъ Г. Г. и В. Г. Орловыхъ, что сочиненіе Беарде-де-Лабея можно печатать нетолько на французскомъ, но и на русскомъ языкахъ. Польманъ и Черкасовъ передали голоса свои Вольфу, который еще прежде баллотированія заявилъ письменно, что ни одна изъ пьесъ не заслуживаетъ награды, а потому печатать ихъ не должно. Генералъ-прокуроръ кн. Вяземскій, въ присланномъ имъ отвѣтѣ сослался на то, что получившее премію сочиненіе было прочитано на французскомъ языкѣ, котораго

онъ не знаетъ и потому предоставляетъ рѣшить это дѣло другимъ.

Такимъ образомъ, оказалось 5 голосовъ *за* печатаніе перевода и 16 *противъ*; несмотря на то, окончательное рѣшеніе было отложено до слѣдующаго собранія, на томъ основаніи, что нѣкоторые члены нетолько не явились сами, но и письменно не заявили о своемъ мнѣніи.

Собраніе, состоявшееся черезъ недѣлю, было еще малочисленнѣе: явилось всего 7 членовъ. Но за то присланы были письменныя заявленія отъ всѣхъ остальныхъ членовъ, кромѣ академика Миллера (который жилъ тогда въ Москвѣ), и на этотъ разъ все мнѣнія людей, принадлежавшихъ къ либеральной партіи въ крестьянскомъ вопросѣ. Гр. Р. И. Воронцовъ заявилъ, что переведенное сочиненіе достойно напечатанія и публика, пользуясь имъ, можетъ получить добрые плоды. Согласіе на напечатаніе выразили также графы Чернышевъ, Тепловъ, Сиверсъ и Мелиссино. Такимъ образомъ, оказывалось *за* напечатаніе 11, а если считать голосъ императрицы—12, а *противъ* — 16 голосовъ. Но такъ какъ лица высокопоставленныя были за напечатаніе, то нужно было найти какой-нибудь выходъ изъ этого затруднительнаго положенія. Тогда Таубертъ, Клингштетъ и Штелинъ, въ письменномъ представленіи, указали на то, что «тѣмъ россійскимъ господамъ, правящимъ важнѣйшими въ государствѣ должностями, которые письменно сообщили свое мнѣніе, чтобы напечатать помянутую пьесу, приличествуетъ лучше и превосходнѣе, нежели прочимъ, разсуждать о такой матеріи, которая касается больше до политической, нежели до экономической задачи; а прочія персоны, которыя, можетъ быть, не пріобрѣли довольно въ томъ познанія, не въ состояніи столь важно, какъ оные, разсуждать о могущемъ произойти отъ такого изданія нечувствительномъ или важномъ дѣйствіи». Поэтому они предложили собранію согласиться съ мнѣніемъ этихъ членовъ; предложеніе это было принято и опредѣлено переводъ сочиненія Беарде напечатать. Нельзя не обратить вниманія на то, что во всей этой исторіи болѣе либеральными оказались русскіе члены собранія, изъ нѣмцевъ же огромное большинство было противъ напечатанія перевода даже такого сочиненія по крестьянскому вопросу, какъ трудъ Беарде-де-Лабея, который, въ сущности, отлагалъ рѣшеніе этого дѣла въ долгій ящикъ.

Въ 1768 году въ Петербургѣ вышла въ свѣтъ книга подъ заглавіемъ: «Dissertation qui a remporté le prix sur la question proposée en 1766 par la société d'économie et d'agriculture à St.-Pétersbourg, à laquelle on a joint les pièces qui ont eues

l'accessit». Здѣсь, кромѣ сочиненія Беарде-де-Лабея были напечатаны отвѣты Вёлльнера (по-нѣмецки) съ девизомъ *Catharina*, француза Граслена, сочиненіе лифляндца Мека и списокъ всѣхъ, присланныхъ на конкурсъ отвѣтовъ (трудъ Полѣнова былъ напечатанъ только въ 1768 г.). Кромѣ 4-хъ названныхъ сочиненій, тогда же увидѣвшихъ свѣтъ, были уже присланы печатными нѣмецкіе труды доктора Меркеля и Гесса. Что касается остальныхъ ненапечатанныхъ сочиненій, то изъ всѣхъ 162-хъ, занесенныхъ въ списокъ отвѣтовъ, сохранилось въ рукописи только 31, въ томъ числѣ есть весьма интересная для насъ рукопись труда Полѣнова и неполная рукопись сочиненія Беарде-де-Лабея; кромѣ того, есть еще три сочиненія, непопавшія въ списокъ. Такимъ образомъ, изъ 162-хъ отвѣтовъ въ распоряженіи науки въ настоящее время находится, какъ рукописныхъ, такъ и печатныхъ 39 сочиненій, т. е. почти четверть всего числа; этого, разумѣется, совершенно достаточно, чтобы познакомиться съ общимъ характеромъ тогдашнихъ взглядовъ на крестьянскій вопросъ нетолько въ Россіи, но даже и въ Европѣ. Нельзя только не пожалѣть, что до насъ не дошло, кромѣ труда Полѣнова, ни одного изъ семи русскихъ отвѣтовъ, тѣмъ болѣе, что у нѣкоторыхъ изъ нихъ были довольно пикантные девизы.

В. И. Семевскій.

КРЕСТЬЯНСКІЙ ВОПРОСЪ ПРИ ЕКАТЕРИНѢ II.

V.

Труды Беарде де-Лабея, Вольтера, Граслена и другія одобренныя вольнымъ экономическимъ обществомъ французскія сочиненія. — Сочиненія Вёлльнера, Мека и прочіе нѣмецкіе отвѣты.—Трудъ Полѣнова въ двухъ его редакціяхъ.

Для нашей цѣли нѣтъ никакой надобности знакомить читателей со всѣми сохранившимися отвѣтами на задачу, объявленную экономическомъ обществомъ. Въ данномъ случаѣ, для насъ интересно не то, какъ смотрѣли на крестьянскій вопросъ въ Европѣ, а то, какія идеи по этому предмету казались наиболѣе справедливыми русскимъ людямъ того времени. Поэтому изо всѣхъ сохранившихся въ рукописи или напечатанныхъ отвѣтовъ мы остановимся на тѣхъ, которыя въ большей или меньшей степени заслужили одобреніе экономическаго общества. Эти отвѣты иностранцевъ не могутъ казаться для насъ совершенно чуждыми, хотя бы они ограничивались чисто теоретическимъ разсмотрѣніемъ вопроса; если они возбуждали извѣстное сочувствіе въ членахъ общества, то, слѣдовательно, они или служили выраженіемъ взглядовъ, назрѣвшихъ въ извѣстной части нашихъ образованныхъ людей, или, по крайней мѣрѣ, были уже доступны для воспринятія многими изъ нашего общества. Мы будемъ говорить отдѣльно о трудахъ французскихъ, нѣмецкихъ и русскихъ, такъ какъ они отличаются по своему характеру и носятъ печать тѣхъ поземельныхъ отношеній, которыя существовали въ той или другой странѣ.

Во Франціи въ это время значительное большинство народонаселенія было людьми совершенно свободными: сервовъ было никакъ не болѣе полутора милліона, при томъ лишь весьма незначительная часть крестьянъ была прикрѣплена къ землѣ такъ, что не могла ее покинуть (такъ называемое servitude personnelle),

напротивъ, цѣлыя области знали только форму зависимости, обусловленную пользованіемъ извѣстнымъ участкомъ: при этой, такъ называемой servitude réelle, крестьянинъ былъ въ зависимости лишь до тѣхъ поръ, пока владѣлъ землею, съ которою была соединена эта зависимость: онъ не былъ прикрѣпленъ къ ней и дѣлался свободнымъ, какъ только покидалъ землю [1]. Свободное сельское населеніе по большей части пользовалось землею сеньёровъ на условіяхъ половничества, но было немало и мелкихъ поземельныхъ собственниковъ. Поэтому, писатели французы, въ своихъ отвѣтахъ на задачу экономическаго общества, требуютъ для крестьянина, по крайней мѣрѣ, въ теоріи, нетолько личной свободы, но и дарованія земли въ полную собственность, хотя нѣкоторые изъ нихъ совѣтуютъ при этомъ соблюдать постепенность, на основаніи убѣжденія, высказываемаго самыми замѣчательными французскими писателями, что достиженіе крестьянами извѣстной степени образованія должно предшествовать ихъ освобожденію, а иные не прочь удовольствоваться и однимъ личнымъ освобожденіемъ. Въ Германіи, напротивъ того, почти вовсе не было свободныхъ крестьянъ, и мы встрѣчаемъ тамъ прикрѣпленіе къ землѣ (Hörigkeit), а не то и закрѣпощеніе самой личности крестьянина (Leibeigenschaft); поэтому, если въ нѣмецкихъ отвѣтахъ мы встрѣчаемъ указаніе на необходимость дать крестьянамъ землю въ собственность, то подъ правомъ собственности авторъ разумѣетъ только наслѣдственное пользованіе землею за опредѣленныя повинности. Изъ нѣмецкихъ отвѣтовъ наибольшій интересъ для насъ представляютъ сочиненія остзейскихъ нѣмцевъ [2]; они обыкновенно выставляютъ образцемъ лифляндское поземельное устройство съ нѣкоторыми ограниченіями помѣщичьей власти. Въ заключеніе мы подробно разберемъ еще болѣе важное для насъ сочиненіе Полѣнова.

Беарде де-Лабей раздѣляетъ свое изслѣдованіе на двѣ части: въ первой онъ рѣшаетъ вопросъ: что полезнѣе для государства — чтобы крестьянинъ имѣлъ право собственности или не пользовался имъ, а во второй говоритъ о томъ, какъ осуществить на дѣлѣ теоретическіе выводы, полученные въ первой части.

Крестьяне, говоритъ авторъ: — корни основанія всего государства; они — барометръ, показывающій его истинныя силы.

---

[1] *Карѣевъ*, Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи. М., 1879 г., стр. 17—19.

[2] Такихъ намъ извѣстно 3: одно печатное и два рукописныхъ.

Самый бѣдный крестьянинъ полезнѣе для государства, чѣмъ праздный, невѣжественный, скупой вельможа. Крестьяне уже тѣмъ приносятъ пользу государству, что, главнымъ образомъ благодаря имъ, увеличивается народонаселеніе; поэтому, крестьянинъ долженъ имѣть неотъемлемую собственность, чтобы онъ не опасался, что его дѣтямъ придется голодать. Но, прежде чѣмъ давать ему землю, необходимо сдѣлать его лично свободнымъ; вся вселенная требуетъ отъ государей, чтобы они освободили крестьянъ. Сила Англіи основывается на совершенствѣ ея земледѣлія, которое, въ свою очередь, зависитъ отъ того, что крестьяне свободны и владѣютъ землею [1]; напротивъ, въ Польшѣ нищета составляетъ слѣдствіе того рабства, въ которомъ томятся крестьяне. Повсюду богатство и могущество государства есть прямое слѣдствіе свободы и благосостоянія крестьянъ. Земледѣлецъ питаетъ другихъ своимъ трудомъ, и имѣетъ право требовать для себя премій, отличій и въ особенности права поземельной собственности. Самое лучшее средство поощрять земледѣльцевъ—сдѣлать ихъ собственниками земли, которую они обрабатываютъ. Имѣть только движимую собственность, значитъ не имѣть почти никакой. Въ странѣ, гдѣ мало земли, быть можетъ, надо принять предосторожности, чтобы слишкомъ большое количество ея не перешло въ руки крестьянъ; но въ обширной, малонаселенной имперіи не слѣдуетъ пренебрегать никакимъ средствомъ, которое можетъ увеличить народонаселеніе. Особенно необходимо, чтобъ земли были неприкосновенною собственностію крестьянъ, чтобы ихъ нельзя было отнять иначе, какъ за долги или по какимъ либо другимъ обязательствамъ.

Но недаромъ къ первой либеральной части своего девиза — «въ пользу свободы вопіютъ всѣ права»—авторъ прибавилъ: «но есть мѣра всему». Второй отдѣлъ своего труда онъ начинаетъ съ того, что предостерегаетъ государей отъ вредной поспѣшности: вѣдь опасно спустить съ цѣпи медвѣдя, не приручивъ его. Есть и другая опасность: крестьянинъ предастся праздности и будетъ страдать отъ голода, подобно тому, какъ вольноотпущенные негры въ Америкѣ вслѣдствіе лѣности впадаютъ въ нищету. Прежде чѣмъ даровать нѣкоторое право собственности, нужно приготовить рабовъ къ воспринятію свободы; теперь же, вслѣдствіе своей грубости и невѣжества, крестьяне, быть можетъ, и сами предпочтутъ рабство. Прежде всего слѣдуетъ обратиться къ образованію. Заставьте людей познать цѣну свободы; пусть они самымъ горячимъ образомъ будутъ стремиться къ ней. Не

[1] Въ этомъ восхваленіи Англіи сказывается вліяніе идей физіократовъ.

дѣлайте ихъ собственниками земли прежде, чѣмъ они будутъ того достойны. Такой ходъ дѣла полезенъ и для богатыхъ землевладѣльцевъ, потому что крестьяне будутъ надѣяться на свободу, лишь какъ на вознагражденіе за бо́льшее трудолюбіе. «Прошлый годъ вы обработали только 100 арпановъ земли, могъ бы сказать господинъ нѣсколькихъ семьямъ своимъ крѣпостныхъ:—въ прошломъ году я получилъ, съ помощію вашего труда, только 100 мѣръ хлѣба; удвойте ваши усилія и ваши заботы о моихъ выгодахъ, воздѣлывайте съ величайшимъ прилежаніемъ землю, которую я вамъ довѣрилъ, и когда вы достигнете того, что увеличите ея производительность на 100 мѣръ хлѣба, я дамъ вамъ землю въ собственность».—«Такимъ образомъ, прибавляетъ авторъ:—одно обѣщаніе свободы можетъ значительно увеличить доходы богатыхъ землевладѣльцевъ». «Давайте крестьянину собственность и свободу, говоритъ онъ: - только, такъ сказать, по мелочамъ. Устройте отличія между рабами; пусть усердіе, заслуги будутъ вознаграждены. Дайте сначала право имѣть только движимое имущество, а потомъ и уже недвижимое. Пусть крестьянинъ, сдѣлавшись собственникомъ, презираетъ своихъ прежнихъ товарищей, остающихся въ рабствѣ, пусть свободные отличаются отъ несвободныхъ одеждою. Когда умы будутъ достаточно подготовлены, можно будетъ разорвать цѣпи рабства. Землевладѣльцамъ нечего опасаться освобожденія крестьянъ: доходы даже возрастутъ, полученіе ихъ сдѣлается вѣрнѣе, не будетъ столько хлопотъ съ присмотромъ за барщинными работами. Но какъ же это сдѣлать? «Дайте крестьянину собственность, чтобы онъ могъ считать себя господиномъ маленькаго владѣнія; вы можете тогда съ полною безопасностію довѣрить ему ваши фермы; вамъ нечего будетъ опасаться, что вы не получите арендной платы: его маленькій клочокъ земли или, лучше сказать, привязанность, которую онъ будетъ имѣть къ своему маленькому имѣнію, послужитъ вамъ порукою. Такимъ образомъ, богатые, осчастлививъ крестьянъ, увеличатъ свои собственныя средства и сдѣлаютъ болѣе вѣрнымъ полученіе доходовъ». Вотъ единственное мѣсто въ сочиненіи Беарде, которое даетъ отвѣтъ на самый существенный вопросъ при освобожденіи крестьянъ съ землею: какъ и въ какихъ размѣрахъ предоставить имъ поземельный надѣлъ; но, какъ оно ни кратко, оно достаточно объясняетъ намъ, почему это сочиненіе заслужило одобреніе вольнаго экономическаго общества, въ которомъ всѣ самые либеральные члены были все-таки болѣе или менѣе крупные землевладѣльцы. И такъ, Беарде предоставляетъ самимъ помѣщикамъ все рѣшеніе крестьянскаго вопроса, государство

вовсе не должно вмѣшиваться въ это дѣло, господинъ самъ надѣлитъ землею крестьянъ въ вознагражденіе за ихъ особенное прилежаніе, причемъ опредѣленіе степени этого прилежанія и размѣровъ надѣла будетъ вполнѣ отъ него зависѣть. Но во всякомъ случаѣ, очевидно, что, по мысли Беарде, участокъ земли, дарованный крестьянамъ, не долженъ быть великъ, не долженъ вполнѣ обезпечивать существованіе его семьи; это ясно изъ того, что авторъ говоритъ о «quelque petite possession», о «petit domaine», и что всѣ разсчеты помѣщика, всѣ надежды на увеличеніе дохода основываются на томъ, что крестьяне должны будутъ брать его земли въ аренду, *должны* уже не въ силу юридическаго принужденія, но побуждаемые еще болѣе сильнымъ мотивомъ—необходимостью обезпечить свое пропитаніе. Къ тому же, даже и это благополучіе предоставляется, какъ награда крестьянамъ, въ весьма отдаленномъ будущемъ: ему предшествуютъ наставленія священника съ цѣлію развитія крестьянъ, затѣмъ, послѣ того, какъ хотя одинъ добился освобожденія, переодѣваніе всѣхъ остальныхъ изъ прежняго платья въ рабскую одежду одинаковаго образца, потомъ, освобожденіе только личности и дарованіе права на движимое имущество и, наконецъ, какъ вершина всего зданія, Богъ знаетъ, черезъ сколько лѣтъ, дарованіе маленькаго клочка земли. Неизвѣстно только, когда произойдетъ новое переодѣваніе изъ рабской одежды въ форму, присвоенную людямъ свободнымъ: при дарованіи ли личной свободы или при надѣленіи землею, но во всякомъ случаѣ эти смѣшныя мѣры, которыя, навѣрно, не пришли бы въ голову ни одному русскому писателю, до такой степени подобныя внѣшнія отличія чужды духу русскаго народа—совершенно для насъ непригодны.

Переходимъ теперь къ обзору другихъ французскимъ сочиненій, ограничиваясь, согласно нашему плану, только тѣми, которыя заслужили одобреніе экономическаго общества. О небольшомъ французскомъ сочиненіи, подъ № 14-мъ, общество постановило, что эта пьеса «хотя и писана весьма изрядно и притомъ нѣкоторымъ образомъ соотвѣтствовала и къ рѣшенію самой задачи, однако, по общему всего собранія мнѣнію, въ число конкурсныхъ вступить не могла», потому что составитель подписалъ свое имя. Авторъ этого маленькаго сочиненія, занимающаго всего три четвертки, нѣкій французъ Арнольди изъ герцогства Лимбургскаго, также считаетъ желательнымъ, чтобы крестьянинъ владѣлъ извѣстнымъ участкомъ земли, достаточнымъ для того, чтобы онъ могъ жить со своимъ семействомъ «въ посредственномъ состояніи».

Обративъ вниманіе на то, что Вольтеръ въ одномъ изъ своихъ

писемъ къ императрицы Екатеринѣ интересовался судьбою двухъ французскихъ сочиненій, посланныхъ въ наше экономическое общество [1], мы заподозрили, не было ли въ числѣ полученныхъ отвѣтовъ и его собственнаго произведенія. Наша догадка оправдалась, такъ какъ одно изъ французскихъ сочиненій оказалось лишь болѣе подробною редакціею статьи о собственности, помѣщенной Вольтеромъ въ его «Философскомъ Лексиконѣ». Въ первомъ изданіи этого лексикона, появившемся въ 1764 г., этой статьи нѣтъ [2]; но послѣ того, какъ она была написана въ 1767 г., ее включили въ «Философскій Лексиконъ», хотя при этомъ она и подверглась сокращенію болѣе чѣмъ вдвое [3].

Сочиненіе Вольтера, присланное къ намъ съ девизомъ «si populus dives, rex dives» (если народъ богатъ, богатъ и государь) (№ 9), было одобрено обществомъ и включено въ число тѣхъ отвѣтовъ, которые удостоились почетнаго отзыва (см. предисловіе къ «Dissertation» и пр.). Упомянувъ о томъ, что для самихъ землевладѣльцевъ гораздо выгоднѣе раздать земли небольшими участками за извѣстный оброкъ, чѣмъ воздѣлывать ихъ рабскимъ трудомъ, Вольтеръ не ограничивается, однако, рекомендаціею хозяйства на арендныхъ началахъ «Есть другой родъ собственности, не менѣе полезный, говоритъ онъ:—когда земля освобождена отъ всякаго оброка, и владѣющій ею платитъ только общія подати, наложенныя для блага и поддержанія государства. Это та собственность, которая особенно содѣйствовала обогащенію Англіи, Франціи и свободныхъ городовъ Германіи. Государи, освободившіе земли, которыя входили въ составъ ихъ доменовъ, извлекли изъ этого прежде всего большую выгоду, такъ какъ у нихъ дорого покупали эти вольности, и извлекаютъ еще большую теперь, особенно въ Англіи и Франціи, вслѣдствіе увеличенія промышленности и торговли». Но авторъ нетолько не настаиваетъ, какъ и Беарде, на вмѣшательствѣ государства при рѣшеніи крестьянскаго вопроса, но прямо высказывается противъ него. «Справедливость требуетъ, говоритъ онъ:—чтобы государь освобождалъ только церковныхъ сервовъ и своихъ собственныхъ: крѣпостныхъ, принадлежащихъ церкви потому что она не должна ихъ имѣть, своихъ—потому что отъ этого онъ выигрываетъ, создавая себѣ дѣятельныхъ подданныхъ, и обогащаетъ себя, дѣлая добро. Но что касается сеньёровъ, которымъ давнее пользованіе предоставило крѣпостныхъ въ вотчину, то, кажется, нельзя, не

[1] Сборн. Ист. Общ. X, 176 и 33—34. (второе письмо Екатерины ошибочно помѣщено подъ 1765 г.; оно очевидно написано послѣ помѣщеннаго на стр. 176).

[2] См. *Voltaire.* Dictionnaire philosophique portatif. Londres. 1764.

[3] Oeuvres complètes de Voltaire, 1784, XLII, p. 437—441.

сдѣлавъ несправедливости, принудить ихъ измѣнить сущность ихъ наслѣдственнаго имѣнія. Они должны имѣть право освободить своихъ сервовъ по собственному усмотрѣнію. Это уже ихъ дѣло, послѣдовать ли примѣру государя... они должны быть приглашены къ этому, а не обязаны»[1]. Вольтеръ не настаиваетъ даже въ такой степени какъ Беарде—на предоставленіи крестьянамъ поземельной собственности. «Всѣ крестьяне не будутъ богатыми, говоритъ онъ: — да этого и не нужно. *Нужны люди, у которыхъ не было бы ничего, кромѣ ихъ рукъ и доброй воли*; но даже и они, хотя и кажутся пасынками фортуны, будутъ участвовать въ благополучіи другихъ», прибавляетъ онъ имъ въ утѣшеніе. «Они будутъ имѣть право продавать свой трудъ тому, кто болѣе заплатитъ, и это замѣнитъ имъ собственность». Уже Беарде высказывалъ мысль, что, по крайней мѣрѣ, въ государствѣ не слишкомъ обширномъ, *быть можетъ*, слѣдуетъ принять мѣры, чтобы въ руки крестьянъ не перешло слишкомъ большое количество земель; въ Вольтерѣ этотъ вопросъ не возбуждаетъ сомнѣній. «Во многихъ королевствахъ случилось, говоритъ онъ: — что освобожденный крѣпостной, разбогатѣвъ съ помощію промышленности, занялъ мѣсто прежнихъ своихъ господъ, обѣднѣвшихъ отъ роскоши; онъ скупилъ ихъ земли, принялъ ихъ фамиліи, старинное дворянство было унижено». Поэтому онъ желаетъ «противопоставить узду закона гордости новыхъ выскочекъ, опредѣлить, сколько они могутъ пріобрѣтать крестьянскихъ земель, запретить имъ пріобрѣтеніе земель благородныхъ сеньёровъ».

Въ этомъ сочиненіи ясно высказались взгляды Вольтера на крестьянскій вопросъ [2]. Вѣрный своей всегдашней ненависти къ духовенству, онъ всего болѣе желаетъ, чтобы было уничтожено крѣпостное право на монастырскихъ земляхъ (извѣстно его энергическое заступничество за сервовъ монастыря св. Клавдія), а затѣмъ въ доменахъ. Освобожденіе крѣпостныхъ частныхъ владѣльцевъ, хотя бы и безъ земли—желательно, но въ этомъ отношеніи господамъ должна быть предоставлена полная свобода.

Екатерина исполнила эту программу, хотя и не вполнѣ: она съ одной стороны превратила въ государственныхъ крестьянъ населеніе монастырскихъ и другихъ духовныхъ вотчинъ, съ другой—не посягнула на права частныхъ землевладѣльцевъ. Но въ своихъ собственныхъ вотчинахъ она нетолько не освободила крестьянъ, но брала съ нихъ шестирублевый оброкъ въ то время,

---

[1] Этого любопытнаго мѣста нѣтъ въ печатной редакціи.

[2] О его взглядахъ на народъ вообще срав. *Hettner* Literaturgeschichte des XVIII Jahrhunderts, 3 Aufl. Bd. II, 173—174, 220—221; *Луи Бланъ* Ист. Франц. Револ. I, 296—297; *Карѣевъ* 271—272, 291—292.

когда въ Наказѣ признавала пятирублевый сборъ чрезмѣрнымъ обремененіемъ.

Неизмѣримо выше отвѣтовъ Беарде и Вольтера стоитъ сочиненіе француза Граслена, получившаго accessit и напечатанное вмѣстѣ съ работою Беарде. Такъ какъ, въ поставленной на обсужденіе задачѣ, спрашивалось: дарованіе крестьянину права собственности на землю полезно ли для общества или (какъ это было сказано во французскомъ отвѣтѣ) для общаго блага, то авторъ такимъ образомъ начинаетъ свое сочиненіе: «общее благо можетъ быть разсматриваемо съ двухъ различныхъ точекъ зрѣнія: или какъ наибольшая польза для всѣхъ членовъ общества, или какъ благо государства при извѣстномъ его устройствѣ. Въ первомъ случаѣ предлагаемый вопросъ имѣетъ характеръ общности и долженъ быть рѣшенъ на основаніи началъ, почерпнутыхъ изъ свойствъ человѣка и непреложныхъ законовъ природы; во второмъ случаѣ, это задача частная, условная и имѣющая столько же различныхъ рѣшеній, сколько есть формъ правленія». Авторъ обѣщаетъ разсматривать вопросъ съ первой точки зрѣнія. Уже приведенное различеніе интересовъ государства и его членовъ, другими словами, націи и народа, дѣлаютъ честь автору изслѣдованія, такъ какъ понятія эти сплошь и рядомъ смѣшивались нетолько въ то время, но не рѣдко смѣшиваются и теперь. Затѣмъ авторъ говоритъ: «если считать крестьянъ членами государства, то общее благо требуетъ, чтобы имъ были предоставлены выгоды, связанныя съ правомъ собственности какъ на землю, такъ и на движимое имущество, допуская при этомъ только тѣ ограниченія, какія существуютъ и для другихъ, такъ какъ... общее благо заключается всегда въ счастіи наибольшаго числа людей». Но современные философы утверждаютъ, продолжаетъ авторъ, что при естественномъ порядкѣ вещей (dans l'ordre de la nature) земля не составляетъ ни чьей собственности. Какъ же можетъ въ такомъ случаѣ существовать частная поземельная собственность; какимъ образомъ извѣстное количество людей можетъ посредствомъ своего труда пріобрѣсти право собственности на всю землю, не давая ею пользоваться другимъ людямъ, тогда какъ земля должна принадлежать всѣмъ. Но, по мнѣнію автора, это противорѣчіе только кажущееся, и онъ обѣщаетъ устранить его, доказавъ, что когда владѣніе землею гарантировано тѣмъ, кто ее обрабатываетъ, то другіе, хотя и не непосредственно, пользуются благами природы, т. е. производительностію земли. Для этого авторъ, отвлекаясь отъ существующаго общественнаго строя, разсматриваетъ тѣ отношенія, которыя устанавливаются между земледѣльцами и ремесленниками,

если все населеніе раздѣляется только на два класса: земледѣльцевъ-собственниковъ и работниковъ, занимающихся earthземледѣльческимъ трудомъ, разбираетъ законы обмѣна, возникающаго при этомъ, и указываетъ на то, что при предполагаемомъ имъ составѣ народонаселенія ремесленники и другіе работники не земледѣльцы, обмѣнивая свои продукты на хлѣбъ, въ сущности пользуются плодами земли. Изъ этого слѣдуетъ, что и они заинтересованы въ томъ, чтобы обработывающіе землю имѣли на нее ненарушимое право собственности. Другой результатъ разбора отношеній между земледѣльцами и ремесленниками заключается въ томъ, что право отдѣльнаго человѣка или какого-нибудь класса общества на плоды труда другихъ людей основывается единственно на томъ, что другіе нуждаются въ произведеніяхъ его собственнаго труда. Съ этой точки зрѣнія, авторъ признаетъ цѣлесообразность установленія власти, заботящейся объ охраненіи личности и собственности членовъ общества, но онъ считаетъ совершеннымъ извращеніемъ естественнаго порядка вещей какъ рабство, такъ и то, что правомъ собственности на землю пользуются люди, незанимающіеся ея обработкою. При естественныхъ отношеніяхъ, земледѣльцы обмѣниваютъ избытокъ своихъ произведеній на плоды труда другихъ работниковъ и, слѣдовательно, всякое уменьшеніе той доли продуктовъ, которую путемъ обмѣна они передаютъ другимъ производительнымъ классамъ, есть потеря для этихъ послѣднихъ, а, слѣдовательно, и для всего общества, такъ какъ, чтобы удовлетворить прежней потребности, придется увеличить число земледѣльцевъ и слѣдовательно уменьшить численность остальныхъ классовъ. И все это только потому, что извѣстное количество людей, пользующихся властію, поработили себѣ подобныхъ или—что въ сущности тоже самое—не дозволяютъ пользоваться захваченною ими землею иначе, какъ за предоставленіе имъ безплатно извѣстной части урожая. Окончательный выводъ, къ которому приходитъ авторъ, понятенъ уже изъ всего сказаннаго: «*общее благо требуетъ, чтобы земля была собственностію единственно и исключительно тѣхъ, кто ее обработываетъ*, т. е. крестьянъ, но въ то же время они должны владѣть только тѣмъ количествомъ земли, какое могутъ сами обработать, иначе они обратятся въ землевладѣльцевъ вотчинниковъ». Только при этомъ условіи, слѣдовательно, имѣетъ raison d'être право собственности на землю.

Переходя отъ общихъ выводовъ, построенныхъ на отвлеченныхъ началахъ справедливости, къ современному общественному строю, авторъ говоритъ, что если невозможно въ данное время думать объ его измѣненіи согласно указаннымъ принципамъ,

если нельзя отдать землю однимъ земледѣльцамъ, то не слѣдуетъ, по крайней мѣрѣ, лишать ихъ поземельной собственности, такъ какъ это было бы большимъ ущербомъ для всего общества. Нечего и говорить о томъ, что авторъ считаетъ необходимымъ предоставить земледѣльцу право собственности на движимое имущество.

Изъ сдѣланнаго нами краткаго изложенія сочиненія Граслена видно, что это трудъ, написанный весьма логично, въ высшей степени замѣчательный для своего времени; нельзя не подивиться, что его одобрило вольное экономическое общество, господствующимъ вліяніемъ въ которомъ пользовались наши вельможи—крупные собственники. Напечатаніе такой статьи, совершенно отрицавшей ихъ права на владѣніе нетолько крестьянами, но даже и землею, повидимому, должно было бы казаться имъ гораздо опаснѣе, чѣмъ переводъ труда Беарде; тутъ дѣло шло уже не о надѣленіи крестьянина клочкомъ земли по усмотрѣнію помѣщика въ награду за особенное прилежаніе, а о томъ, что предоставленіе земледѣльцамъ всей обработываемой земли было бы только исполненіемъ элементарныхъ требованій справедливости. Но къ такимъ идеямъ тогдашнее русское общество было совершенно не подготовлено, и эта слишкомъ отвлеченная статья была мало понятна нетолько всему русскому обществу, но, быть можетъ, и тѣмъ, кто рѣшалъ вопросъ о ея напечатаніи. Какъ бы то ни было, нельзя не признать, что изъ всѣхъ сочиненій, присланныхъ въ отвѣтъ на задачу, объявленную экономическимъ обществомъ, это было произведеніе самое замѣчательное по своимъ идеямъ.

Прежде чѣмъ покончить съ разборомъ французскихъ сочиненій, мы упомянемъ еще объ одномъ неизданномъ отвѣтѣ, означенномъ въ печатномъ спискѣ подъ № 162. Это, собственно говоря, только предисловіе къ сочиненію, которое авторъ не успѣлъ прислать къ опредѣленному сроку; опоздало и это предисловіе и потому не было разсмотрѣно. Оно любопытно для насъ только потому, что было несомнѣнно написано физіократомъ (хотя вліяніе этой школы сказывается и въ нѣкоторыхъ другихъ отвѣтахъ), слѣдовательно, принадлежало перу человѣка, раздѣлявшаго мнѣнія, которыя были въ то время послѣднимъ словомъ экономической науки. Поэтому не безъинтересно указать на то, какое значеніе придавали въ Европѣ постановкѣ самой задачи, объявленной экономическимъ обществомъ: «Если роковое стеченіе обстоятельствъ, говоритъ онъ: — лишаетъ мое отечество преимущества подать первый примѣръ постояннаго и совершеннаго счастія, которое должно быть непремѣннымъ результатомъ осуществленія выво-

довъ этой науки (физіократіи), то я желаю, чтобы вы, русскіе, воспользовались этимъ неоцѣненнымъ правомъ и подали всѣмъ возвышенный примѣръ... Вы научились отъ насъ научно истреблять людей съ помощію свинца, желѣза и пороха; вы научились искусно предавать свою жизнь ярости бурныхъ морей въ судахъ, столь же ломкихъ, сколько и достойныхъ удивленія. Прекрасно и благородно будетъ съ вашей стороны научить насъ... какъ гарантировать счастіе людей, производящихъ необходимые жизненные припасы... свободою и правомъ собственности, не тѣми неполными собственостію и свободою, которыми мы въ настоящее время пользуемся въ нашихъ полуцивилизованныхъ государствахъ, но тѣми, которымъ только высшая справедливость полагаетъ границы». Если даже извѣстную долю этихъ фразъ и счесть за комплименты, которыми многіе авторы, особенно французы, приправляли свои отвѣты, то все-таки нельзя не согласиться, что, дѣйствительно, постановка этой задачи принесла извѣстную долю пользы нетолько Россіи, но и западной Европѣ: она вызвала не одни письменные, но и печатные отвѣты. Не говоря уже про иностранныя сочиненія, напечатанныя нашимъ экономическимъ обществомъ и, такимъ образомъ, сдѣлавшіяся доступными всему образованному міру, мы напомнимъ, что нѣкоторые авторы (Меркель и Гессъ) сами, даже ранѣе присужденія преміи, напечатали свои труды; другіе же рѣшали эту задачу въ журнальныхъ статьяхъ или особыхъ сочиненіяхъ, вовсе не претендуя на премію. Для примѣра, укажемъ, что, въ отвѣтъ на задачу вольно-экономическаго общества, аббатъ Васко изъ Пьемонта написалъ по-итальянски цѣлый трактатъ, въ которомъ требуетъ раздѣленія земли между возможно бо̀льшимъ числомъ гражданъ, отдачи крестьянамъ въ полную собственность опредѣленныхъ земельныхъ участковъ. Предвидя, что если даже всѣ земли будутъ поровну раздѣлены между ними, современемъ все-таки явится сильное имущественное неравенство, аббатъ Васко требуетъ, чтобъ былъ установленъ maximum и minimum количества земли, какимъ могутъ владѣть граждане государства, первымъ шагомъ къ чему должно служить регулированіе закономъ права наслѣдованія [1]. Если сопоставить этотъ трудъ, вовсе не присланный въ экономическое общество, съ только-что разобраннымъ нами сочиненіемъ Граслена, то мы увидимъ, что хотя многіе выдающіеся писатели того времени, дававшіе тонъ вѣку, игнорировали соціальные во-

---

[1] *Лучицкій.* Исторія крестьянской реформы въ западной Европѣ съ 1789 г. Кіевск. унив. изв. 1878 г. № 11, стр. 548—551.

*

просы, то все-таки не было недостатка въ голосахъ, рѣшительно высказывавшихся въ пользу обдѣленнаго судьбою крестьянина.

Мы не разобрали еще одного изъ сохранившихся французскихъ сочиненій, которое было включено въ число конкурсныхъ (впрочемъ, отъ послѣдняго комитета оно не заслужило почетнаго отзыва), не разобрали потому, что хотя оно и написано по-французски, но, присланное изъ Берлина, оно заключаетъ въ себѣ не мало и чисто нѣмецкихъ идей (въ спискѣ означено подъ № 72).

Люди никогда не были равны, говоритъ авторъ: — всегда существовала родительская власть, всегда сильный и ловкій бралъ верхъ надъ слабымъ и глупымъ. Избытокъ просвѣщенія, такъ же, какъ и излишняя зажиточность, вредятъ людямъ, особенно тѣмъ, умъ которыхъ, по ихъ образу жизни и по назначенной имъ судьбою роли въ обществѣ, долженъ остаться ограниченнымъ. Понятно, что. при такихъ взглядахъ, авторъ не одобряетъ сочиненій Руссо, такъ какъ они возбуждаютъ, по его словамъ, ропотъ и возстаніе, между тѣмъ, какъ онъ самъ хочетъ внушить людямъ необходимость послушанія и объяснить имъ выгоды зависимаго положенія. Развѣ не испортили бы мнѣ хорошаго слугу, спрашиваетъ онъ:—еслибы ежедневно стали твердить ему, что я ничѣмъ не лучше его и что для него унизительно мнѣ служить? Нѣтъ, спасительныя правила евангелія гораздо лучше всей этой ложной философіи.—Однако, даже и при такихъ взглядахъ, взявшись писать на тэму о собственности крестьянъ, авторъ не рѣшается сказать прямо, что она не нужна. Онъ совѣтуетъ прежде всего внимательно изучить положеніе русскаго мужика: обремененъ ли онъ чрезмѣрно работою и, главное, дѣйствительно ли онъ недоволенъ своею судьбою. Если да, нужно ему помочь; въ противномъ случаѣ, пусть не предлагаютъ ему проэктовъ объ увеличеніи его правъ. Если же и окажется нужнымъ измѣнить положеніе крѣпостныхъ, то во всякомъ случаѣ сразу даровать имъ всѣмъ право собственности—было бы весьма неблагоразумно, это можно дѣлать не иначе, какъ постепенно, на извѣстныхъ условіяхъ, и пріобрѣтенное ими право собственности должно подлежать ограниченію. Можно начать съ того, что объявить собственниками заслуживающихъ этого своимъ прилежаніемъ, честностію и проч., и затѣмъ дѣлать тоже самое въ извѣстные промежутки времени. Авторъ такъ же, какъ и Беарде, полагаетъ, что крестьяне будутъ придавать значеніе внѣшнимъ отличіямъ и потому предлагаетъ, чтобы пріобрѣтшіе право собственности отличались отъ остальныхъ особою одеждою. За дурное поведеніе крестьянинъ можетъ лишиться своего участка по рѣшенію суда, составленнаго изъ лицъ того же сословія.

Переходимъ къ нѣмецкимъ сочиненіямъ, отличающимся инымъ характеромъ, чѣмъ произведенія французскихъ авторовъ.

Первый трудъ съ девизомъ Catharina (№ 54), принадлежащій гальберштадскому канонику Вёлльнеру[1], прямо начинается съ той мысли, что для общества полезнѣе и выгоднѣе, чтобы крестьянинъ имѣлъ собственную землю. Это подтверждается соображеніями о важномъ значеніи для земледѣлія права собственности, плохомъ качествѣ барщиннаго труда и невозможности для срочнаго арендатора заботиться о прочныхъ усовершенствованіяхъ. Авторъ совѣтуетъ роздать землю крестьнамъ въ собственность съ тѣмъ, чтобы они вносили за нее точно опредѣленный оброкъ и исполняли извѣстныя работы; по его мнѣнію, это единственное и самое вѣрное средство для развитія земледѣлія; вмѣстѣ съ тѣмъ оно будетъ чрезвычайно содѣйствовать и увеличенію народонаселенія. Правительство должно награждать всячески (титулами, деньгами, землями) тѣхъ землевладѣльцевъ, которые передадутъ землю въ собственность своимъ крестьянамъ, а также поощрять крестьянъ, у которыхъ всего болѣе дѣтей. О правѣ собственности на движимое имущество авторъ не находитъ нужнымъ и говорить, такъ какъ гораздо важнѣе поземельное устройство.

Затѣмъ Вёлльнеръ переходитъ ко второй части задачи: какъ далеко должно простираться право собственности на землю? Онъ предлагаетъ, чтобы землевладѣльцы дали вольному экономическому обществу полномочіе составить, съ соизволенія государыни, законъ, которымъ крѣпостное право было бы измѣнено и согласовано съ требованіями общаго блага[2]. Этимъ закономъ, установленнымъ съ согласія всѣхъ землевладѣльцевъ, земля должна быть передана крестьянину въ собственность и гарантировано ему спокойное пользованіе ею. Но онъ долженъ остаться въ подданствѣ и послушаніи своему господину, нести платежи и повинности даже въ бо̀льшемъ размѣрѣ, чѣмъ прежде. Слѣдуетъ постановить: 1) что крестьнинъ можетъ быть лишенъ земли только въ такомъ случаѣ, если онъ будетъ дурно вести себя и пренебрегать земледѣліемъ; тогда у него можно отнять землю, согнать его со двора и сдѣлать рабомъ (Sclave) 2) Крестьянинъ долженъ имѣть право производить на своей землѣ какія угодно улучшенія, сѣять по своему усмотрѣнію хлѣбъ или кормовыя травы, огораживать землю. Для этого участокъ долженъ быть

---

[1] Съ 1788 г. онъ былъ министромъ юстиціи, начальникомъ духовнаго департамента и евангелическихъ лютеранскихъ церквей.

[2] Сравни выше предложеніе Посошкова, чтобы землевладѣльцы сами, подъ контролемъ правительства, составили правила о крестьянскихъ повинностяхъ.

отведенъ въ одномъ мѣстѣ, *общинныя угодья* (die Gemeinheiten) *уничтожены*, такъ же, какъ и обыкновеніе пасти скотъ на землѣ сосѣда. Разверстаніемъ общинныхъ угодій и огораживаніемъ полей Англія положила первое основаніе успѣхамъ земледѣлія, а послѣднее время (seit paar Jahren) почти всѣ нѣмецкія государства начинаютъ слѣдовать ея примѣру [1]. 3) Крестьяне, получившіе землю въ собственность, должны платить вдвое болѣе, чѣмъ прежде, но разъ установленные взносы не должны быть возвышаемы. 4) Крестьянинъ долженъ имѣть право продать свое поле, но, однакоже, лишь съ согласія землевладѣльца; это дозволяется только въ томъ случаѣ, если, по старости или болѣзни, онъ не можетъ работать или захочетъ купить другой участокъ (само собой разумѣется, что пріобрѣтшій его землю долженъ будетъ принять на себя исполненіе лежащихъ на ней повинностей). 5) Крестьянинъ можетъ завѣщать свою землю дѣтямъ и родственникамъ, но если наслѣдникъ не хочетъ самъ заниматься ея обработкою, то долженъ не отдавать земли въ наемъ, а непремѣнно продать ее земледѣльцу.

Таковъ проэктъ, представленный Вёлльнеромъ; онъ сходенъ съ предложеніемъ Беарде въ томъ отношеніи, что въ сущности также предоставляетъ рѣшеніе крестьянскаго вопроса усмотрѣнію помѣщиковъ, такъ какъ только съ ихъ согласія предлагаетъ экономическому обществу установить правила объ улучшеніи быта крестьянъ. Что касается предложенныхъ имъ мѣръ, то очевидно, что онъ предоставляетъ землю крестьянину не въ собственность, а только въ наслѣдственное пользованіе за опредѣленныя повинности, которыя къ тому же онъ предлагаетъ увеличить. Такимъ образомъ, еще вопросъ, улучшилось ли бы при этихъ условіяхъ положеніе крестьянъ. Наконецъ, онъ вовсе не касается вопроса о вотчинномъ судѣ, а отъ правильнаго разъясненія его зависитъ очень многое. Въ проэктѣ Вёлльнера есть одно предложеніе, въ которомъ онъ сходится съ проэктомъ Елагина и принятіе котораго было бы крайне вредно для русскихъ крестьянъ: мы разумѣемъ совѣтъ уничтожить общинное землевладѣніе. Авторъ ссылается на примѣръ въ этомъ отношеніи западной Европы. Прошло послѣ того сто лѣтъ до тѣхъ поръ, пока на западѣ пришли къ убѣжденію, что хотя мѣра эта содѣйствовала развитію *земледѣлія*, но зато вредно отразилась на интересахъ *земледѣльцевъ*. Мы же всегда все принимали отъ запада заднимъ числомъ: вводимъ строго классическую систему средняго образо-

---

[1] Незадолго передъ тѣмъ, Вёлльнеръ издалъ особое сочиненіе противъ общиннаго землевладѣнія: «Die Aufhebung der Gemeinheiten in der Mark Brandenburg nach ihren grossen Vortheilen ökonomisch betrachtet. Berl. 1766.

ванія, когда объ ослабленіи ея думаютъ на западѣ, желаемъ уничтожить поземельную общину, когда многіе западные ученые пришли къ убѣжденію въ полезности для крестьянъ этой формы землевладѣнія.

Изъ сочиненій лифляндскихъ дворянъ, которыхъ до насъ дошло 3, первое, напечатанное вмѣстѣ съ отвѣтами Беарде, Вёлльнера и Граслена, было написано фонъ-Мекомъ, котораго общество наградило за этотъ трудъ медалью въ 12 червонцевъ. Крѣпостные должны имѣть собственность, говоритъ онъ, но не слѣдуетъ спѣшить (эпиграфъ автора—festina lente): если сразу уничтожить крѣпостное право, то свобода обратится въ необузданность, крестьяне покинутъ земли, которыя прежде обработывали, и начнутъ бродить, ища мѣста, гдѣ бы могли получить землю безъ повинностей и денежныхъ оброковъ. Нужно, чтобы крестьяне познали цѣну собственности; нужно позаботиться о лучшемъ воспитаніи крѣпостныхъ дѣтей; нужно научить крестьянина любить земледѣліе. Въ этихъ мысляхъ нѣтъ ничего новаго, мы уже встрѣчали ихъ и встрѣтимъ еще и въ нѣмецкихъ сочиненіяхъ; но авторъ рекомендуетъ оригинальную мѣру для пріученія крестьянъ къ земледѣлію, честь изобрѣтенія которой принадлежитъ исключительно ему. Нужно препятствовать крестьянину заниматься побочными промыслами; съ этою цѣлію можно установить, что все, что онъ заработываетъ съ ихъ помощію, должно идти въ пользу господина. Каждый обязанъ оставаться членомъ своего сословія, а не «быть счастливымъ, какъ ему вздумается». Такъ же, какъ и предыдущіе авторы, онъ полагаетъ, что нужно навсегда опредѣлить, какія земледѣльческія работы и сборы долженъ нести крестьянинъ въ пользу господина. По его мнѣнію, нужно начать дарованіе права собственности съ движимаго имѣнія и обставить это дѣло слѣдующими формальностями. Господинъ заявляетъ въ судѣ, что онъ дозволяетъ лучшимъ крестьянамъ, хорошо ведущимъ свое хозяйство, неограниченно распоряжаться движимымъ имуществомъ; заявленіе это записывается въ книгахъ, и потомъ чиновники наблюдаютъ за его исполненіемъ. Если крестьянинъ будетъ дурно хозяйничать, то его не слѣдуетъ прогонять съ земли, а нужно назначить опекуновъ надъ нимъ изъ лучшихъ хозяевъ. При такомъ смягченномъ крѣпостномъ правѣ, крестьянинъ будетъ находиться въ наилучшемъ положеніи: онъ пользуется землею, а между тѣмъ, въ случаѣ неурожая, помѣщикъ помогаетъ ему. Когда всѣ или большая часть крестьянъ пріобрѣтутъ движимую собственность, то помѣщикъ въ награду лучшимъ и зажиточнѣйшимъ можетъ продать за опредѣленную цѣну участокъ земли, который они обработываютъ. Хо-

рошо было бы подать примѣръ реформы въ казенныхъ имѣніяхъ: тогда каждый убѣдился бы, что такимъ образомъ увеличивается благосостояніе крестьянъ. Крестьянинъ, пріобрѣтшій землю, будетъ имѣть на нее полное право собственности, но подъ слѣдующими условіями: 1) его участокъ не долженъ быть никакимъ образомъ отдѣленъ отъ всего имѣнія; 2) крестьянинъ, обрабатывающій его, не можетъ его покинуть и 3) за каждый такой участокъ, господинъ имѣетъ право на извѣстную и разъ навсегда опредѣленную работу. Такимъ образомъ и здѣсь дѣло идетъ не о правѣ собственности, а о наслѣдственномъ пользованіи землею за извѣстныя повинности, причемъ нѣтъ и мысли о назначеніи какого-нибудь срока этимъ платежамъ, о выкупѣ земли въ теченіе извѣстнаго времени посредствомъ ежегодныхъ взносовъ.

Отвѣтъ фонъ-Мека имѣетъ нѣкоторое сходство съ сочиненіемъ Вёлльнера и не лишенъ вовсе либеральныхъ намѣреній, за то неизданное сочиненіе неизвѣстнаго лифляндца (№ 97) обнаруживаетъ весьма консервативный образъ мыслей автора. Нужно замѣтить, что въ третьей комиссіи, читавшей это сочиненіе, было высказано о немъ два противуположныхъ мнѣнія; въ перечнѣ его отзывовъ въ одной отмѣткѣ сказано: «дѣлаетъ дурныя и смѣшныя предложенія», но тутъ же другою рукою приписано: «заслуживаетъ вступить въ конкурсъ». Сочиненіе это дѣйствительно включено было въ число конкурсныхъ, но комитетъ, произносившій окончательное сужденіе надъ всѣми одобренными отвѣтами, не нашелъ, чтобы оно заслуживало нетолько accessit, но и почетнаго отзыва; да это и понятно, такъ какъ онъ одобрялъ преимущественно піесы, гдѣ предлагались какія-нибудь мѣры для надѣленія крестьянъ собственностію или, по крайней мѣрѣ, предоставленія имъ наслѣдственнаго пользованія землею.

Въ теоріи и этотъ неизвѣстный лифляндецъ признаетъ, что для общества полезнѣе, чтобы крестьянинъ имѣлъ собственную землю; но примѣнительно къ существующимъ отношеніямъ, онъ держится другихъ взглядовъ; правда, онъ настолько любезенъ, что считаетъ несправедливостію, еслибы какой-нибудь государь вздумалъ обратить въ крѣпостныхъ свободныхъ людей (если только они не сдѣлались недостойными свободы какими-нибудь возмущеніями и предательскими поступками) [1]; онъ согласенъ даже, чтобы казна дала свободу крестьянамъ коронныхъ имѣній, но крѣпостные частныхъ вотчинъ—дѣло другое. «Государь, который освобождаетъ крѣпостныхъ аллодіальнаго имѣнія (хотя бы

[1] Вѣроятно намекъ на причины закрѣпощенія латышей, какъ ихъ объясняли, по крайней мѣрѣ, остзейскіе дворяне.

это и казалось полезнымъ для общества)—великодушенъ и милостивъ относительно крестьянъ, но онъ обижаетъ такимъ образомъ самыхъ знатныхъ своихъ подданныхъ, которые смотрятъ на крѣпостное населеніе какъ на свою безспорную собственность, такъ какъ это право даровано имъ или подтверждено привилегіями прежнихъ государей». Все это, очевидно, прямой отвѣтъ на посягательство русскаго правительства улучшить бытъ крѣпостныхъ крестьянъ. Но, оставляя вопросъ о томъ, что законно и справедливо, авторъ заявляетъ, что, по его мнѣнію, «для общества полезнѣе и выгоднѣе, если крестьяне владѣютъ землею и движимымъ имуществомъ какъ рабы, или, лучше сказать, какъ крѣпостные». Онъ не отрицаетъ, что есть благоустроенныя, богатыя, цвѣтущія государства, въ которыхъ всѣ крестьяне—люди свободные; онъ признаетъ даже, что есть случаи, когда странѣ мало повредитъ или даже принесетъ пользу дарованіе свободы крѣпостнымъ крестьянамъ; къ числу такихъ, онъ причисляетъ тѣ страны, въ которыхъ находится болѣе крестьянъ, чѣмъ сколько нужно для обработки полей, такъ какъ тамъ слѣдуетъ заводить фабрики, а для нихъ свободные работники болѣе удобны, чѣмъ рабы. Но въ государствахъ менѣе населенныхъ, нужно руководиться иными правилами, особенно если крестьяне грубы, непослушны и лѣнивы. «Свободные и притомъ невоспитанные крестьяне—это дикія лошади, которыя, чувствуя свою силу, мало слушаются всадниковъ; онѣ не годятся для полевыхъ работъ. Тутъ не нужно большаго ума, но за то необходимы тѣлесная сила, трудолюбіе и послушаніе, а все это можно имѣть и безъ свободы». Авторъ оговаривается, что, желая, чтобы крѣпостные, оставались рабами (Sclaven), онъ разумѣетъ «такое рабство, которое согласуется со справедливостію и христіанствомъ» и затѣмъ дѣлаетъ слѣдующую характеристику желаннаго для него крѣпостнаго права. «Рабъ, какъ я понимаю—это крѣпостной, который принадлежитъ своему господину, не можетъ покинуть этого послѣдняго безъ его согласія; господинъ же можетъ продать его другому какъ съ землею, такъ и безъ нея, и наказывать его за провинности—воровство, неисполненіе работы и т. п.; это право господинъ или унаслѣдовалъ отъ своихъ предковъ, или купилъ самъ, и оно должно основываться на твердыхъ и несомнѣнныхъ привилегіяхъ. Если же владѣлецъ злоупотребляетъ этимъ правомъ, то крестьянинъ можетъ жаловаться, и тотъ будетъ наказанъ правительственными властями». Умный господинъ, если онъ притомъ истинный христіанинъ, не будетъ обижать своихъ крѣпостныхъ, но такъ какъ не всѣ хорошо обходятся съ крестьянами, а нѣкоторые «относятся къ нимъ какъ къ безсловеснымъ жи-

вотнымъ, чрезмѣрно обременяютъ ихъ работою, безъ причины бьютъ и тиранятъ», то «нужно, чтобы государь ограничилъ произволъ помѣщиковъ и велѣлъ въ каждой провинціи, съ помощію умныхъ и хорошо знающихъ хозяйство людей, точно опредѣлить, сколько крестьянинъ—владѣлецъ двора, долженъ работать или платить оброка, смотря по количеству земли и числу батраковъ». Такой «экономическій регламентъ» долженъ служить общимъ уставомъ для всѣхъ сельскихъ хозяевъ, и если господинъ нарушитъ его, то долженъ подвергнуться денежному штрафу и вознаградить убытки, причиненные имъ крестьянину; если же послѣдній принесетъ несправедливую жалобу, то, въ примѣръ прочимъ, его слѣдуетъ наказать розгами и, кромѣ того, господинъ можетъ лишить его земли и сдѣлать батракомъ другого хозяина, точно также какъ и въ томъ случаѣ, если уличитъ его въ воровствѣ въ помѣщичьей ригѣ, амбарѣ или въ полѣ.

Таковы взгляды лифляндца, отнюдь неповиннаго въ либерализмѣ; его сочиненіе можетъ показать намъ, насколько бар. Шульцъ былъ выше своихъ сотоварищей-помѣщиковъ. Тогда какъ онъ установилъ, что крестьянина нельзя продавать безъ земли, авторъ разбираемаго сочиненія дозволяетъ это; крестьянину дано право жаловаться, но подъ угрозою такихъ страшныхъ для него наказаній, если жалоба будетъ признана неосновательною (нетолько тѣлесное наказаніе, но и лишеніе земли и отдача въ батраки), что, можно смѣло сказать, при такихъ условіяхъ никто въ Лифляндіи не рѣшился бы жаловаться на господина, тяжелымъ опытомъ убѣдившись, какъ трудно ему доказать справедливость своего заявленія. Помѣщикъ же, даже изобличенный въ различныхъ истязаніяхъ, долженъ былъ, по проэкту автора, подвергнуться только денежному штрафу. Единственное, дѣйствительно полезное для крестьянина требованіе (опредѣленіе размѣра повинностей въ Лифляндіи, поземельныя отношенія которой весьма нравятся автору) могло быть выполнено безъ помощи его «умныхъ и знающихъ людей», стоило только потребовать примѣненія шведскихъ вакенбуховъ, составленныхъ на основаніи внимательно произведеннаго кадастра; но авторъ очевидно надѣялся, что его «умные и знающіе люди», т. е. помѣщики, постановятъ болѣе выгодныя для дворянъ правила.

Затѣмъ, авторъ переходитъ къ опроверженію возраженій противъ рабства (Sclaverey). Говорятъ, что рабство противорѣчитъ естественной свободѣ и равенству людей, но вѣдь и то, и другое уничтожается при первомъ установленіи общественной жизни. Важнѣе, по его мнѣнію, другое возраженіе, что рабство противорѣчитъ основнымъ началамъ христіанства. Авторъ признаетъ,

что, дѣйствительно, нельзя свободнаго человѣка сдѣлать рабомъ, но крѣпостной—дѣло другое: онъ уже родился въ рабствѣ. «Его не лишаютъ свободы, а только оставляютъ въ томъ состояніи, въ какомъ онъ родился; по правиламъ же христіанства каждый долженъ быть доволенъ положеніемъ, назначеннымъ ему божественнымъ промысломъ». Слѣдовательно, рабъ долженъ охотно повиноваться своему господину и можетъ желать только того, чтобы положеніе его было сдѣлано настолько споснымъ, сколько позволяютъ обстоятельства. На основаніи священнаго писанія, нельзя доказать, что всякое рабство противно религіи, скорѣе можно убѣдиться въ противоположномъ. Еслибы всякое безъ исключенія рабство было грѣхомъ, то какимъ образомъ Богъ позволилъ бы еврейскому народу держать рабовъ; а тѣмъ паче апостолы не предписали бы господамъ и рабамъ правилъ объ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, а между тѣмъ, мы видимъ это, напримѣръ, въ посланіяхъ Павла къ жителямъ Ефеса.

Говорятъ еще, что рабство вредно потому, что власть помѣщика составляетъ государство въ государствѣ. На это авторъ отвѣчаетъ, что на помѣщика слѣдуетъ смотрѣть, какъ на низшее правительственное учрежденіе, установленное государемъ для наблюденія за трудолюбіемъ и порядкомъ среди крестьянъ и прекращенія всякихъ волненій. Такое устройство «нетолько не вредно для государства, но скорѣе представляетъ единственное и весьма дѣйствительное средство обуздывать толпу неспокойныхъ и грубыхъ крестьянъ [1]. Въ какой странѣ съ крѣпостнымъ сельскимъ населеніемъ, говоритъ авторъ, можно услышать о столькихъ возстаніяхъ и возмущеніяхъ, какъ въ Англіи, гдѣ крестьяне и другіе простые люди, злоупотребляя своею свободою, производятъ страшныя волненія, часто вслѣдствіе какой-нибудь ничтожной причины, напримѣръ, нѣкотораго возвышенія налога на сидръ или небольшаго вздорожанія хлѣба (какъ это произошло еще въ настоящемъ 1767 г.). Развѣ не ясно видно изъ этого, что единственная причина такихъ безпорядковъ въ Англіи — большая свобода крестьянъ?»

Авторъ признаетъ, что рабство не есть необходимое слѣдствіе счастія и благополучія общества, но оно вовсе не составляетъ и признака его упадка и разложенія. Онъ указываетъ на примѣръ могущественной римской имперіи, въ которой, однако, рабство

[1] Это мнѣніе вполнѣ раздѣлялъ императоръ Павелъ; онъ смотрѣлъ на помѣщиковъ, какъ на лучшихъ своихъ полицеймейстеровъ (см. «Русскій Архивъ» 1864 г., стр. 781). Каразинъ также называлъ ихъ наслѣдственными чиновниками («Чт. общ. ист. древ. Росс.» 1861 г., т. III) «Практич. защ. противъ иностранцевъ», стр. 141.

было суровѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь. Крестьяне въ Англіи и Голландіи живутъ въ изобиліи и богатствѣ, но это объясняется благопріятными условіями климата, почвы и т. п.; напротивъ того, въ Швеціи, несмотря на свободу, большинство изъ нихъ бѣдно, и въ Ботніи часто должно питаться древесною корою. Да, наконецъ, и среди англичанъ много бѣдныхъ крестьянъ и людей изъ простого народа, такъ какъ свобода мало помогаетъ при отсутствіи средствъ.

Затѣмъ авторъ переходитъ еще къ одному и, по его мнѣнію, послѣднему возраженію, которое представляетъ одна попытка измѣненія быта крѣпостныхъ крестьянъ. Какъ мы уже упоминали, задача вольнаго экономическаго общества возбудила большое вниманіе въ Европѣ и отвѣты на нее не ограничивались тѣми рукописями или книгами, которыя были присланы въ Петербургъ. Такъ, въ «Альтонскомъ Меркуріи» появилось слѣдующее письмо изъ Гольштиніи отъ 13-го января 1767 года: «Извѣстно, что въ дворянскихъ имѣніяхъ Гольштиніи, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ, все еще существуетъ крѣпостное право, и крестьяне, не имѣющіе никакой собственности, должны работать на землевладѣльцевъ; поэтому задача русскаго экономическаго общества близко касается Гольштиніи и основательный отвѣтъ на нее былъ бы столько же важенъ здѣсь, какъ и тамъ». Такъ какъ, по мнѣнію автора письма, при обсужденіи подобнаго вопроса, ничего не можетъ быть убѣдительнѣе примѣра, то онъ и разсказываетъ, какъ одинъ «патріотъ, другъ человѣчества», очевидно гр. Ранцау-фонъ-Ашбергъ, начиная съ 1739 года, постепенно вводитъ въ своемъ имѣніи наслѣдственную аренду и уничтожаетъ личное рабство, и это сопровождается весьма благодѣтельными результатами.

Авторъ разбираемаго нами отвѣта замѣчаетъ по этому поводу, что онъ ничего не имѣетъ противъ предоставленія земли крестьянамъ въ наслѣдственную аренду, но, даруя имъ навсегда личную свободу, гольштинскій дворянинъ, на котораго было указано, поступаетъ «скорѣе какъ другъ человѣчества, чѣмъ какъ хозяинъ, заботящійся о будущемъ, и что онъ встрѣтитъ болѣе поклонниковъ, чѣмъ послѣдователей». Если же онъ имѣлъ при этомъ въ виду увеличить свои доходы, то, безъ сомнѣнія, избралъ не самыя вѣрныя и удобныя средства: большая разница вести хозяйство съ крѣпостными крестьянами, которыхъ можно принудить работать и противъ ихъ желанія, или со свободными людьми, которыхъ господинъ долженъ просить выполнить то, что они обязаны сдѣлать. Къ тому же, ядовито замѣчаетъ авторъ, еслибы превращать своихъ крестьянъ въ наслѣд-

ственныхъ арендаторовъ было такъ выгодно, то гольштинскіе дворяне давно уже послѣдовали бы примѣру, поданному 28 лѣтъ тому назадъ. Наконецъ, будь такая система и вполнѣ пригодна для Германіи, это еще не значитъ, чтобы она годилась для менѣе населенныхъ странъ, какъ напримѣръ, Прибалтійскаго края, гдѣ крестьяне «лѣнивые и наклонные къ воровству и непослушанію, навѣрное взглянули бы на свободу, какъ на право безнаказанно совершать всевозможныя злодѣйства, и, въ концѣ-концовъ, господа должны были бы терпѣть нужду или даже ежедневно опасаться за свою жизнь и имущество».

Такимъ образомъ, поземельныя отношенія Остзейскаго края, интересы тамошнихъ землевладѣльцевъ стоятъ для автора на первомъ планѣ; по его мнѣнію, все прекрасно въ этой наилучшей изъ странъ, и если что можно допустить, то развѣ одно регулированіе повинностей. Въ заключеніе онъ прямо совѣтуетъ раздѣлить землю, данную въ пользованіе крестьянамъ, на гаки, половины, четверти и восьмую часть гака, какъ это дѣлается въ Эстляндіи и Лифляндіи, опредѣлить самымъ точнымъ образомъ по количеству земли и работниковъ, сколько они должны работать на господина и давать ему сборовъ натурою, и не позволять жить крестьянамъ деревнями, а поселять каждаго на его участкѣ (слѣдовательно, авторъ враждебно относится къ общинному землевладѣнію).

Нѣсколько шире взгляды другого лифляндца, автора отвѣта также неизданнаго (№ 80), къ которому вольное экономическое общество отнеслось чрезвычайно странно. Въ журналѣ засѣданія 12-го марта сказано: «представленная отъ перваго нѣмецкаго комитета къ слушанію въ общемъ собраніи пьеса подъ № 80... хотя нѣсколько была и читана, но по усмотрѣнію, что оная въ конкурсъ вступить не могла, дальнее ея чтеніе оставлено; между тѣмъ, начало этого сочиненія, съ которымъ успѣло познакомиться собраніе, написано очень хорошо, живо затрогиваетъ крестьянскій вопросъ въ Прибалтійскомъ краѣ и, казалось, должно было бы побудить членовъ общества къ дальнѣйшему ознакомленію съ нею. Такимъ постановленіемъ былъ очень удивленъ и нѣмецкій комитетъ, который нашелъ, что это сочиненіе заслуживаетъ общаго вниманія, и въ слѣдующемъ засѣданіи настоялъ, чтобы оно было признано достойнымъ вступить въ конкурсъ. Несмотря на то, когда черезъ нѣсколько дней всѣ конкурсныя пьесы были переданы для новаго разсмотрѣнія особому комитету, отвѣта № 80 въ ихъ числѣ почему-то не оказалось. Быть можетъ, это слѣдуетъ объяснить тѣмъ, что авторъ преимущественно имѣетъ въ виду Остзейскія провинціи, а не рѣшеніе вопроса для всей Россіи.

Въ началѣ своего сочиненія онъ доказываетъ, что крѣпостное право противуестественно, и что только завоеванію оно обязано своимъ происхожденіемъ. Для подтвержденія этой мысли, онъ дѣлаетъ краткій очеркъ исторіи рабства, не забывая упомянуть о нѣкоторыхъ мѣрахъ въ пользу крестьянъ, и въ заключеніе его переходитъ къ установленію крѣпостнаго права въ Прибалтійскомъ краѣ и положенію тамошнихъ крестьянъ. «Ливы и Эсты, говоритъ онъ: были порабощены тѣми, которые ихъ открыли, за то, что они защищали свою родину и свободу и не смѣнили язычества на христіанство тотчасъ же по желанію побѣдителей... а еще дѣлали попытки сбросить съ себя иго рабства. Побѣдители, продолжаетъ авторъ, не имѣли никакого права покорять этихъ несчастныхъ, такъ какъ они не начинали съ ними войны и не подали никакого другого повода къ завоеванію ихъ страны; совершенно неповинные, они подверглись въ эти времена той же участи, какую впослѣдствіи, также безъ всякой вины съ ихъ стороны, испытали мексиканцы. Ихъ страна была открыта, найдена удобною для торговли и потому рѣшено было овладѣть ею и ввести огнемъ и мечемъ христіанство, встрѣтившее сопротивленіе. Таковы основанія правъ первыхъ рыцарей и завоевателей Лифляндіи и Эстляндіи».

Затѣмъ авторъ разсказываетъ уже извѣстные намъ факты: какъ Екатерина, во время путешествія по Прибалтійскому краю, обратила вниманіе на нищету и тяжелое положеніе крѣпостныхъ крестьянъ, упоминаетъ объ извѣстныхъ предложеніяхъ гр. Броуна, приводитъ и отвѣтъ ландтага, относясь къ нему совершенно неодобрительно. Если обдумать то, на чемъ основываютъ свои права лифляндскіе дворяне, говоритъ авторъ, то «нельзя не почувствовать вдвойнѣ бѣдствія крестьянъ и не принять ихъ сторону». Желая доказать, что крѣпостное право производитъ самое вредное дѣйствіе на умственныя способности и нравственное состояніе крѣпостныхъ, онъ опять-таки ссылается на примѣръ прибалтійскихъ крестьянъ. «Крѣпостной приноситъ пользу только своему помѣщику — для государства это мертвый членъ; такъ какъ онъ не имѣетъ собственной земли, то господинъ переселяетъ его, когда найдетъ это для себя выгоднымъ; его барщинныя работы и другія повинности слишкомъ велики и совершенно неопредѣленны; онъ подвергается наказаніямъ, которыя не соразмѣряются ни съ правилами человѣколюбія и религіи, ни съ его проступками. Императорское правительство въ Лифляндіи само признало это». По его предложенію «дворянство сдѣлало кое-что для облегченія положенія крестьянъ, однако, не смягчило крѣпостнаго права; впрочемъ, все-таки, если помѣщики

будутъ поступать согласно со вновь обнародованными постановленіями, то лифляндскій крестьянинъ почувствуетъ нѣкоторое облегченіе».

Отъ этой экскурсіи въ область отношеній, существующихъ въ Прибалтійскомъ краѣ, авторъ переходитъ къ рѣшенію поставленной задачи. Онъ начинаетъ прямо съ того, что «для общества выгоднѣе и полезнѣе, чтобы крестьянинъ получилъ въ собственность и землю, и движимое имущество, чѣмъ только одну движимость.» Право собственности крестьянина должно быть не ограниченно; онъ долженъ имѣть возможность распоряжатся ею по своему усмотрѣнію, даже продавать, лишь бы помѣщикъ получалъ по прежнему свои, опредѣленные правительствомъ, доходы, и чтобы продажа совершалась не чаще, какъ черезъ 30 лѣтъ, такъ какъ въ этотъ срокъ земля можетъ быть улучшена и даже приведена въ цвѣтущее состояніе. Но, подобно всѣмъ другимъ, авторъ и этого отвѣта, требуетъ, чтобы освобожденіе крестьянъ и надѣленіе ихъ собственностью совершалось постепенно, нужно устроить такъ, чтобы дворянство не пострадало: «это важнѣйшее сословіе въ государствѣ должно сохранить извѣстное величіе, блескъ и благосостояніе». Заурядъ съ другими, авторъ тянетъ знакомую уже намъ пѣсню, что крестьянинъ долженъ прежде познать цѣну свободы, такъ какъ быстрое измѣненіе его состоянія развращаетъ раба; нужно, чтобы священники объяснили имъ въ проповѣдяхъ всю цѣну этого благодѣянія и, прежде чѣмъ имъ воспользоваться, крестьяне должны предъявить слѣдующія добродѣтели: прилежаніе, трезвость, умѣнье хорошо вести хозяйство, обработывать землю и воспитывать дѣтей, а также пріобрѣсти извѣстныя знанія въ огородничествѣ, садоводствѣ и скотоводствѣ. Для этого онъ предлагаетъ подвергнуть ихъ трехгодичному испытанію, уменьшивъ въ это время поборы и барщину на помѣщиковъ. Предварительно слѣдуетъ обратить вниманіе на то, хорошую ли землю имѣютъ крестьяне и достаточно ли у нихъ рабочихъ; было бы очень хорошо увеличить число работниковъ въ тѣхъ дворахъ, гдѣ ихъ мало, взявъ оттуда, гдѣ оказывается излишекъ; если же сдѣлать это будетъ неудобно, то нужно произвести надѣлъ землями пропорціонально рабочей силѣ каждаго двора. Двое лучшихъ земледѣльцевъ или староста должны наблюдать за крестьянами и представлять свѣдѣнія о состояніи хозяйства уѣздному комиссару, который, кромѣ того, самъ объѣзжаетъ свой уѣздъ и о результатахъ своихъ наблюденій доноситъ правительству. По истеченіи трехъ лѣтъ, правительство предпринимаетъ общую ревизію съ участіемъ въ этомъ дѣлѣ нѣкоторыхъ опытныхъ хозяевъ и самымъ лучшимъ крестья-

намъ даруетъ свободу и право собственности, при чемъ они приносятъ присягу нетолько императрицѣ, но также и помѣщику въ томъ, что будутъ слушаться его и исполнять свои обязанности. Вмѣстѣ съ тѣмъ, имъ раздаютъ печатныя или письменныя правила о сборахъ и повинностяхъ въ пользу помѣщика, которые должны быть точно опредѣлены правительствомъ. Для составленія устава о повинностяхъ учреждается особая комиссія изъ людей честныхъ и опытныхъ въ хозяйствѣ, которой, прибавляетъ авторъ, будетъ содѣйствовать и ландратская коллегія, забывая, что вопросъ идетъ не объ одной Лифляндіи; составленный ею уставъ печатается на нѣмецкомъ, эстонскомъ и латышскомъ языкахъ.

Тѣмъ крестьянамъ, которые не оказали особенныхъ успѣховъ въ хозяйствѣ, можно дать еще одинъ или два года срока; тѣмъ же, которые подаютъ мало надежды на усовершенствованіе, нужно дать въ помощники сына или опытнаго въ хозяйствѣ батрака, за котораго можно выдать въ замужество и дочь хозяина, если таковая окажется.—И такъ авторъ, наканунѣ дарованія крестьянину свободы, предлагаетъ самымъ безцеремоннымъ образомъ распоряжаться судьбою его дѣтей.

Впрочемъ, онъ желаетъ постановить, чтобы и послѣ освобожденія сыновья хозяевъ только тогда получили право покидать свой округъ, когда въ немъ будетъ достаточно работниковъ. Извѣстно, что въ XIX вѣкѣ, при освобожденіи крестьянъ въ Прибалтійскомъ краѣ, это правило было примѣнено въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, т. е., всѣмъ крестьянамъ запрещено было покидать свой приходъ, а затѣмъ уѣздъ втеченіи извѣстнаго времени. — Таково должно быть ограниченіе свободы личности. Что касается имущественныхъ правъ, то, какъ мы уже упоминали, продать землю крестьянинъ могъ не ранѣе 30-ти лѣтъ; затѣмъ авторъ совѣтуетъ избѣгать раздѣловъ земли на слишкомъ мелкія части. Всего лучше, еслибы дворъ съ землею переходилъ въ наслѣдство старшаго сына, а другія дѣти удовлетворялись бы деньгами въ извѣстные сроки; если же этого нельзя сдѣлать, то слѣдуетъ, по крайней мѣрѣ, держаться того, чтобы гакъ дѣлился не болѣе, какъ на 3 части [1].

Весьма выгодное отличіе разсматриваемаго мнѣнія сравнительно съ предшествующимъ заключается въ томъ, что авторъ не оказывается такимъ врагомъ общинныхъ порядковъ; онъ нетолько

---

[1] Въ гакѣ среднимъ числомъ было 110 дес. пахатной земли, луговъ и выгоновъ. См. «Письма объ освобожденіи крестьянъ Прибалтійскаго края», въ Сельс. Благоустр. 1858 г. № 1 стр. 101—102.

совѣтуетъ, чтобы крестьяне имѣли общинныхъ пастуховъ для скота и птицъ, но даже предлагаетъ дать земледѣльцамъ выгоны и лѣса въ общинное пользованіе, причемъ, однако же, дровяной лѣсъ они должны брать не иначе, какъ съ согласія помѣщика, а строевой даже покупать у него.

Отъ всѣхъ предшествовавшихъ мнѣній это сочиненіе отличается еще тѣмъ, что авторъ не оставляетъ безъ разсмотрѣнія вопросъ о сельскомъ судѣ, но, къ сожалѣнію, рѣшаетъ его въ чисто нѣмецкомъ духѣ. Помѣщику должно быть предоставлено право вотчиннаго суда, но съ тѣмъ, чтобы онъ не лично отправлялъ правосудіе, а чтобы, какъ въ Германіи, были завѣдующіе судомъ — обыкновенно адвокатъ ближайшаго города, судья и 2 засѣдателя изъ крестьянъ, всѣ назначаемые помѣщиками. Судъ этотъ засѣдаетъ въ тѣ времена года, когда удобнѣе для крестьянина, но, въ случаѣ надобности, могутъ быть и экстраординарныя сессіи. Господинъ платитъ завѣдующему судомъ изъ своихъ средствъ, но за то получаетъ судебныя пошлины и штрафы, размѣръ которыхъ долженъ быть опредѣленъ правительствомъ.— Авторъ находитъ, что такое устройство суда будетъ очень удобно въ томъ отношеніи, что крестьяне будутъ судиться членами своего сословія и въ удобное для нихъ время, тогда какъ судопроизводство въ ланд- и орднунгсгерихтахъ производится съ ужасною медленностію, во времена года, неудобныя для крестьянъ, и къ тому же они теряютъ при этомъ много времени на проходъ. Но бѣда въ томъ, что судъ, предложенный авторомъ, находился бы въ совершенной зависимости отъ помѣщика, а между тѣмъ ему должны были подлежать нетолько споры между самими крестьянами, но также дѣла о невнесенныхъ ими сборахъ и неисполненныхъ барщинныхъ работахъ.—Въ случаѣ совершенія крестьяниномъ преступленія, господинъ, по этому проэкту, заключалъ преступника подъ стражу и посылалъ объ немъ письменное донесеніе въ мѣстный ландгерихтъ; относительно же полицейскихъ дѣлъ, деревенскій судъ былъ подчиненъ орднунгсгерихту. Нечего и говорить о томъ, что введеніе у насъ такихъ порядковъ при освобожденіи крестьянъ было бы крайне вредно, такъ какъ оно отняло бы всякую самодѣятельность у крестьянской общины и поставило ее въ сильную зависимость отъ помѣщика.

Въ пользу господина, авторъ предоставляетъ, кромѣ доходовъ съ суда, содержаніе шинковъ, вареніе пива, куреніе вина и сборы за мѣста, на которыхъ поселятся ремесленники. Авторъ не безъ основанія надѣется, что при такомъ устройствѣ доходы помѣщика будутъ все болѣе и болѣе увеличиваться, но онъ полагаетъ, что и благостояніе крестьянъ сильно возрастетъ. Весьма

вѣроятно, что хозяева дворовъ дѣйствительно могли бы разбогатѣть, еслибы правительство установило умѣренные сборы и повинности, но это благосостояніе было бы основано на трудѣ батраковъ, объ устройствѣ участи которыхъ авторъ и не подумалъ. Право каждаго на поземельный надѣлъ — понятіе, недоступное для остзейскаго автора; для него все-таки усовершенствованіе земледѣлія важнѣе улучшенія быта земледѣльцевъ, и потому-то онъ заботится, чтобы крестьянскія хозяйства переходили по возможности нераздѣльно къ старшему сыну.

Оканчивая разборъ нѣмецкихъ отвѣтовъ, мы должны замѣтить, что нѣтъ еще большого несчастія въ томъ, что ихъ авторы совѣтуютъ дать крестьянамъ не полную собственность на землю, а только непрерывное пользованіе ею за извѣстныя повинности; крестьянинъ нашъ до послѣдняго времени не зналъ полной собственности на землю, да и теперь это понятіе для него довольно чуждо. Но бѣда въ томъ, что осуществленіе ихъ проэктовъ влекло за собою ломку общиннаго землевладѣнія, насильственное устройство дворовъ, въ родѣ того, какъ это предлагалъ Елагинъ, и установленіе вотчинной юрисдикціи; къ тому же всѣ эти проэкты проникнуты духомъ крайней регламентаціи. Любопытно, что изъ 3-хъ лифляндскихъ отвѣтовъ получило accessit именно то сочиненіе (фонъ Мека), которое менѣе всего пропитано остзейскими тенденціями, а трудъ подъ № 80 вовсе не попалъ въ число конкурсныхъ, несмотря на то, что онъ не лишенъ нѣкоторыхъ достоинствъ.

Самое интересное для насъ сочиненіе изъ всѣхъ отвѣтовъ на задачу вольнаго экономическаго общества принадлежитъ А. Я. Полѣнову, который 4 года (1762—66) провелъ за границей, посѣщая лекціи по юридическому факультету въ Страсбургѣ и подъ конецъ, весьма непродолжительное время, въ Гёттингенѣ. Прослушавъ всевозможныя юридическія науки, а также лекціи по исторіи Германіи, Полѣновъ долго стремился къ тому, чтобы изучить феодальное право; это доказываетъ, что уже въ то время онъ интересовался крестьянскимъ вопросомъ. Но въ Страсбургѣ это ему не удалось, и только въ Гёттингенѣ, немедленно по пріѣздѣ, онъ сталъ слушать лекціи по этому предмету. Полѣновъ погружался не въ одни тонкости римскаго права и германской казуистики, а интересовался также русскою исторіею и русскимъ законодательствомъ. Онъ писалъ между прочимъ Тауберту: «слѣдуя вашему совѣту, разбираю я (русскіе) указы и уложенія, и кромѣ безпорядка, замѣшательства, недостатка и несправедливости ничего почти не нахожу. Я примѣтилъ столь знатныя въ нашихъ правахъ погрѣшности, что оныя могутъ иногда нанести

великій вредъ и государю, и народу». Это не значитъ, однако, чтобы Полѣновъ желалъ цѣликомъ перенести къ намъ западноевропейскія учрежденія и законы. Онъ вовсе не увлекался стройностію и законченностію римскаго права и совершенно справедливо замѣтилъ въ своемъ мнѣніи о крестьянскомъ вопросѣ: «Всякое государство имѣетъ свое особенное составленіе, погрѣшности и превосходства; и для того почти никогда не случается, чтобы законы и учрежденія такого государства можно было съ пользою приложить къ другому. Введеніе римскихъ правъ во многихъ европейскихъ государствахъ походитъ на чудовище и мы слышимъ ежедневныя жалобы».

Вотъ этотъ-то прекрасно образованный молодой человѣкъ, возвратившись въ Петербургъ въ маѣ 1767 г., къ началу февраля слѣдующаго года, представляетъ въ экономическое общество свой отвѣтъ на поставленную задачу. Намъ уже извѣстенъ отзывъ объ его трудѣ въ коммиссіи, избранной обществомъ: ему повредили «надъ мѣру сильныя выраженія», употребленныя имъ въ защиту дѣла, въ правотѣ котораго онъ былъ глубоко убѣжденъ; они показались «по здѣшнему состоянію неприличными». Когда Полѣнову передали требованіе, чтобы онъ смягчилъ свое сочиненіе, онъ рѣшился этому подчиниться, и, къ счастію, въ архивѣ общества сохранилась эта новая редакція его труда. Она интересна для насъ не столько сама по себѣ (прежняя редакція, напечатанная въ 1865 г. внукомъ автора, покойнымъ Д. В. Полѣновымъ, гораздо полнѣе), сколько по сравненію съ этою послѣднею: сопоставивъ ихъ между собою, мы можемъ съ точностію опредѣлить, что казалось тогда слишкомъ смѣлымъ даже для нашего *вольнаго* общества. Однако, и смягченіе не помогло: трудъ Полѣнова все-таки не былъ тогда напечатанъ. Ему назначена была только, наравнѣ съ фонъ-Мекомъ, медаль въ 12 червонцевъ, которую онъ и принялъ въ засѣданіи 22-го октября 1768 г., «съ засвидѣтельствованіемъ всему собранію искренней своей благодарности за оказанное ему одобреніе», какъ сказано въ журналѣ общества.

Познакомившись съ сочиненіемъ Полѣнова, мы не удивимся, что оно не было напечатано обществомъ, большинство котораго считало опасными даже фразы Беарде. Но намъ кажется крайне страннымъ другое. Императрица предложила экономическому обществу задачу по крестьяскому вопросу несомнѣнно для того, чтобы научнымъ путемъ уяснить для себя и для всего высшаго сословія наиболѣе подходящее рѣшеніе этого вопроса; поэтому она не могла не ознакомиться съ сочиненіемъ Полѣнова, о которомъ она, конечно, узнала, такъ какъ авторъ его получилъ медаль и потому, что въ

*

разбиравшей его комиссіи участвовалъ Таубертъ, библіотекарь императрицы, который весьма благосклонно относился къ Полѣнову. Если же она познакомилась съ его трудомъ (а не прочесть его было бы по меньшей мѣрѣ страннымъ), то удивительно что она нетолько не повліяла на избраніе его въ академію (не болѣе «вольную», конечно, чѣмъ экономическое общество) [1], но и не съумѣла употребить его способности съ бо́льшею пользою. Даже Таубертъ понималъ, что знанія Полѣнова должны были пригодиться, и писалъ ему за-границу, что онъ можетъ современемъ участвовать въ великомъ дѣлѣ, предпринятомъ государынею—составленіи новыхъ законовъ. Но для Полѣнова не нашлось дѣла ни въ академіи, ни въ комиссіи для сочиненія новаго уложенія [2], и даже впослѣдствіи при Екатеринѣ онъ долженъ былъ тянуть чиновничью лямку секретаря, а потомъ оберъ-секретаря при сенатѣ и только въ 1796 г. попалъ на службу въ комиссію о составленіи законовъ россійской имперіи [3].

Указавъ въ самомъ началѣ своего труда на то, что наши крестьяне «въ своемъ имѣніи не вольны» или, какъ онъ выразился въ смягченной редакціи: «владѣніе ихъ надъ имѣніемъ не имѣетъ твердыхъ основаній», авторъ переходитъ къ разсмотрѣнію важныхъ преимуществъ собственности. Онъ полагаетъ, что «собственность въ движимомъ и недвижимомъ имѣніи» составляетъ единственный способъ «къ ободренію и поправленію крестьянства, *которое, впрочемъ, лишено всѣхъ съ правами собственности соединенныхъ выгодъ и преимуществъ*» [4]. Крестьянинъ-собственникъ лучше обработываетъ землю, поэтому онъ зажиточнѣе и охотнѣе вступаетъ въ бракъ; подати будутъ поступать исправнѣе и вообще будутъ возрастать государственные доходы. Напротивъ того, лишеніе правъ собственности производитъ самыя печальныя послѣдствія: такіе люди дѣлаются совершенно нерадивыми, дурно ѣдятъ и одѣваются, ихъ жизнь непродолжительна, а слѣдовательно народонаселеніе мало увеличивается. Наконецъ, «*не безъ причины*», говоритъ авторъ, «*многіе славные люди утверждаютъ, что конечное угнетеніе не только вредно для общества, но и опасно*», и затѣмъ указываетъ на возстаніе илотовъ, на

[1] Академики негодовали на него за рѣзкое письмо въ отвѣтъ на замѣчаніе, что онъ теряетъ слишкомъ много времени на слушаніе лекцій по исторіи Германіи, въ которомъ онъ справедливо доказывалъ необходимость историческихъ знаній для юриста.

[2] Вѣдь былъ же тамъ юристконсультомъ какой-то французъ Дювильеръ, который давалъ свои заключенія и по крестьянскому вопросу.

[3] Біографія А. Я. Полѣнова, сост. Д. В. Полѣновымъ напечатана въ Русс. Арх. 1865 г., стр. 445—470, 703—736.

[4] Мѣстъ, напечатанныхъ курсивомъ, нѣтъ въ смягченной редакціи.

рабскую войну въ Италіи, которая принесла большой вредъ римскому государству и, наконецъ, Польша во время казацкихъ возстаній «великій уронъ отъ крестьянъ притѣсненныхъ претерпѣла» (всѣхъ этихъ примѣровъ нѣтъ въ смягченной редакціи). Происхожденіе рабства, по мнѣнію автора, можно объяснить только «насильственнымъ дѣйствіемъ войны», такъ какъ совершенно противно естественному стремленію къ свободѣ, чтобы люди добровольно «*подвергнули бы себя столь жестокому жребію*». Результаты «жестокаго права войны» сохранились еще до сихъ поръ, говоритъ авторъ, и затѣмъ переходитъ къ описанію положенія крѣпостныхъ крестьянъ въ Россіи. Ихъ «бѣдственное состояніе на такой степень взошло, что они, лишившись всѣхъ почти, такъ сказать, приличныхъ человѣку качествъ, не могутъ уже видѣть величину своего несчастія и кажутся быть отягчены вѣчнымъ сномъ... Я не нахожу бѣднѣйшихъ людей, продолжаетъ авторъ:—какъ нашихъ крестьянъ, которые, не имѣя ни малой отъ законовъ защиты, подвержены всевозможнымъ, нетолько въ разсужденіи имѣнія, но и самой жизни обидамъ, и претерпѣваютъ безпрестанныя наглости, истязанія и насильства, отъ чего неотмѣнно должны они опуститься и придти въ сіе преисполненное бѣдствій, какъ для ихъ самихъ, такъ и для всего общества, состояніе, въ которомъ мы ихъ теперь дѣйствительно видимъ». Но, большинство современниковъ было глухо къ такимъ доводамъ, и Полѣнову пришлось въ смягченной редакціи исключить всю эту тираду въ защиту крестьянъ, приведенную нами лишь въ извлеченіи. Исключено и слѣдующее мѣсто: «наши крестьяне печальнымъ своимъ примѣромъ могутъ доказать, сколь пагубно конечное угнетеніе людей. И такъ, прежде всего должно помышлять, чтобы для славы народа и пользы общества вывесть производимый человѣческою кровью безчестный торгъ» [1].

Затѣмъ авторъ переходитъ къ изложенію предлагаемыхъ имъ средствъ для улучшенія быта крестьянъ и прежде всего говоритъ «о учрежденіи крестьянскаго воспитанія». Напрасно нѣкоторые думаютъ, что лучшее средство удержать крестьянина отъ пороковъ состоитъ въ «строгости, *принужденіи и казняхъ*», гораздо дѣйствительнѣе тутъ воспитаніе, которое можетъ «преобразить всякаго человѣка, *какого бы состоянія онъ ни былъ*».

[1] Сказанное далѣе сохранилось и въ смягченной редакціи. «Мы въ семъ случаѣ не дѣлаемъ ни малой разницы между неодушевленными вещами и человѣкомъ и продаемъ нашихъ ближнихъ, какъ кусокъ дерева», но заключеніе этой фразы: «*и больше жалѣемъ нашъ скотъ, нежели людей*», замѣнено словами: «хотя сіе по истинѣ сказать безчестно для народа и вредно для общества», которыя представляютъ замѣну всего исключеннаго мѣста.

Для этого авторъ совѣтуетъ вездѣ учредить школы, обязать крестьянъ зимою посылать туда дѣтей, начиная съ десятилѣтняго возраста, издать книги для обученія и чтенія и поручить преподаванiе священникамъ и дьячкамъ. Онъ желаетъ также, чтобы въ деревняхъ завели лекарей и обученныхъ повивальныхъ бабокъ.

Переходя къ разсмотрѣнію того, какимъ имѣніемъ должны владѣть крестьяне, и начиная съ недвижимой собственности, авторъ въ высшей степени разумно предостерегаетъ отъ слѣпого подражанія западу въ этомъ отношеніи, несмотря на то, что ему, какъ человѣку, получившему тамъ высшее образованіе, было бы весьма легко сдѣлаться безусловнымъ западникомъ. «Примѣры съ другихъ брать здѣсь не нужно, говоритъ онъ: но единственно должно утверждаться на здравомъ разсужденіи и на правилѣ человѣколюбія, не упущая притомъ никогда изъ глазъ общенародную пользу», и указываетъ на вредъ отъ введенія въ западной Европѣ римскаго права. (Все это исключено въ неизданной редакціи). Но, какъ мы сейчасъ увидимъ, Полѣновъ не вполнѣ избѣжалъ того недостатка, отъ котораго считалъ необходимымъ предостеречь.

Онъ требуетъ, чтобы крестьянину было предоставлено довольно земли для хлѣбопашества и скотоводства [1], и чтобы она находилась въ его наслѣдственномъ владѣніи: помѣщикъ не можетъ отнять ея до тѣхъ поръ, пока крестьянинъ будетъ исправно отбывать повинности, въ противномъ случаѣ, онъ можетъ передать ее другому, но не иначе, какъ по разсмотрѣніи дѣла въ судѣ. Далѣе Полѣновъ предлагаетъ, чтобы крестьянину нетолько не дозволялось продавать, дарить и закладывать свой участокъ, но даже и раздѣлять его между нѣсколькими дѣтьми; по смерти отца имъ непремѣнно долженъ владѣть одинъ изъ сыновей. Послѣднее совершенно противорѣчитъ русскимъ народнымъ обычаямъ, и Полѣновъ сдѣлалъ это предложеніе, очевидно, подъ вліяніемъ западныхъ идей, хотя отъ этого его могла бы предостеречь неудачная попытка Петра Великаго ввести у насъ майораты. Точно также вліяніе западныхъ ученій сказывается въ предложеніи наивныхъ средствъ для поощренія браковъ въ родѣ того, чтобы «женатымъ имѣть предсѣданіе предъ холостыми». Гораздо важнѣе и полезнѣе то, что онъ требуетъ ограниченія продажи крѣпостныхъ. Онъ предлагаетъ: «торгъ людьми по одиночкѣ вовсе запретить, и ни мало не смотрѣть, какія бы кто ни представлялъ причины; довольно, что благосо-

---

[1] Всѣ лѣса, какъ видно и изъ другого мѣста его мнѣнія, Полѣновъ предполагаетъ оставить помѣщику. Понятно, что нужда въ топливѣ поставила бы въ такомъ случаѣ крестьянина въ большую зависимость отъ господина.

стояніе общества того требуетъ, и собственная малаго числа людей польза, ежели можно то назвать пользою, что къ собственному ихъ вреду клонится, не должна быть принимаема въ разсужденіе». Онъ не соглашается и на продажу цѣлыми семьями, а желаетъ, чтобы крестьянъ вовсе не продавали безъ земли: «я не разумѣю здѣсь, продолжаетъ онъ:—конечное запрещеніе, но кто намѣренъ продавать, тотъ долженъ продавать все вмѣстѣ, и землю, и людей, а не разлучать родителей съ дѣтьми, братьевъ съ сестрами, сродниковъ со сродниками; ибо, умалчивая о прочихъ несходствахъ, отъ продажи порознь переводится сильно народъ и земледѣліе приходитъ въ великій упадокъ» [1].

Предлагая дать крестьянамъ землю въ наслѣдственное владѣніе, авторъ считаетъ точно также необходимымъ оградить право собственности ихъ и на движимое имѣніе, состоящее преимущественно въ хлѣбѣ и скотѣ. Онъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что первоначальная ссуда этими предметами отъ помѣщика не можетъ служить основаніемъ къ тому, чтобы все движимое имущество крестьянина вѣчно считалось собственностію помѣщика. «Положимъ, говоритъ Полѣновъ: — что на первый разъ получаютъ они всѣ сіи вещи отъ щедрости другихъ... однакожъ, изъ сего не слѣдуетъ, что благодѣтели ихъ, по причинѣ сей щедрости, могли себѣ присвоить полное право надъ нажитымъ ихъ трудами имѣніемъ; довольно, ежели крестьянинъ въ знакъ своей благодарности платитъ ежегодно своему господину уложенную долю, что̀ исчисливъ, безконечно больше стоитъ, нежели что ему дано; и такъ, напослѣдокъ, не крестьянинъ, но господинъ остается должникомъ и вслѣдствіе сего при несчастіи обязанъ онъ помогать крестьянину» [2]. Правосудіе должно защищать право собственности крестьянъ на движимое имущество. «Напротивъ, ежели господину оставлена будетъ надъ какимъ-нибудь родомъ имѣнія полная власть, то крестьянство никогда не можетъ подняться; опасность конечнаго раззоренія воспретитъ ему искать въ судѣ помощи и, служа жертвою безпрестаннымъ гоненіямъ и истязаніямъ, всегда будетъ находиться въ упадкѣ».

Передача земли крестьянамъ въ наслѣдственное пользованіе связывалась, по проэкту Полѣнова, съ точнымъ опредѣленіемъ размѣра сборовъ и повинностей; къ сожалѣнію, онъ говоритъ нераздѣльно объ сборахъ въ пользу землевладѣльца и о государственныхъ податяхъ, и потому это мѣсто не совершенно ясно. Въ неизданной редакціи онъ предлагаетъ, для того, чтобы принудить крестьянъ усерднѣе заниматься земледѣліемъ, собирать

[1] Привожу это мѣсто изъ неизданной редакціи.
[2] Всего этого мѣста нѣтъ въ неизданной, смягченной редакціи.

подати и сборы въ пользу помѣщика хлѣбомъ или по оцѣнкѣ деньгами, смотря потому, насколько положеніе каждой провинціи удобно для сбыта ея произведеній. «Количество сбираемыхъ натурою податей не должно быть такъ увеличено, чтобы крестьянамъ приходить отъ того въ бѣдность, но уставить десятую или другую какую часть со всѣхъ отъ земледѣлія происходящихъ плодовъ». Другими словами, авторъ требуетъ, чтобы, какъ въ пользу государства, такъ и на помѣщика собирался опредѣленный процентъ съ валового сбора земледѣльческихъ продуктовъ; не ясно только, должна ли взиматься съ крестьянина всего на все одна десятая часть сбора, или по стольку онъ долженъ давать отдѣльно и помѣщику, и казнѣ. Относительно землевладѣльца, этимъ не ограничиваются обязанности крестьянина: Полѣновъ предлагаетъ возложить на него еще небольшую барщину, напримѣръ, по одному дню въ недѣлю. Отпускать крестьянъ на оброкъ онъ считаетъ вообще вреднымъ, и потому совѣтуетъ отъ этого удерживаться. Точное опредѣленіе повинностей въ пользу помѣщиковъ необходимо «для прекращенія грабительства и раззоренія»; это «немало защититъ крестьянъ отъ наглостей ихъ помѣщиковъ, которые ихъ безъ взякой пощады и милосердія мучаютъ, отнимая все то, что имъ на глаза попадется и чрезъ то приводятъ въ несказанную бѣдность, отъ которой они никогда не въ состояніи избавиться». Нечего и прибавлять, что это мѣсто исключено въ смягченной редакціи.

Полѣновъ не оставилъ безъ разсмотрѣнія и вопроса о сельскомъ судѣ. Въ подробной редакціи онъ предлагаетъ, чтобъ этотъ судъ состоялъ изъ старосты и еще трехъ или четырехъ человѣкъ, которые всѣ должны быть избраны крестьянами и и утверждены помѣщиками; они должны разбирать словесныя обиды, драки, небольшія тяжбы и проч. Болѣе важныя ссоры между ними, а также несогласія ихъ съ господиномъ подлежатъ вѣдѣнію высшихъ крестьянскихъ судовъ, во главѣ которыхъ должны стоять люди, хорошо знающіе законы, а для апелляціи на нихъ слѣдуетъ учредить земскіе суды изъ окружныхъ дворянъ, гдѣ, въ качествѣ юрисконсультовъ, засѣдаютъ и опытные законовѣды. Дѣла уголовныя должны быть изъяты изъ вѣдѣнія всѣхъ этихъ судовъ. Въ неизданной редакціи весь отдѣлъ о судѣ изложенъ нѣсколько иначе. Выборные изъ крестьянъ судьи рѣшаютъ дѣло и опредѣляютъ наказаніе уже послѣ того, какъ оно разобрано самимъ помѣщикомъ или управителемъ. «Въ случаѣ несносныхъ обидъ, раззореній и мучительствъ отъ безчеловѣчныхъ помѣщиковъ или ихъ управителей, быть выбранному отъ дворянства каждой провинціи земскому судьѣ, которому, объѣз-

жая дважды въ году въ назначенное время свою провинцію, разбирать и рѣшить такія дѣла, приглася ближнихъ изъ сосѣдства дворянъ не по формѣ суда, но по натуральной справедливости. О чемъ для такихъ судей сочинить краткіе наказы.» Такимъ образомъ дѣла между крестьянами, и то по неизданной редакціи не вполнѣ, предоставлялись вѣденію крестьянскихъ судей; что же касается притѣсненій отъ помѣщиковъ, то хотя Полѣновъ и давалъ крѣпостнымъ крестьянамъ право жаловаться на господина, но рѣшеніе по жалобамъ предоставлялъ въ концѣ концовъ мѣстнымъ дворянамъ, у которыхъ крестьянинъ, конечно, не могъ бы найти удовлетворенія.

Намъ часто приходилось жалѣть о томъ, что Полѣновъ долженъ былъ выпустить въ сокращенной редакціи самыя сильныя мѣста своего мнѣнія; но оно несомнѣнно только выиграло отъ исключенія вступительныхъ словъ къ послѣднему отдѣлу его труда, въ которомъ онъ говоритъ о предосторожностяхъ, необходимыхъ, по его мнѣнію, при измѣненіи быта крестьянъ. Тутъ онъ указываетъ на опасность слишкомъ быстрой перемѣны, такъ какъ «многими примѣрами уже подтверждено, сколь далеко въ подобныхъ случаяхъ простирается неистовство подлаго народа». Все это выпущено въ сокращенной редакціи, но сущность дѣла осталась таже: Полѣновъ думаетъ, что не слѣдуетъ принуждать дворянство къ улучшенію быта крѣпостныхъ, а нужно дѣйствовать на нихъ примѣромъ, начавши реформы съ дворцовыхъ имѣній, въ краткой же редакціи онъ, кромѣ того, предлагаетъ награждать тѣхъ дворянъ, которые введутъ у себя рекомендуемыя имъ мѣры, другими словами — откладываетъ дѣло въ долгій ящикъ. Ссылка Полѣнова на дворцовыхъ крестьянъ довольно неудачна, такъ какъ въ это время почти всѣ они были уже освобождены отъ барщины, платили умѣренный оброкъ и вообще жили гораздо лучше крѣпостныхъ, но между тѣмъ это вовсе не отзывалось благотворнымъ образомъ на положеніи помѣщичьихъ крестьянъ.

Въ заключеніе упомянемъ, что Полѣновъ еще предлагалъ дозволить богатымъ крестьянамъ, подъ извѣстными условіями, записываться въ мѣщанство, заплативъ государю или господину что будетъ назначено по закону за каждую душу, которую онъ выведетъ съ собою изъ деревни [1].

Изъ подробнаго обзора мнѣнія Полѣнова видно, что всего болѣе оно интересно для насъ тѣми мѣрами, которыя онъ предлагаетъ для ограниченія крѣпостного права и тѣми «надъ мѣру силь-

[1] Подробная редакція мнѣнія Полѣнова помѣщена въ «Русскомъ Архивѣ», 1865 года, № 3-й. Сокращенная хранится въ архивѣ вольн. эконом. общ.

ными выраженіями», которыми онъ бичевалъ тогдашнихъ землевладѣльцевъ. Что касается положительныхъ требованій, то ему далеко было до идей, подобныхъ тѣмъ, какія были высказаны Грасленомъ: онъ настаивалъ только на предоставленіи крестьянамъ земли въ наслѣдственное пользованіе. Въ его сочиненіи много весьма здравыхъ и полезныхъ мыслей, напримѣръ, о необходимости школъ, о прекращеніи продажи людей въ розницу, объ огражденіи отъ произвола помѣщика движимаго имущества крестьянина, о точномъ опредѣленіи размѣровъ его повинностей, о предоставленіи права выкупаться за опредѣленную сумму. Но въ немъ есть два важные недостатка, которые происходятъ отчасти отъ малаго знакомства автора съ русскою жизнію, отчасти вслѣдствіе подражанія западнымъ образцамъ. Первый недостатокъ заключается въ томъ, что авторъ совершенно игнорируетъ наше общинное землевладѣніе; въ то время, какъ даже одинъ изъ лифляндцевъ (см. мнѣніе № 80) совѣтуетъ дать выгоны и лѣса въ общинное пользованіе крестьянъ, Полѣновъ совѣтуетъ надѣлить землю каждому двору отдѣльно и стоитъ за переходъ этого участка въ нераздѣльномъ видѣ къ одному изъ наслѣдниковъ. Другой важный недостатокъ его мнѣнія — что онъ ставилъ измѣненіе быта крестьянъ въ зависимость отъ самихъ помѣщиковъ. Если на Западѣ, при существованіи обломковъ феодальнаго права, правительству было труднѣе рѣшить крестьянскій вопросъ, то у насъ, гдѣ дворянство имѣло чисто служилое значеніе, можно было бы, кажется, послѣ того какъ обязательная служба высшаго сословія была уничтожена, требовать возведенія въ законъ мѣръ ограниченія крѣпостного права, предложенныхъ Полѣновымъ, тѣмъ болѣе, что тутъ дѣло шло не объ освобожденіи крестьянъ, а только о предоставленіи имъ земли въ наслѣдственное пользованіе. Но за этотъ недостатокъ смѣлости трудно обвинять Полѣнова: его мнѣніе показалось опаснымъ и не было напечатано даже и въ совершенно искалѣченномъ видѣ.

VI.

Крестьянскій вопросъ въ комиссіи для сочиненія новаго уложенія.—Депутаты всѣхъ сословій, кромѣ черносошныхъ крестьянъ, требуютъ разрѣшенія владѣть крѣпостными. — Предложенія объ ограниченіи помѣщичьей власти. — Мнѣніе Коробьина и вызванныя имъ пренія; доводы за и противъ измѣненія быта крестьянъ.—Какія мѣры въ пользу крѣпостныхъ считали необходимыми депутаты либеральной партіи.

Теоретическая разработка крестьянскаго вопроса въ отвѣтахъ на задачу вольнаго экономическаго общества должна была, по всей вѣроятности, служить подготовкою къ его рѣшенію въ ко-

миссіи для составленія проэкта новаго уложенія; но эта цѣль не была достигнута уже потому, что, когда начались самыя оживленныя пренія въ комиссіи относительно крѣпостного права, экономическое общество еще не рѣшило, печатать или нѣтъ русскій переводъ сочиненія, заслужившаго премію, не были отпечатаны даже въ подлинникѣ какъ это сочиненіе, такъ и тѣ, которыя получили accessit. Но еслибы эти труды и появлялись уже въ печати, то они были бы доступны только незначительному меньшинству депутатовъ, вслѣдствіе крайне недостаточнаго распространенія знанія иностранныхъ языковъ; даже переведенные и прочитанные депутатами, они все-таки едва ли оказали бы значительное вліяніе вслѣдствіе своей совершенной непримѣнимости къ русской жизни; мы видѣли, что, къ несчастію, самое лучшее изъ иностранныхъ сочиненій, именно трудъ Граслена, было наиболѣе отвлеченное. Вполнѣ понятно, что для русскаго общества самымъ вліятельнымъ изъ всѣхъ разсмотрѣнныхъ нами сочиненій могла быть только работа Полѣнова, но изъ опасенія этого вліянія экономическое общество и положило ее подъ спудъ. Нельзя, подивиться, что ни императрица, ни либеральные члены общества не настояли на ея напечатаніи; правда, большинство изъ нихъ отсутствовало въ томъ засѣданіи, гдѣ разсматривался этотъ вопросъ, но принятое рѣшеніе могло быть измѣнено, какъ и относительно напечатанія труда Беарде. Очень можетъ быть, что императрица не желала полнаго раскрытія нашей внутренней язвы не столько изъ опасенія раздражить русскихъ крѣпостниковъ, сколько не желая, чтобы эти разоблаченія могли дойти до свѣденія Европы, тѣмъ болѣе, что какъ разъ въ это время въ изданномъ по-французски опроверженіи на книгу аббата Шаппа, она весьма розовыми красками рисовала бытъ нашихъ крѣпостныхъ крестьянъ и доказывала, что ихъ положеніе несравненно лучше, чѣмъ бытъ народа въ западной Европѣ. А между тѣмъ своевременное публикованіе такого сочиненія въ неизуродованномъ видѣ, какъ разсужденіе Полѣнова, было бы весьма небезполезно для членовъ той комиссіи, въ которой почти изъ всѣхъ сословій прежде всего раздалось требованіе не объ освобожденіи крѣпостныхъ, а о распространеніи и на другія сословія права владѣть ими. Дѣйствительно, депутаты всѣхъ сословій требовали, чтобъ это право не составляло привилегіи одного дворянства.

Начнемъ обзоръ этихъ требованій съ купечества, при чемъ ограничимся только тѣми заявленіями депутатовъ этого сословія, въ которыхъ были выражены желанія владѣть людьми на крѣпостномъ правѣ, такъ какъ преній о правѣ поссессіонномъ мы касались въ другомъ мѣстѣ. Тутъ всего интереснѣе для насъ

мнѣніе депутата отъ города Яранска (Казанской Губерніи), Антонова, такъ какъ оно представляетъ выраженіе не его единичнаго только желанія: къ нему присоединились въ этомъ случаѣ депутаты еще другихъ 16-ти городовъ, разбросанныхъ по всѣмъ концамъ Россіи. По его словамъ, купцамъ необходило владѣть крѣпостными; теперь они принуждены нанимать крестьянъ различныхъ вѣдомствъ, но желающихъ оказывается немного, а если кто вслѣдствіе крайней нужды и наймется къ купцу, то сплошь и рядомъ, забравъ нѣсколько денегъ впередъ, убѣгаетъ отъ хозяевъ ранѣе срока; точно также въ то время, когда эти люди живутъ на мѣстѣ, они дѣлаютъ всякія своевольства и причиняютъ хозяевамъ много хлопотъ. Однимъ словомъ, на такихъ наймитовъ купцы ни въ чемъ не могутъ положиться, не могутъ отправить съ ними товаръ или деньги. Антоновъ придумалъ, между прочимъ, такой способъ имѣть даровыхъ работниковъ: онъ просилъ, чтобы, вмѣстѣ съ запрещеніемъ малолѣтнимъ сиротамъ изъ купечества просить милостыню, было позволено тѣмъ, кто возьметъ ихъ на прокормленіе, удерживать ихъ у себя до совершеннолѣтія съ тѣмъ, чтобы они были обязаны работать на своихъ воспитателей, начиная съ 15-ти-лѣтняго возраста. Депутатъ города Серпейска, Глинковъ, съ мнѣніемъ котораго также согласились представители нѣсколькихъ городовъ, заявилъ, что «для распространенія коммерціи и исправности торговъ», полезно было бы дозволить купечеству первой гильдіи покупать крѣпостныхъ работниковъ въ количествѣ отъ трехъ до пяти душъ.

Депутатъ отъ однодворцевъ Елецкой провинціи, Давыдовъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими однодворческими депутатами, соглашался съ тѣмъ, что купечеству необходимо владѣть дворовыми, такъ какъ «изъ этого вреда никому не предусматривается», и предлагалъ, чтобы комиссія опредѣлила, по скольку людей они могутъ имѣть, но зато въ депутатахъ другихъ сословій, и особенно дворянства, притязанія купечества встрѣтили весьма энергическій отпоръ. Всѣхъ подробнѣе говорилъ противъ этого князь М. М. Щербатовъ: пріобрѣтеніе купцами крѣпостныхъ работниковъ лишитъ заработка бѣдныхъ людей изъ ихъ собственнаго сословія, крестьянамъ будетъ тяжелѣе служить тѣмъ, «которыхъ они недавно видѣли себѣ равными» (въ глазахъ Щербатова всѣ недворяне были людьми *подлаго* происхожденія), наконецъ, на вольнаго человѣка можно положиться столько же, если не болѣе, чѣмъ на крѣпостного. Депутатъ отъ дворянъ Кромскаго Уѣзда, Похвисневъ, сходясь во многихъ доводахъ по этому вопросу съ княземъ Щербатовымъ, между прочимъ, сказалъ, что отъ покупки купцами крѣпостныхъ можетъ ослабѣть торговля, такъ какъ раз-

богатѣвшій купецъ, вмѣсто того, чтобы расширять свое прежнее дѣло, пріобрѣтетъ деревни, начнетъ жить получаемыми съ нихъ доходами и сдѣлается «безполезнымъ и даже тягостнымъ членомъ общества»; говоря это, онъ не замѣтилъ, что приподнесъ неособенно пріятный комплиментъ дворянамъ [1].

Духовенство не имѣло своихъ представителей въ комиссіи уложенія и единственнымъ духовнымъ членомъ ея былъ депутатъ отъ синода, слѣдовательно, представитель учрежденія, а не сословія; несмотря на то, въ данномъ ему наказѣ, мы встрѣчаемся съ требованіемъ дать духовенству право владѣть крѣпостными. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что подобное требованіе мы находимъ и въ нѣкоторыхъ наказахъ отъ городовъ [2].

Приказные служители, по неимѣнію отъ нихъ депутатовъ, не могли сами заявить желаніе владѣть крѣпостными, но за нихъ замолвилъ слово уже извѣстный намъ представитель города Яранска, Антоновъ, сказавъ, что они терпятъ большія затрудненія вслѣдствіе запрещенія (въ 1758 г.) приказнымъ служителямъ, неимѣющимъ права владѣть недвижимыми имѣніями, писать крѣпости на дворовыхъ людей и крестьянъ безъ земли. Антоновъ ходатайствовалъ, чтобы имъ разрѣшено было для домашнихъ услугъ покупать дворовыхъ людей.

Сибирскіе служилые люди, извѣстные подъ названіемъ сибирскихъ дворянъ, просили о томъ, чтобы ихъ сдѣлали потомственными дворянами, надѣлили землю и дали право покупать людей; на это кн. Щербатовъ замѣтилъ, что сибирскіе дворяне и дѣти боярскія только по имени сходны съ русскими дворянами, что это «не есть состояніе, но чинъ», и что ихъ служба, ограничивающаяся только сборомъ ясака, храненіемъ соли, конвоированіемъ казенныхъ денегъ и т. п., не стоитъ награжденія потомственнымъ дворянствомъ [3]. Сибирскіе казаки, которые повышались за служебныя заслуги въ чинъ дѣтей боярскихъ и дворянъ, въ лицѣ своего депутата Анциферова, также какъ и представители Донскаго, Чугуевскаго и Уфимскаго казацкихъ войскъ, ходатайствовали, чтобы казацкому старшинѣ дозволено было покупать дворовыхъ людей и крестьянъ [4].

Однодворцы, хотя часть ихъ владѣла крестьянами, которыхъ они могли продавать членамъ своего сословія, желали имѣть

---

[1] Сб. Истор. Общ. VIII, 76—79, 86, 87, 94, 105, 106—111.

[2] *Прилежаевъ*. Наказъ и пункты депутату отъ синода въ екатер. ком. о соч. проэкт. нов. улож. «Христ. Чтеніе» 1876 г. т. II, 250. Соловьевъ XXVII, 330, 332.

[3] Сб. Ист. Общ. IV, 155—157, 158—160.

[4] Сб. Ист. Общ. VIII, 344.

возможность увеличить число своихъ крестьянъ покупкою у помѣщиковъ и потому просили о причисленіи ихъ къ дворянамъ съ правомъ покупать крѣпостныхъ [1]. Сходные съ однодворцами пахатные солдаты также добивались этого права [2].

Только одни черносошные крестьяне были неповинны въ крѣпостническихъ похотѣніяхъ и, если мы встрѣчаемъ среди нихъ желаніе покупать людей, то не съ цѣлію обращать ихъ въ своихъ крѣпостныхъ работниковъ, а только для того, чтобы сдать вмѣсто себя въ рекруты. Впрочемъ, подобное желаніе встрѣчается только въ одномъ наказѣ; но и на этотъ разъ крестьяне не настаивали непремѣнно на дозволеніи покупать рекрутъ, а готовы были просто вносить въ казну за рекрута извѣстную сумму денегъ. Словомъ, тутъ дѣло шло не о пріобрѣтеніи себѣ крѣпостныхъ, а о превращеніи рекрутчины изъ натуральной повинности въ денежную [3].

Такимъ образомъ, всѣ сословія, за исключеніемъ черносошныхъ крестьянъ, требовали дарованія имъ права на рабскій трудъ; но тутъ они встрѣтили отпоръ со стороны дворянства, желавшаго во что бы то ни стало сохранить эту главную изъ своихъ привилегій и требовавшаго, чтобы всѣ, кому прежде было запрещено владѣть населенными имѣніями и дворовыми, по прежнему не имѣли бы этого права. Дворяне Михайловскаго уѣзда мотивировали это требованіе тѣмъ, что «многія деревни нынѣ, состоя подъ властію у тѣхъ запретительныхъ владѣльцевъ, отъ нихъ раззоряются, потому что сіи временные владѣльцы, зная о тѣхъ своихъ крестьянахъ къ себѣ непрочность, не стараются ихъ сберегать». Дворяне, конечно, дѣйствовали въ этомъ случаѣ по своекорыстному побужденію, хотя, какъ мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ, и изъ ихъ среды нашлось нѣсколько благородныхъ личностей, требовавшихъ ограниченія крѣпостного права; гораздо важнѣе для насъ то, что и изъ среды сословій, многіе депутаты которыхъ хлопотали о распространеніи на своихъ товарищей права владѣть крѣпостными, раздавались энергическіе голоса противъ этихъ притязаній.

Лучшимъ примѣромъ этого можетъ служить депутатъ хоперской крѣпости, Алейниковъ; онъ считалъ вреднымъ для государства, чтобы купечество, приказные и казаки имѣли крѣпостныхъ, потому что тогда богатые купцы, пріобрѣтая деревни, оставятъ торговлю, а прочіе изъ ихъ сословія будутъ своихъ дворовыхъ

---

[1] См. «Казенные крестьяне при Екатеринѣ II» «Русс. Стар.» 1879 г. № 5 стр. 51—53.

[2] Сб. Ист. общ. IV, 133.

[3] Сб. Ист. Общ. IV, 114.

употреблять «безъ пощады» во всякія домашнія работы, и доведутъ ихъ до такого отчаянія, что тѣ будутъ обращаться въ бѣгство, собираться шайками и затѣмъ грабить и мучить кого ни попало. Когда это мнѣніе вызвало возраженія со стороны депутатовъ другихъ казачьихъ войскъ, то Алейниковъ еще подробнѣе развилъ свою мысль. Онъ указалъ на тѣ преимущества, какими пользуются казаки и заявилъ, что не можетъ согласиться съ предложеніями тѣхъ депутатовъ этого сословія, которые требовали, чтобъ ихъ начальникамъ за «отличныя ихъ службы» дозволено было покупать крестьянъ. «Никакого отличія ихъ въ службѣ я не признаю. Во-время сраженія съ непріятелемъ рядовые казаки такою же кровію вѣнчаются, какою и предводители; но рядовые производятъ и больше дѣйствія... Хотя упомянутые господа депутаты и представляютъ, что казачьимъ войсковымъ атаманамъ и полковымъ командирамъ безъ крестьянъ быть предосудительно, но это они показываютъ напрасно; ибо мы видимъ цѣлую Европу, которая въ крѣпостныхъ крестьянахъ никакой нужды не имѣетъ. И не больше ли будетъ предосужденія всѣмъ господамъ депутатамъ и всему нашему государству предъ другими европейскими странами, когда, по окончаніи сей высокославной комиссіи, узаконено будетъ покупать и продавать крестьянъ какъ скотину, да еще такихъ же христіанъ, какъ и мы сами».

Въ наказѣ дворянъ Костромского уѣзда встрѣчаемъ предложеніе о назначеніи опекуновъ надъ помѣщиками, мучающими своихъ крестьянъ, а въ наказѣ дворянамъ Пусторжевскаго уѣзда — также и надъ тѣми, кто обременяетъ своихъ крестьянъ непосильными поборами; объ обузданіи послѣднихъ назначеніемъ опекуновъ предлагалъ въ засѣданіи комиссіи (5-го мая 1768 г.) и депутатъ отъ дворянъ Верейскаго уѣзда, Степановъ, хотя онъ притомъ и дѣлалъ оговорку, что учреждать опеку слѣдуетъ не по жалобамъ «рабовъ на помѣщиковъ», такъ какъ это должно «произвести дѣйствіе покорности противное», а по рѣшенію земскаго суда совмѣстно съ сосѣдними дворянами. Но насколько дворяне не желали какого бы то ни было ограниченія ихъ власти закономъ, видно изъ того, что ни въ одномъ изъ дворянскихъ наказовъ не предложено установить точныхъ правилъ о наказаніяхъ, какимъ должны подлежать помѣщики за мученіе своихъ крестьянъ, а между тѣмъ въ такомъ законѣ чувствовалась крайняя необходимость и, при произнесеніи приговора надъ жестокими помѣщиками, судебнымъ учрежденіямъ приходилось прибѣгать къ довольно не подходящимъ статьямъ воинскаго устава

и уложенія [1]. Только въ наказахъ двухъ правительственныхъ учрежденій было обращено вниманіе на этотъ недостатокъ нашихъ законовъ: юстицъ-коллегія поставила на видъ необходимость изданія закона о томъ, какому наказанію долженъ подвергнуться помѣщикъ, до смерти замучившій своихъ крестьянъ, да въ наказѣ депутату отъ главной полиціи высказывалось желаніе, чтобы дворовымъ позволили жаловаться на господъ, и также задавался вопросъ, что дѣлать съ господами, мучающими своихъ людей [2].

На одно только ограниченіе помѣщичьей власти соглашались многіе депутаты отъ дворянъ, именно, запрещеніе продажи людей по одиночкѣ. Дворяне Михайловскаго уѣзда предлагали въ своемъ наказѣ, чтобы для поощренія крестьянъ къ лучшей обработкѣ земли помѣщики не продавали бы ихъ на вывозъ; если же число крестьянъ очень увеличится, то это можно разрѣшить, но только въ предѣлахъ одного уѣзда, чтобы проданный находился недалеко отъ своихъ родственниковъ. Депутатъ отъ Любимскаго дворянства, Толмачевъ, требуетъ совершеннаго запрещенія продажи безъ земли, если же его не состоится, то желаетъ, по крайней мѣрѣ, чтобы продавали цѣлыми семьями со всѣми ихъ пожитками, а не по одиночкѣ. Депутатъ отъ Бахмутскаго и Самарскаго гусарскихъ полковъ, Рашковичъ, сказалъ, что вслѣдствіе укрѣпленія крестьянъ за помѣщиками «дѣти отлучались отъ своихъ родителей, лишались сродственниковъ и продавались по всему государству, гдѣ только могъ отыскаться покупщикъ. Какъ горько это родителямъ. Какъ много проливается отъ этого горячихъ слезъ!» Онъ предложилъ отмѣнить «означенную продажу, которая нетолько въ Европѣ, но и въ азіатскихъ странахъ нигдѣ не ведется». Продавать крестьянъ слѣдуетъ не иначе, какъ съ землею. Въ этомъ вопросѣ не отстаивалъ дворянскихъ правъ даже кн. М. М. Щербатовъ. «Обратимъ взоры наши на человѣчество, сказалъ онъ:—и устыдимся объ одномъ помышленіи дойти до такой суровости, чтобы равный намъ по природѣ сравненъ былъ со скотами и по одиночкѣ былъ продаваемъ... Мы люди и подвластные намъ крестьяне суть подобные намъ. Разность случаевъ возвела насъ на степень властителей надъ ними; однако, мы не должны забывать, что и они суть равное намъ созданіе... Я, конечно, не сомнѣваюсь, что почтенная комиссія узаконитъ запрещеніе продавать людей по одиночкѣ безъ земли».

---

[1] См. «Крѣпостные крестьяне при Екатеринѣ II» «Русс. Старина» 1876 г. № 11 стр. 611—613.

[2] Арх. Второго Отдѣленія.

Однако же, среди депутатовъ нашелся все-таки одинъ, который не постыдился защищать продажу людей въ розницу: это былъ депутатъ отъ дворянъ Курмышскаго уѣзда, Алфимовъ. Въ подтвержденіе своего мнѣнія, онъ указывалъ на то, что «между крестьянами есть въ нѣкоторыхъ семействахъ нерадивые и склонные къ преступленіямъ. Такимъ людямъ удаленіе отъ ихъ семей служитъ наказаніемъ; кромѣ того, страхъ быть проданнымъ удерживаетъ ихъ отъ дурныхъ поступковъ» [1].

Несомнѣнно, къ мнѣнію Алфимова присоединились бы многіе дикіе помѣщики, жившіе по разнымъ отдаленнымъ закоулкамъ нашей родины; но изъ приведенныхъ заявленій несомнѣнно, что всѣ мало-мальски образованные люди желали, если не совершеннаго запрещенія продажи людей безъ земли, то, по крайней мѣрѣ, чтобъ не разлучали при этомъ членовъ семьи. Но Екатерина II не приняла даже и этой ничтожной мѣры для улучшенія положенія крѣпостныхъ.

Характеризуя отношеніе членовъ коммиссіи къ крестьянскому вопросу, мы пока совершенно оставляли въ сторонѣ пренія, происходившія послѣ 5-го мая 1768 г., для того, чтобы разсмотрѣть ихъ въ связи другъ съ другомъ. Теперь мы познакомимся съ предложеніемъ Коробьина и тѣми бурными спорами, которые были имъ вызваны [2].

Такъ какъ въ то время обсуждались законы о бѣглыхъ помѣщичьихъ крестьянахъ, то Коробьинъ и началъ свою рѣчь съ того, что онъ желаетъ разсмотрѣть причины, побуждающія ихъ къ бѣгству, и предложить нѣкоторые способы, которые могутъ хотя отчасти предупредить это зло. «Думаю, сказалъ Коробьинъ:—изъ васъ дознають, почтеннѣйшіе господа депутаты, многіе, что есть довольно въ свѣтѣ такихъ владѣльцевъ, которые съ крестьянъ своихъ берутъ противъ обыкновеннаго подати, есть и такіе, кои, промотавъ свои пожитки и набравъ много долгу, отдаютъ своихъ людей, отлучивъ ихъ отъ земледѣлія, заработывать одни хотя слѣдуемые ежегодно къ уплатѣ проценты, есть и такіе, которые, видя, что получаемыхъ съ крестьянъ себѣ доходовъ на удовольствіе прихотей своихъ не станетъ, удаливъ отъ семействъ, упо-

---

[1] «Сбор. ист. общ.» IV, 276, VIII, 108, 225, XIV, 123—124, 133—134.

[2] Нѣсколько свѣденій о нихъ уже сообщилъ, на основаніи дневныхъ записокъ большого собранія, проф. Сергѣевичъ въ своей статьѣ: «Откуда неудачи екатерининской законодательной комиссіи?» («Вѣстн. Евр.» 1878 г. № 1 стр. 234—257). Для составленія нижеслѣдующихъ страницъ мы познакомились во-первыхъ съ четвертымъ неизданнымъ томомъ труда г. Полѣнова (за сообщеніе котораго приносимъ искреннюю признательность В. И. Сергѣевичу), а затѣмъ и съ подлинными мнѣніями, хранящимися въ архивѣ Второго Отдѣленія.

требляютъ единственно для своей корысти». Но всего горестнѣе, что нѣкоторые владѣльцы, какъ только крестьянинъ пріобрѣтетъ небольшой достатокъ, лишаютъ своего крѣпостного всѣхъ плодовъ его труда. Такое положеніе дѣлъ весьма опасно для государства, «ибо тогда только процвѣтаетъ или въ силѣ находится общество, когда составляющіе оное члены всѣ довольны». Земледѣльцы—душа общества, слѣдовательно, когда они изнурены, то и все общество слабѣетъ. Затѣмъ, сославшись на статьи Наказа, въ которыхъ императрица указываетъ на обремененіе крестьянъ чрезмѣрными оброками, Коробьинъ сказалъ, что слѣдовательно, въ бѣгствѣ крестьянъ виноваты сами помѣщики и потому необходимо предупредить злоупотребленія благоразумными и человѣколюбивыми законами. Теперь всякій молодой дворянинъ, зная, что онъ полный господинъ надъ всѣмъ имѣніемъ своихъ крестьянъ, можетъ, для удовлетворенія своихъ прихотей, собирать чрезмѣрные поборы; но ежели бы владѣлецъ зналъ, что онъ можетъ потребовать отъ крестьянина не болѣе предписаннаго законами, тогда злоупотребленія прекратились бы. Слѣдовательно, все зло заключается въ неограниченной власти помѣщика надъ крестьянами. По словамъ самой императрицы (295 и 261 статьи Наказа), для приведенія земледѣлія въ цвѣтущее состояніе нужны такіе законы, на основаніи которыхъ крестьянинъ считалъ бы только часть своего имѣнія не своимъ, а помѣщичьимъ, а прочее должно быть его собственное, т. е. такое, которое онъ можетъ безъ опасенія пустить въ обращеніе, какъ-то, заложить, продать, подарить и оставить по себѣ, кому хочетъ, не думая, что оное когда-нибудь отнято будетъ его помѣщикомъ». Нужно постановить, чтобы крестьянинъ платилъ помѣщику опредѣленную, но не чрезмѣрную дань: въ однихъ мѣстахъ она должна состоять въ произведеніяхъ земли, въ другихъ же взиматься деньгами. Но какъ великъ долженъ быть размѣръ поборовъ, а также гдѣ брать ихъ деньгами и гдѣ натурою—это потребуетъ большаго разсмотрѣнія и не малаго свѣдѣнія о положеніи всего государства.—И такъ требованія Коробьина сводятся къ тому, что слѣдуетъ: 1) опредѣлить закономъ повинности крестьянъ и 2) дать имъ право собственности на имѣніе; но требованія эти были выражены настолько неопредѣленно, что могли возбудить недоразумѣніе; къ тому же Коробьинъ чрезвычайно повредилъ [illegible]льности своего мнѣнія тѣмъ, что нашелъ нужнымъ смягчить его въ концѣ такою оговоркою. Нѣкоторымъ можетъ придти на мысль, сказалъ онъ:—что, такимъ образомъ, нѣкоторые земледѣльцы могутъ «вдаться въ своевольничество» и что съ ними нельзя будетъ справиться; но онъ говоритъ только о вла-

сти помѣщика надъ имѣніемъ крестьянъ и вовсе не требуетъ ея ограниченія «въ разсужденіи правленія». Эта власть остается въ прежнемъ видѣ, крестьянинъ по прежнему остается крѣпостнымъ Это мѣсто въ мнѣніи Коробьина, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, дало возможность противникамъ измѣненія быта крѣпостныхъ уличить его въ крайней непослѣдовательности.

Такъ какъ Коробьинъ не ясно формулировалъ то, что онъ разумѣетъ подъ предоставленіемъ крестьянамъ права собственности на имущество, то нѣкоторые оппоненты поняли его предложеніе такимъ образомъ, что онъ желаетъ отдать имъ въ собственность землю. Въ отвѣтѣ на возраженіе нѣсколькихъ депутатовъ, Коробьинъ касается этого щекотливаго вопроса кратко и довольно уклончиво. Онъ утверждалъ только, что въ его словахъ нѣтъ прямого требованія надѣлить крестьянъ землею; желалъ ли онъ этого дѣйствительно—мы не знаемъ. Онъ сказалъ, что развилъ бы свое мнѣніе подробнѣе, еслибы ему не помѣшали въ этомъ возраженія на его предложеніе, или, лучше сказать, личныя на него нападки; другими словами, въ виду посыпавшихся на него рѣзкихъ замѣчаній, Коробьинъ не имѣлъ смѣлости вполнѣ высказать своего мнѣнія.

Дѣйствительно, оно вызвало сильную борьбу въ комиссіи между престоронниками и противниками улучшенія быта крестьянъ. Пренія продолжались цѣлый мѣсяцъ, при чемъ изъ всѣхъ 17-ти депутатовъ, говорившихъ о крестьянскомъ вопросѣ, 5 было за улучшеніе быта крѣпостныхъ и 12—противъ [1].

Коробьинъ, раздраживщій своимъ предложеніемъ дворянскихъ депутатовъ, подвергся самымъ безцеремоннымъ личнымъ нападкамъ; онѣ посыпались также и на тѣхъ, кто рѣшился защищать его мнѣніе [2]. Стали говорить, что онъ не знаетъ хорошенько положенія ни крестьянъ, ни помѣщиковъ, что онъ, по словамъ депутата Глазова, «человѣкъ молодой, въ деревняхъ бывалъ мало, экономію деревенскую править привычки еще не сдѣлалъ», а между тѣмъ, «практика деревенская», хотя «немудрена», но всетаки «весьма трудна». Тотъ же Глазовъ дознался, что Коробьинъ

[1] Въ числѣ этихъ двѣнадцати былъ только одинъ однодворецъ, а всѣ остальные депутаты отъ дворянъ.

[2] Дворянскіе депутаты были тѣмъ болѣе злы на Коробьина, что нѣкоторые изъ нихъ считали опаснымъ какое бы то ни было обсужденіе крестьянскаго вопроса. Депутатъ Глазовъ, въ засѣданіи 5-го мая, еще ранѣе чѣмъ было прочитано мнѣніе Коробьина, сказалъ: Можно было бы подробнѣе говорить о крестьянахъ, но я умалчиваю, чтобы депутатовъ отъ дворянства не приводить въ уныніе духа, а также и потому, что въ этомъ многочисленномъ собраніи присутствуютъ люди разныхъ чиновъ: сказанное здѣсь можетъ разгласиться и вызоветъ, пожалуй, непослушаніе крестьянъ своимъ господамъ.

не прямо былъ выбранъ дворянами своего уѣзда, а что ему передало депутатство другое лицо, избранное мѣстнымъ дворянствомъ, и неизвѣстно, есть ли у него даже имѣніе въ томъ уѣздѣ, что, наконецъ, въ полученномъ имъ наказѣ онъ вовсе не уполномоченъ высказать въ комиссіи то, что онъ заявилъ. Углицкій депутатъ Опочининъ сказалъ, что, назвавъ молодыхъ помѣщиковъ раззорителями, онъ оскорбилъ все благородное дворянство.

Коробьинъ отвѣчалъ, что его предложенія совершенно согласны съ Наказомъ императрицы и сослался на статьи 261, 277 и 270; онъ указалъ также, что мнѣніе Глазова, будто депутатъ не можетъ представлять о томъ, чего нѣтъ въ данной ему довѣренности — совершенно несправедливо; нападать на его мнѣніе потому, что оно противорѣчитъ ходатайству нѣкоторыхъ дворянъ о сохраненіи ихъ прежнихъ привилегій — значитъ придавать болѣе значенія частнымъ наказамъ, чѣмъ Наказу императрицы, такъ какъ въ послѣднемъ прямо сказано, «что законы могутъ учредить нѣчто полезное для собственнаго рабовъ имущества». Коробьинъ упомянулъ и о личныхъ на него нападкахъ: изъ того, что онъ требуетъ точнаго опредѣленія крестьянскихъ повинностей, вовсе еще не слѣдуетъ, что онъ «молодъ», «въ деревняхъ мало бывалъ» и т. п. Впрочемъ, такіе споры онъ считаетъ совершенно безплодными: «изъ таковымъ препинательныхъ рѣчей ничего болѣе не произойдетъ», какъ только то, что намѣреніе государыни и желаніе всѣхъ ея вѣрноподданныхъ, удостоившихъ насъ своею довѣренностію, едва ли когда-либо исполнится; должно стараться быть нестолько скорымъ къ учиненію возраженій, сколько внимательнымъ къ разсмотрѣнію сдѣланнаго предложенія, если оно того достойно, къ исправленію его и приведенію на возможно высшую степень совершенства.

Несмотря на такой полный достоинства отвѣтъ, чисто личныя нападки на Коробьина не прекратились. Правда, до нихъ не унизился самый выдающійся ораторъ консервативной партіи, кн. М. М. Щербатовъ: онъ вступилъ въ споръ съ Коробьинымъ только потому, что опасался, «дабы, плѣнясь оказуемымъ имъ человѣколюбіемъ и краснорѣчіемъ, сіе какого вреда не произвело» (sic), но другіе депутаты продолжали шпынять Коробьина. Чаадаевъ намекнулъ, что онъ ищетъ только популярности [1]; «намѣреніе Коробьина осчастливить государство, продолжалъ онъ: — очень похвально, но предложенное имъ, «по справедливости, не способами, а единою мечтою способовъ назвать должно». Въ такомъ важномъ дѣлѣ нужно проникнуть въ самую его сущность, узнать

[1] Имѣетъ «предметомъ списканіе только похвалъ отъ людей легкомысленныхъ».

всѣ его причины и слѣдствія, вредъ и пользу имъ приносимыя; но Коробьинъ, «какъ видно, будучи встревоженъ чрезмѣрнымъ попеченіемъ о пользѣ общей, не имѣлъ уже способа сильнаго своего къ тому стремленія покорить вышеизъясненнымъ правиламъ». Депутатъ Похвисневъ хвасталъ даже, что онъ повредилъ нѣсколько *«высокомѣрнымъ мнѣніямъ»* Коробьина. Если такимъ нападкамъ подвергался отъ своихъ собратій Коробьинъ, то не трудно представить себѣ, какъ должно было достаться пахатному солдату Жеребцову и однодворцу Маслову, которые дерзнули вмѣшаться въ это дѣло. Похвисневъ, депутатъ отъ дворянъ Кромскаго уѣзда, по этому поводу сказалъ: «я отдаю справедливость благоразумію и тонкости сего г. депутата Жеребцова. Подлинно сіе дѣло есть чрезмѣрнаго разума — не имѣя ни ученія, ниже упражненія въ дѣлѣ быть извѣстну о всѣхъ подробностяхъ онаго». Хотя бы еще онъ жилъ въ такомъ уѣздѣ, гдѣ много дворянскихъ имѣній; но когда въ сосѣдствѣ его ихъ нѣтъ [1], то знаніе его надо приписать особливой остротѣ ума. Постоянный трудъ и заботы о домашнемъ хозяйствѣ едва ли могли дать ему возможность познакомиться съ положеніемъ помѣщичьихъ крестьянъ и разсуждать, польза или вредъ можетъ отъ нихъ произойти государству. Вотъ почти и все возраженіе на мнѣніе Жеребцова, до спора съ нимъ по существу Похвисневъ не снизошелъ, прибавивъ только, что теперь въ Россіи все обстоитъ благополучно не бываетъ «ни мятежей, ни бунтовъ отъ голода», а что̀ будетъ, когда произойдетъ перемѣна въ положеніи крестьянъ, никто предвидѣть не можетъ. Депутатъ отъ зарайскаго дворянства, Кондыревъ также напалъ на Жеребцова, хотя не совсѣмъ граматно, но не менѣе энергично, считая вмѣшательство пахатнаго солдата въ отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ «за одинъ смѣхъ и обиду цѣлаго государства дворянъ при другихъ иностранцахъ, чего ни въ какое время того не бывало». Онъ приводитъ только одно возраженіе, что дворяне, не щадя жизни, повсюду защищали государство. Однодворцу Маслову досталось отъ своего же брата однодворца—депутата Веденѣева за то, что онъ описываетъ пороки другихъ жителей въ государствѣ, хотя этого ему не поручали его довѣрители; если же отъ нѣкоторыхъ господъ и были притѣсненія и изнуренія крестьянамъ, то не Маслову объ этомъ судить, а во время второго пришествія Христова каждый, по своимъ дѣламъ, или прославится или устыдится.

Но если дворяне съ такимъ презрѣніемъ относились къ мнѣ-

---

[1] Это несправедливо: нижегородская провинція, депутатомъ отъ которой явился Жеребцовъ, была одна изъ самыхъ обильныхъ крѣпостными крестьянами.

ніямъ депутатовъ низшаго сословія, то случалось и этимъ последнимъ прочесть хорошую нотацію дворянскимъ депутатамъ. Такъ, въ отвѣтъ на возраженіе Коробьину кн. Щербатова, который и на этотъ разъ, какъ во множествѣ своихъ мнѣній, кичился прежними заслугами дворянъ, депутатъ отъ черносошныхъ крестьянъ архангельской провинціи весьма разумно сказалъ: Щербатовъ «между прочимъ, объявляетъ дворянскую заслугу издревле россійскому государству, на то отвѣтствую: правда, что заслуга и завсегда признавается за справедливо, да однако же и всякаго званія люди во всемъ государствѣ не безъ порученныхъ дѣлъ остаются, за кѣмъ какая должность состоитъ, чаю, что по возможности своей и всѣ отправляютъ; токмо дѣло не о томъ идетъ и господа депутаты не на то собраны, *чтобы чести себѣ приписывать*, но о узаконеніи всѣхъ вообще и каждаго особенно... потому, кажется, не должно оставить безъ опредѣленнаго закона помѣщиковыхъ крестьянъ», чтобы послѣ сочиненія проэкта новаго уложенія они не остались «въ бѣдности и безпокойствѣ, какъ и нынѣ за нѣкоторыми безъ призрѣнія и защищенія находятся». Нужно заботиться о бѣдныхъ, а «которые въ милости и счастіи... таковыхъ и представлять, кажется, не слѣдуетъ, какъ господа депутаты о томъ многословятъ». Что же касается замѣчанія депутата отъ трубчевскаго дворянства Бровцина, что государственные крестьяне нерачительно занимаются хлѣбопашествомъ и чинятъ разные непорядки и побѣги вслѣдствіе того, что живутъ въ вольности; то на это Чупровъ отрѣзалъ, что «и во всей подсолнечной, во всякомъ родѣ между добрыми есть средніе, а между иными *и не безъ дураковъ*».

Дѣло, однако, не ограничилось одною перебранкою; дворянскіе депутаты, нежелавшіе измѣненія быта крѣпостныхъ крестьянъ, выставили въ защиту своего мнѣнія и въ опроверженіе предложеній противниковъ или, лучше сказать, почти исключительно одного Коробьина, цѣлый рядъ доводовъ.

Коробьинъ былъ побужденъ представить свое мнѣніе спорами о побѣгахъ крѣпостныхъ крестьянъ; онъ указалъ, что причина ихъ коренится въ чрезмѣрномъ обремененіи народа работами и поборами въ пользу помѣщика. На это ему отвѣчали, что бѣгутъ не одни крѣпостные, а также государственные, дворцовые и экономическіе крестьяне, церковники отъ своихъ церквей и даже купцы; бѣгство крестьянъ происходитъ, слѣдовательно, не тъ безчеловѣчія помѣщиковъ, а отъ развращенія нравовъ, лѣности и нераченія о работѣ. По мнѣнію Щербатова, кромѣ суровости владѣльцевъ, есть и другія причины побѣговъ крестьянъ, а именно: 1) обширность Россіи, вмѣщающей 8 климатовъ, что

побуждаетъ многихъ искать болѣе удобнаго жилища, 2) разница въ плодородіи почвы въ различныхъ мѣстахъ Россіи, 3) рекрутскіе наборы, отъ которыхъ иные бѣгутъ даже и за-границу и, наконецъ, 4) «непостоянство, облѣнчивость и худые нравы самихъ крестьянъ». Опочининъ указалъ на то, что оброчныя деревни, хотя онѣ и принадлежатъ помѣщикамъ, находятся въ хорошемъ состояніи, а Лопухинъ, депутатъ тамбовскаго дворянства, замѣтилъ, что въ западно-европейскихъ государствахъ подданные платятъ въ четверо и даже болѣе сравнительно съ нашими крестьянами.

Помѣщики, говорили дворянскіе депутаты:—нетолько не раззоряютъ своихъ крестьянъ, но, напротивъ, по случаю нынѣшнихъ неурожаевъ, кормятъ ихъ, снабжаютъ домашнимъ скотомъ и платятъ за нихъ подати, однимъ словомъ, пекутся объ нихъ, какъ отцы о дѣтяхъ.

Движимымъ имуществомъ, по словамъ депутатовъ отъ дворянства, крестьяне распоряжались совершенно свободно. Они, сказалъ Щербатовъ:—имѣютъ полное право собственности, правда, не утвержденное закономъ, но, можно сказать, еще сильнѣйшее, такъ какъ оно основано на общемъ «умствованіи» и взаимной пользѣ. Они могутъ отдать, кому захотятъ и продать свои пожитки, однако, по свидѣтельству самого Щербатова, лишь съ извѣстными ограниченіями, а именно: помѣщики наблюдаютъ, чтобы они не сбывали вещей, нужныхъ для земледѣлія, и не становились бобылями; но это дѣлается для ихъ же собственной пользы [1]. Такимъ образомъ, до полнаго права собственности на движимое имущество было далеко. Похвисневъ прибавилъ, что полная свобода крѣпостныхъ въ этомъ отношеніи подтверждается и жалобами купцовъ на то, что крестьяне подрываютъ ихъ торговлю продажею своихъ домашнихъ продуктовъ. Если же, замѣтилъ Глазовъ:—Коробьинъ хотѣлъ дать крестьянамъ и землю во владѣніе, то вѣдь они пользовались ею и прежде, не имѣя только права продать ее и заложить.

Доказывая, что наши крѣпостные находились въ прекрасномъ положеніи, дворянскіе депутаты не ограничились собственными доводами; ихъ главный витія, кн. Щербатовъ, отрылъ въ книгѣ Монтескьё, что онъ «россійское учрежденіе о сборѣ доходовъ и связь между помѣщиковъ и ихъ подданными похваляетъ» [2].

---

[1] Точно такими же доводами лифляндскіе дворяне на ландтагѣ 1765 г оправдывали то, что они не даютъ своимъ крестьянамъ права вполнѣ свободно распоряжаться движимымъ имуществомъ.

[2] «Петръ I, желая, по примѣру Германіи, собирать подати деньгами, издалъ очень мудрое узаконеніе, которому еще и теперь слѣдуютъ въ Россіи. Дворя-

Монтескьё былъ для насъ тогда авторитетомъ даже и въ тѣхъ вопросахъ, о которыхъ онъ, разумѣется, не могъ имѣть такого яснаго понятія, какъ мы сами.

Депутатъ Лопухинъ не отрицалъ, что есть дурные помѣщики, но «непорядочный владѣлецъ» гораздо болѣе приноситъ вреда себѣ, чѣмъ государству, и, «раззоряя своихъ крестьянъ, столько самъ себя наказываетъ, что его и наказать больше нельзя»; слѣдовательно, онъ скорѣе самъ достоинъ жалости. Однако же, Лопухинъ согласенъ былъ бы признать справедливость предложенія Коробьина, еслибы оказалось, что половина (!) помѣщиковъ таковы, что крестьяне принуждены бѣжать изъ своихъ домовъ; а не то было бы весьма прискорбно, еслибы знатный, заслуженный и достойный любви отечества корпусъ дворянъ былъ стѣсненъ законами изъ-за того, что среди него нашлось нѣсколько непорядочныхъ, развратныхъ людей. — Для обузданія такихъ помѣщиковъ, по мнѣнію дворянскихъ депутатовъ, совершенно достаточно отдавать ихъ подъ опеку.

Ораторы консервативной партіи не ограничились защитою существующихъ отношеній: они постарались съ своей точки зрѣнія опровергнуть всѣ предложенія Коробьина и его единомышленниковъ. Что касается опредѣленія закономъ размѣра крестьянскихъ повинностей, то почти всѣ они указываютъ на невозможность исполнить это, въ виду чрезвычайнаго разнообразія условій въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи. Нѣкоторые депутаты, сочувствовавшіе Коробьину, признавали, что тутъ придется встрѣтиться съ значительными трудностями, но все таки до извѣстной степени ихъ можно преодолѣть и довольно уравнительно опредѣлить повинности. За то депутаты-консерваторы были вполнѣ правы, возражая Коробьину, что никакъ нельзя обезпечить крестьянину право собственности на движимое имѣніе, оставляя въ то же время его личность въ полной зависимости отъ помѣщика. Въ этомъ отношеніи они весьма ловко подмѣтили крайнюю непослѣдовательность, въ которую впалъ Коробьинъ. Коробьинъ оставляетъ крестьянина крѣпостнымъ, сказалъ Опочининъ, такъ что помѣщикъ за всякій проступокъ можетъ подвергать его наказанію по своему усмотрѣнію, можетъ даже отправить на поселеніе или каторгу.—За то, что Коробьинъ оставляетъ крестьянъ въ полной власти помѣщиковъ, сказалъ Глазовъ, дво-

---

нинъ собираетъ подати съ крестьянъ и платитъ ихъ царю. Уменьшается ли или увеличивается количество крестьянъ, онъ платитъ то же самое» (Монтескьё забылъ прибавить, что это бываетъ только отъ ревизіи до ревизіи); «такимъ образомъ, онъ заинтересованъ въ томъ, чтобы не мучить своихъ крестьянъ». (Esprit des lois, liv. XIII, ch. 6.).

рянское общество можетъ быть ему благодарно, но крестьяне не почтутъ его своимъ защитникомъ. Кн. Щербатовъ также не оставилъ безъ возраженія этого пункта мнѣнія Коробьина. «Не могу безъ удивленія видѣть, замѣтилъ онъ:—что насколько онъ заботится объ имуществѣ крестьянъ, настолько же мало прилагаетъ старанія объ избавленіи ихъ отъ утѣсненія, которое можетъ произойти отъ наказаній... ибо тщетно имя собственности растверживать, когда тѣло чье подвластно другому; имѣніе его всегда тому же подвластно будетъ».

Защитники улучшенія быта крестьянъ могли бы на это возразить, что крестьянину слѣдуетъ предоставить право жаловаться на помѣщика (Коробьинъ этого не предлагаетъ), но у консерваторовъ заранѣе были готовы на это возраженія. По ихъ мнѣнію, это разрушило бы прежнія патріархальныя отношенія между господиномъ и крестьяниномъ. Теперь, говоритъ Похвисневъ: — помѣщикъ и земледѣлецъ составляютъ, такъ сказать, одно семейство; господинъ отвѣчаетъ за крестьянъ передъ правительствомъ въ исправномъ сборѣ податей, охраняетъ ихъ отъ обидъ и т. п. По словамъ другихъ, право жаловаться страшно увеличитъ количество судебныхъ дѣлъ, которыя будутъ отвлекать народъ отъ земледѣльческихъ занятій. Приводившіе это возраженіе не замѣчали, что оно всего лучше опровергаетъ существованіе патріархальныхъ отношеній, доказывая, что у крестьянъ много причинъ для недовольства. По мнѣнію Похвиснева, стоитъ только дать крестьянамъ право жаловаться, и среди нихъ будетъ легко возникать непослушаніе могутъ произойти важныя замѣшательства; конечно, говоритъ онъ, помѣщикъ развратныхъ наклонностей весьма вреденъ для общества, но онъ будетъ обремененіемъ, и то временнымъ, только для малой части народа, а другая язва—духъ непослушанія—можетъ распространиться по всему государству. Кн. Щербатовъ также находилъ, что дарованіе крестьянамъ права жаловаться поведетъ къ бунтамъ и посягательствамъ на жизнь помѣщиковъ.

Коробьинъ, какъ мы видѣли, не высказалъ вполнѣ ясно, требуетъ ли онъ предоставленія земли въ собственность крестьянамъ; но многіе изъ его оппонентовъ поняли, что онъ рѣшаетъ этотъ вопросъ утвердительно. Откуда же надѣлить крестьянъ недвижимою собственностію? спрашиваетъ кн. Щербатовъ. Бо̀льшая часть земли съ самыхъ древнихъ временъ дана государями дворянамъ сначала въ помѣстья, а потомъ въ вотчину; сверхъ того, уплатою положенныхъ пошлинъ за справки и за продажи они едва ли не внесли въ казну всю цѣну этихъ имѣній. Справедливо ли будетъ отнять у дворянъ недвижимое имущество, пріобрѣтенное ими нетолько своею кровію, но и деньгами.

Доводы, вродѣ только что приведеннаго, подсказывались исключительно корыстными побужденіями; но въ мнѣніяхъ противниковъ Коробьина были и весьма справедливыя указанія на тотъ вредъ, который можетъ произойти для крестьянъ отъ предоставленія имъ полной собственности на землю съ правомъ ея отчужденія. Депутатъ Лопухинъ указалъ, во-первыхъ, что помѣщики заботятся, чтобы крестьяне не страдали отъ дурного качества и недостаточнаго количества земли, и для этого переселяетъ ихъ на лучшія и болѣе многоземельныя мѣста, а съ нарѣзкою каждому опредѣленнаго участка — это должно прекратиться. Еще вреднѣе позволить крестьянамъ продавать и закладывать землю: если земледѣлецъ изъ нужды продастъ свой участокъ, то лишится послѣдняго средства пропитанія. Похвисневъ по этому поводу замѣтилъ, что и безъ того уже правительственныя учрежденія завалены поземельными исками, вслѣдствіе чрезполосности помѣщичьихъ владѣній. Что же будетъ тогда, когда каждый крестьянинъ получитъ право продавать свою землю? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, стòитъ только взглянуть на тѣ послѣдствія, къ какимъ привело однодворцевъ дозволеніе отчуждать свои поземельные участки. Сколько отъ этого произошло замѣшательствъ, ссоръ, дѣлъ въ судахъ по той причинѣ, что одна дача была продана двумъ и тремъ помѣщикамъ; но всего прискорбнѣе, что многія размножившіяся семейства однодворцевъ остаются теперь почти безъ всякаго пропитанія, а иныя вынуждены были переселиться въ другіе города на свободныя казенныя земли. Куда же перейдетъ помѣщичій крестьянинъ, продавъ свой участокъ? Если имъ будутъ давать въ этомъ случаѣ для поселенія казенныя земли, то дворянство должно неминуемо раззориться; если же они не получатъ другихъ участковъ, то безчисленное множество людей останется безъ пропитанія; тогда одинъ невоздержный крестьянинъ будетъ причиною непоправимаго несчастія цѣлаго семейства. Помѣщики, конечно, не станутъ давать такимъ безземельнымъ новыхъ надѣловъ, такъ какъ они не будутъ въ состояніи препятствовать ихъ отчужденію. Однимъ словомъ, всего лучше, чтобы земли принадлежали помѣщикамъ. Сходны съ этимъ доводы и кн. Щербатова. Отдать крестьянамъ въ собственность недвижимыя имѣнія и позволить продавать ихъ—крайне вредно для государства. Можетъ ли быть какое либо порядочное хозяйство, когда каждый крестьянинъ будетъ продавать свою землю и раздробитъ ее нетолько на части, но, можно сказать, на лоскутья? Незаботящіеся о земледѣліи или принужденные какими-либо несчастіями продадутъ землю постороннимъ; вслѣдствіе этого въ дачи одной деревни войдутъ

владѣнія множества деревень; кромѣ того, продавшіе землю, не имѣя ни мѣста для поселенія, ни средствъ къ пропитанію, принуждены будутъ или вовсе покинуть земледѣліе, или идти въ батраки. Такимъ образомъ, чрезъ полученіе личной собственности они лишатся дѣйствительной. Въ подтвержденіе своей мысли Похвисневъ ссылался на положеніе однодворцевъ, такъ какъ, будучи депутатомъ Кромскаго уѣзда, онъ могъ хорошо знать ихъ бытъ, а Щербатовъ столь же основательно указалъ на поземельныя отношенія черносошныхъ крестьянъ. «Слѣдствіе сей собственности, сказалъ онъ:—уже мы и видимъ у черносошныхъ государственныхъ крестьянъ, гдѣ большая часть, продавъ свои земли, у меньшей въ неволѣ находится», вслѣдствіе чего имъ, наконецъ, было запрещено продавать земли; къ тому же «разныхъ владѣній и разнаго употребленія смѣшанныя земли произведутъ отъ однихъ другимъ немалый вредъ, яко драки, убійства, перекосы, потравы» и пр. Изъ этого видно, заключилъ Щербатовъ:—какъ вредны способы, предложенные Коробьинымъ, но онъ охотно прощаетъ его, «почитая, что отъ усердія своего къ нѣкоторымъ удрученнымъ крестьянамъ оные предложилъ».

Щербатовъ сильно пересолилъ, сказавъ, что у черносошныхъ крестьянъ большинство распродало свои земли и находится въ неволѣ у меньшинства, но, тѣмъ не менѣе, ссылки его и Похвиснева на то, что отчужденіе земли черносошными крестьянами и однодворцами приводило къ крайне вреднымъ послѣдствіямъ—совершенно справедливы; они вполнѣ подтверждаются заявленіями самихъ крестьянъ въ наказахъ ихъ депутатовъ [1]. Слова кн. Щербатова и Похвиснева могутъ даже и въ настоящее время служить прекраснымъ отвѣтомъ тѣмъ мнимымъ радѣтелямъ крестьянъ, которые желаютъ уничтоженія общиннаго землевладѣнія [2].

[1] См. статьи: «Казенные крестьяне при Екатеринѣ II», въ Русск. Старинѣ 1879 г., №№ 1—6.

[2] Обращаемъ на эти доводы вниманіе гр. Орлова-Давыдова. Если доказательства, приводимыя менѣе родовитыми людьми, не убѣдятъ его въ томъ, что предлагаемыя имъ мѣры губительны для народнаго благосостоянія (если только онъ въ этомъ сомнѣвается), если, наконецъ, современный титулованный изслѣдователь (кн. Васильчиковъ) покажется ему, какъ и г-дамъ Герье и Чичерину, совращеннымъ въ соціализмъ, то, быть можетъ, на него произведутъ нѣкоторое впечатлѣніе слова *князя* М. М. Щербатова, котораго, какъ извѣстно, нельзя заподозрить въ приверженности ни къ какимъ зловреднымъ ученіямъ, а между тѣмъ, онъ неизмѣримо выше—въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ родственнаго ему по духу современнаго защитника обезземеленія крестьянъ — выше уже тѣмъ однимъ, что онъ былъ противъ такого обезземеленія и былъ убѣжденъ, что дозволеніе крестьянамъ свободнаго отчужденія земли непремѣнно поведетъ къ обнищанію народа.

Вѣскія замѣчанія по вопросу о правѣ собственности крестьянъ на землю, высказанныя кн. Щербатовымъ и Похвисневымъ, были въ высшей степени полезны для своего времени, въ нихъ сказался тотъ истинный консерватизмъ, который въ нѣкоторыхъ случаяхъ приноситъ значительную пользу, предохраняя народный бытъ отъ необдуманной ломки, на которую такъ падки лжеконсерваторы, являющіеся хранителями старины только тогда, когда это выгодно для ихъ интересовъ. Разумѣется и кн. Щербатовъ, и Похвисневъ не были безкорыстными радѣтелями народнаго блага, какъ это видно изъ всѣхъ ихъ рѣчей въ комиссіи уложенія, но въ данномъ случаѣ они были до нѣкоторой степени правы, протестуя противъ дарованія крестьянамъ земли въ полную собственность съ разрѣшеніемъ отчуждать ее; мы можемъ сказать, что лучше крѣпостное право, ограниченное строгими постановленіями закона, чѣмъ обезземеленіе крестьянъ. Эту истину забыли при Александрѣ I, освобождая безъ земли крестьянъ въ Остзейскомъ краѣ; объ ней плохо помнили и тѣ, кто допустилъ при нашей крестьянской реформѣ возможность, такъ называемаго, нищенскаго надѣла. Но противъ Щербатова и Похвиснева есть одно возраженіе, въ конецъ ихъ побивающее: сохраненіе при освобожденіи крестьянъ съ земельнымъ надѣломъ общиннаго землевладѣнія, существовавшаго тогда въ Великороссіи вездѣ, гдѣ были крѣпостные крестьяне; при этомъ условіи противникамъ реформы оставалось бы только одно возраженіе противъ надѣленія крестьянъ изъ помѣщичьихъ земель—жалобы на то, что это значило бы обидѣть землевладѣльцевъ. Но на такія причитанія умѣли отвѣтить и современники Щербатова, даже изъ низшаго сословія, какъ напримѣръ казакъ Алейниковъ. Они указывали ему, что не одно дворянство служило Россіи, не только объ немъ должно заботиться правительство. Къ несчастію, тогдашніе аболюціонисты игнорировали нашу поземельную общину и на важность ея впервые указалъ при Екатеринѣ человѣкъ, котораго едва ли можно отнести къ ихъ числу.

Будемъ, однако, продолжать пересмотръ доводовъ противъ освобожденія крестьянъ, приведенныхъ депутатами консервативной партіи. Всѣ они въ одинъ голосъ указывали, что теперь помѣщикъ во время неурожая, падежа и другихъ несчастій снабжаетъ крестьянъ хлѣбомъ и скотомъ, не всегда требуя за то платы, иногда вноситъ за нихъ подати и т. п., съ освобожденіемъ же они лишатся этихъ пособій. Извѣстно, что помѣщики были обязаны закономъ прокармливать своихъ крестьянъ во время неурожаевъ, и хотя правило это далеко не всегда соблюдалось, но все-таки многіе землевладѣльцы дѣйствительно заботи-

лись о своихъ крѣпостныхъ, такъ что этотъ аргументъ имѣетъ, нѣкоторое значеніе.

Измѣненіе быта крестьянъ было бы вредно для нихъ самихъ, по мнѣнію консерваторовъ, еще въ одномъ отношеніи. Депутатъ Чаадаевъ указалъ на то, что чиновничье управленіе приходится весьма солоно крестьянину, такъ какъ они подвергаются всевозможнымъ притѣсненіямъ, а вслѣдствіе несогласій и тяжбъ между ними, богатѣютъ только ихъ охранители. Такъ думалъ не одинъ Чаадаевъ: этотъ же доводъ приводила кн. Дашкова во время своей извѣстной бесѣды съ Дидро о крестьянскомъ вопросѣ [1], а при Александрѣ I тоже говорилъ Каразинъ.

Таковы были доказательства, что освобожденіе будто бы невыгодно для самихъ крестьянъ; но, по мнѣнію крѣпостниковъ, оно вредно и для государства. Указывали на то, что крестьяне, избавившись отъ принудительной власти помѣщиковъ, растратятъ свое имущество и затѣмъ разбредутся врозь, отъ этого пострадаетъ земледѣліе, множество пашень останется необработанными, подати будутъ сбираться менѣе успѣшно, такъ какъ теперь помѣщикъ, отвѣчающій за исправность ихъ взноса, понуждаетъ къ тому крестьянъ.

Приводились наконецъ и такія соображенія, что крѣпостное право необходимо для спокойствія государства. Кн. Щербатовъ настаивалъ, что не должно освобождать вдругъ большого числа людей, нужно опасаться, чтобы ограниченіемъ помѣщичьей власти «не развратились отъ начальныхъ основаній правленія, *не вкоренилось бы умствованіе равенства, до самой крайности дошедшаго*». Можетъ произойти, однимъ словомъ, то, что̀ современные публицисты извѣстнаго пошиба привыкли называть «потрясеніемъ основъ»; депутатъ Лопухинъ такъ и говоритъ, что ослабленіе власти помѣщиковъ произведетъ, разрушеніе тѣхъ основаній, на которыхъ утвердясь, отечество наше достигло столь вышней степени славы и благоденствія». Можетъ дойти до того, что придется усмирять народъ вооруженною силою. Похвисневъ, вопреки здравому смыслу, утверждалъ даже, что съ освобожденіемъ крестьянъ будутъ чаще убійства помѣщиковъ.

Мы исчерпали всѣ доводы противниковъ улучшенія быта крѣпостныхъ крестьянъ. Изъ мнѣній его защитниковъ мы уже знакомы съ заявленіемъ Коробьина. Сторонники его мнѣнія, также какъ и онъ самъ, утверждали, что крестьяне чрезмѣрно обременены повинностями въ пользу помѣщика. Черносошный крестьянинъ Чупровъ, возражая на мнѣніе депутата Бровцына, говоритъ:

---

[1] См. Memoirs of the princess Daschkow, L. 1840, I, 164—165.

«не на тѣхъ помѣщиковъ поношеніе, которые благоразумными учрежденіями крестьянъ своихъ управляютъ, да и г. депутатъ Коробьинъ не о таковыхъ, но безмѣрно о мучащихъ крестьянъ своихъ и несносныя дани сбирающихъ представляетъ», которые «недовольны тѣмъ, что, по желанію своему, по окладу съ души берутъ деньгами, съ тѣхъ же еще изъ домашняго произращенія сверхъ денегъ сбираютъ, да ихъ же и въ работу берутъ».—Владѣлецъ, говоритъ однодворецъ Масловъ, ежедневно гонитъ крестьянъ на свою работу, «а хотя и отпуститъ, и то развѣ рѣдко бываетъ, на день или на два. Такъ какъ же имъ (крестьянамъ) пропитаніе имѣть или родившихся отъ нихъ дѣтей воспитать, что они всегда всѣми семьями на господина работаютъ, еще-жъ сверхъ того и подушныя деньги платятъ». Многіе считаютъ побѣги крестьянъ самовольствомъ, а не подумаютъ отъ радости ли иной хрестьянинъ покидаетъ своихъ малыхъ дѣтищъ, чего не сдѣлаетъ и дикій звѣрь.—По мнѣнію пахатнаго солдата Жеребцова, земледѣльца, не хлѣбопашество удручаетъ, а чрезмѣрные поборы вслѣдствіе роскоши самихъ помѣщиковъ или жадности управителей и приказчиковъ. Послѣдніе самовольно удвоиваютъ или утроиваютъ оброкъ, назначенный господиномъ, и тѣхъ, кто не хочетъ его платить, «изуродовавъ разными мученіями», неволею къ тому понуждаютъ. Крестьянинъ, не желая «видѣть тѣло свое обезображеннымъ», покидаетъ свое жилище и разными способами достаетъ деньги. Масловъ, однодворецъ Бѣлгородской провинціи, добавилъ къ этому, что крѣпостные страдаютъ нетолько у себя дома, но еще безвинно подвергаются наказаніямъ и въ судебныхъ мѣстахъ. Многіе помѣщики заставляютъ своихъ крестьянъ запахивать чужія поля, выкашивать сѣнные покосы, вырубать лѣсныя дачи и дѣлать разныя насилія въ чужихъ земляхъ, селахъ и слободахъ; отъ этого происходятъ драки и смертоубійства. Крестьянъ за это хватаютъ, бьютъ при допросахъ и морятъ въ тюрьмѣ. Если же они не послушаютъ господина, то терпятъ отъ него наказаніе.

Самое замѣчательное изъ мнѣній сторонниковъ улучшенія быта крестьянъ принадлежитъ депутату отъ шляхетства Екатерининской провинціи Якову Козельскому. На обвиненія крестьянина въ пьянствѣ и мотовствѣ, онъ отвѣчалъ, что это происходитъ вслѣдствіе лишенія его всякаго права собственности: «онъ разумѣетъ и впредь знаетъ, что все, что бы ни было у него, то говорятъ, что не его, да помѣщиково; такъ представьте себѣ, почтенное собраніе, какому человѣку тутъ надобно быть, чтобы еще и хвалу заслужить... И самый трудолюбивый человѣкъ сдѣлается нерадивымъ во всегдашнемъ насиліи... Я не понимаю лучше

кажется, по человѣколюбію, стараться возбуждать народъ къ работѣ вольной и не томной, то онъ бо̀льшій урокъ вырабатывать будетъ и не устанетъ, нежели одною неволею и удрученіемъ рабства». Вмѣсто того, чтобы отдавать въ опеку уже раззоренное имѣніе, гораздо лучше предупредить раззореніе общимъ закономъ. Никакъ нельзя защищать такихъ помѣщиковъ, которые во вредъ себѣ и обществу раззоряютъ своихъ крестьянъ, *«а таковыхъ число едвалъ не умножается,* и статься можетъ оттого, что крестьяне потомкамъ помѣщичьимъ достаются легче, нежели какъ ихъ предкамъ».—Помѣщикъ, противящійся опредѣленію повинностей, желаетъ имѣть бо̀льшія права, чѣмъ само правительство, такъ какъ, говоритъ Козельскій, «самая верховная власть по самодержавію своему не требуетъ болѣе опредѣленной всякой службы, кромѣ на содержаніе необходимой войны». На доводы ораторовъ консервативной партіи, что земледѣлецъ съ освобожденіемъ лишится помощи отъ господина во время неурожая и другихъ несчастій, Козельскій основательно отвѣчалъ, что помѣщики помогаютъ крестьянамъ ихъ же собственнымъ добромъ. «Мнѣ кажется, писалъ онъ: — что помѣщикъ, сколько бы ни богатъ былъ, то онъ въ разсужденіи помѣстья своего и отъ него-жъ богатъ, и такъ, если онъ не лишаетъ крестьянъ собственнаго ихъ хлѣба, скота и всего пропитанія, такъ гдѣ-жъ онъ... возьметъ всего того, чѣмъ бы ему во время нужды, т. е. въ самомъ крайнемъ недостаткѣ каждаго изъ крестьянъ своихъ снабдить; невозможное дѣло: отъ сего благодѣянія и владѣющій принцъ скоро откажется».

Таковы указанія на печальное положеніе крѣпостныхъ крестьянъ и различные доводы въ пользу измѣненія ихъ быта въ мнѣніяхъ депутатовъ либеральной партіи; что же считали они необходимымъ сдѣлать для крестьянъ? Коробьинъ настаивалъ на опредѣленіи повинностей крестьянъ и ограниченіи власти помѣщика надъ ихъ имуществомъ. Съ этимъ соглашался и черносошный крестьянинъ Чупровъ, указывая на то, что и при отдачѣ мучающихъ своихъ крестьянъ подъ опеку, нужно точное указаніе о повинностяхъ, которымъ могъ бы руководствоваться опекунъ. Пахотный солдатъ Жеребцовъ, чтобы уничтожить злоупотребленіе приказчиковъ, предлагалъ вовсе не назначать ихъ, а предоставить крестьянамъ съ общаго согласія выбирать старосту на годовой срокъ. Однодворецъ Масловъ считалъ весьма полезнымъ учредить для завѣдыванія крестьянами особую коллегію или контору, которая имѣла бы въ провинціяхъ свои правленія или канцеляріи. Онѣ должны были наблюдать за исполненіемъ рекрутской повинности, собирать подушныя подати, а также поборы

въ пользу помѣщика, которые онѣ и передавали бы по принадлежности; кромѣ административныхъ, на нихъ слѣдовало возложить и судебныя обязанности: разборъ жалобъ посторонних владѣльцевъ на крестьянъ и поземельныхъ споровъ, а также и жалобъ крѣпостныхъ на обиды отъ постороннихъ.

Козельскій предлагаетъ, установивъ опредѣленное число дней барщины, въ тоже время оцѣнить ихъ на деньги и предоставить соглашенію крестьянъ и помѣщиковъ въ каждомъ имѣніи выборъ барщины или оброка. Такъ какъ мнѣніе его было навѣяно отношеніями, сложившимися въ Малороссіи, гдѣ крѣпостные, по его собственному свидѣтельству, обыкновенно работали 2 дня въ недѣлю, то онъ предлагалъ назначить въ пользу помѣщика два дня, а затѣмъ, два дня опредѣлить на заработываніе податей, два дня на собственную работу, а седьмой день на посѣщеніе церкви и отдыхъ [1]. Для тѣхъ, кто пожелалъ бы вмѣсто барщины платить оброкъ, Козельскій предлагалъ оцѣнить рабочій день, какъ зимній, такъ и лѣтній пѣшаго работника или съ упряжкою, круглымъ числомъ по 10 коп., тогда въ недѣлю помѣщику достанется съ крестьянскаго *двора* по 20 коп., а въ годъ по 10 руб. Такъ какъ въ то время обыкновенно считалось во дворѣ по 4 души, то оброкъ, предложенный Козельскимъ, въ среднемъ выводѣ равнялся обычному въ то время и въ Великороссіи сбору (по 2—3 р. *съ души*). Отъ опредѣленія повинностей произойдутъ, по мнѣнію Козельскаго, слѣдующія выгоды: крестьяне, стараясь о собственномъ обогащеніи, будутъ прилежнѣе заниматься земледѣліемъ; сдѣлавшись зажиточнѣе, станутъ болѣе размножать свои семейства; перестанутъ просить милостыню и прекратятъ разныя злодѣйства, наконецъ, вернутся на родину многіе изъ мужиковъ, бѣжавшихъ въ Польшу, Волощину и Венгрію. Это будетъ гораздо дѣйствительнѣе, чѣмъ попытка вызова сербовъ и другихъ колонистовъ.

Точно опредѣлить крестьянскія повинности предлагали и другіе депутаты, Козельскій только подробнѣе развилъ эту мысль; но оригинальность его мнѣнія состоитъ въ томъ, что между тѣмъ, какъ Коробьинъ не говоритъ ничего положительнаго о надѣленіи крестьянъ землею въ собственность, Козельскій категорически рѣшаетъ этотъ вопросъ, хотя и говоритъ при этомъ не о правѣ собственности, а о потомственномъ пользованіи. Вотъ его слова: «Что же касается до имѣній крестьянскихъ движимыхъ и недвижимыхъ, то оставить оными пользоваться крестьянамъ съ тѣмъ только, чтобъ они безъ дозволенія помѣщика не

[1] Впрочемъ, такое же распредѣленіе времени крѣпостныхъ, предлагалъ установить однодворецъ казанской пров. Кипенскій въ засѣданій 2-го мая 1768 г.

властны были никому продать, ни заложить изъ недвижимыхъ имѣній, а владѣли бы сами потомственно, *безъ участія помѣщикова*». Въ другомъ мѣстѣ онъ яснѣе выражаетъ мысль о необходимости отдѣлить крестьянскія земли отъ помѣщичьихъ: «я бы разсуждалъ за полезное и во всѣхъ россійскаго государства областяхъ раздѣлить и отмежевать землю всѣмъ подданнымъ, кои въ слободахъ за владѣльцами живутъ и *владѣютъ принадлежащими къ тѣмъ слободамъ землями вообще* для того, чтобы мужики, почитая тѣ земли за собственный свой удѣлъ, основательнѣе обзаводиться и постояннѣе жить могли». Мы видѣли, что тоже самое предлагалъ и Посошковъ. Замѣчательно также, какъ видно изъ словъ, напечатанныхъ курсивомъ, что Козельскій зналъ о существованіи общиннаго землевладѣнія и, повидимому, ничего не имѣлъ противъ его сохраненія при измѣненіи быта крестьянъ. Такимъ образомъ, по мысли Козельскаго, крестьяне должны были получить земли въ неотъемлемое владѣніе за умѣренныя повинности; нельзя не признать, что это было одно изъ самыхъ лучшихъ временныхъ рѣшеній вопроса, да и вообще оно было лучше такой реформы, какъ освобожденіе крестьянъ безъ земли, допущенное русскимъ правительствомъ полвѣка позднѣе въ Прибалтійскомъ краѣ.

Къ сожалѣнію, при всѣхъ достоинствахъ его мнѣнія, Козельскій раздѣляетъ мысль Коробьина, что личная зависимость крестьянъ отъ помѣщиковъ должна быть сохранена [1], слѣдовательна, къ нему прилагаются замѣчанія, высказанныя весьма многими депутатами о томъ, какъ нелогично давать право на имущество и сохранять личную зависимость, хотя при предложенномъ имъ окончательномъ отдѣленіи крестьянскихъ земель отъ помѣщичьихъ труднѣе какія-либо вымогательства.

Размѣръ крестьянскихъ повинностей, особенно барщины, предложенный Козельскимъ, нельзя не признать умѣреннымъ сравнительно съ тѣмъ, какой обыкновенно существовалъ въ то время въ Великороссіи; что же касается Малороссіи, то онъ былъ только сколкомъ съ дѣйствительности. Но относительно Южной Россіи Козельскій на этомъ не оставливается: онъ желаетъ ограничить свободу перехода тамошнихъ крестьянъ, а именно: взимать штрафъ съ помѣщиковъ, принимающихъ сходцевъ и дозволить переходъ не иначе, какъ съ отпускными письмами [2]; но мы не

---

[1] «Крестьяне, говоритъ онъ:—подъ наблюденіемъ своихъ помѣщиковъ всегда будучи, останутся въ прежнемъ страхѣ и почитаніи ихъ, какъ они имъ и крѣпки».

[2] Необходимость письменнаго отпуска была установлена уже указомъ 10-го декабря 1763 года. «Полное собраніе законовъ», т. XVI, № 11987.

будемъ здѣсь говорить объ этой части его мнѣнія, такъ какъ для этого пришлось бы подробнѣе остановиться на отношеніяхъ помѣщиковъ и крестьянъ въ Малороссіи, чѣмъ мы это можемъ сдѣлать въ настоящемъ очеркѣ.

Чрезвычайно странно, что мнѣніе Козельскаго не вызвало никакихъ преній въ коммиссіи уложенія, несмотря на то, что оно было прочитано еще 23-го мая, слѣдовательно, дней за 10 до прекращенія преній по крестьянскому вопросу; а между тѣмъ, въ немъ заключались требованія гораздо болѣе ясныя, чѣмъ мнѣнія Коробьина, и болѣе непріятныя для великороссійскихъ помѣщиковъ: вмѣсто неопредѣленнаго желанія ограничить повинности, мы находимъ у Козельскаго предложеніе назначить двухдневную барщину; тогда какъ Коробьинъ уклонялся отъ категорическаго рѣшенія вопроса о недвижимой собственности, Козельскій прямо требовалъ предоставленія крестьянамъ земли въ потомственное пользованіе. Странно также, что не нашлось голоса въ защиту Козельскаго, между тѣмъ, когда онъ въ засѣданіи 21-го сентября 1767 года, произнесъ рѣчь за сохраненіе правъ служиваго дворянства, она вызвала такое сочувствіе, что къ его мнѣнію присоединилось 22 депутата отъ однодворцевъ, различныхъ городовъ и т. п. Рѣчь Козельскаго по крестьянскому вопросу не могла, конечно, понравиться великороссійскимъ помѣщикамъ; но, повидимому, она должна была бы вызвать сочувствіе малороссійскаго шляхетства, такъ какъ онъ требовалъ ограниченія права свободнаго перехода крестьянъ; однакоже, не случилось и этого. Депутатъ отъ шляхетства переяславскаго полка, Забѣлла, замѣтилъ по поводу мнѣнія Козельскаго, что напрасно онъ предлагаетъ измѣнить положеніе крестьянъ въ Великороссіи, не зная тамошнихъ порядковъ (у Козельскаго не было тамъ имѣнія). Я упомянулъ объ этомъ, сказалъ Забѣлла, только для того, чтобъ нѣкоторые депутаты изъ великороссійскихъ дворянъ не подумали, что и другіе, отринувъ всякую благопристойность, молчаніемъ своимъ выражаютъ согласіе съ мнѣніемъ, отнимающимъ у нихъ право распоряжаться тѣмъ имѣніемъ, которымъ они сами и ихъ предки издревле владѣли. Что же касается его предложеній относительно владѣльческихъ людей въ Малороссіи, то не слѣдуетъ обижать и слабѣйшихъ жителей. Императрица именнымъ указомъ подтвердила, чтобы малороссійскіе крестьяне остались въ прежнемъ положеніи, поэтому нечего Козельскому и предлагать измѣненіе ихъ быта. Малороссійское шляхетство испрашиваетъ у государыни подтвержденія своихъ правъ и привилегій, но въ то же время оно считаетъ долгомъ справедливости заботиться о сохраненіи выгодъ и простого народа,

находящагося въ его владѣніи, будучи довольно состояніемъ и и платежами принадлежащихъ ему людей.

Покончивъ съ мнѣніями и проэктами депутатовъ, желавшихъ улучшенія быта крѣпостныхъ крестьянъ, мы посмотримъ, соглашались ли на какія-нибудь мѣры въ ихъ пользу представители консервативной партіи. Депутатъ Протасовъ, котораго предшествующіе изслѣдователи по недоразумѣнію считали защитникомъ постепенной реформы [1], какъ оказывается, вовсе ея не желалъ. Указавъ на непослѣдовательность въ мнѣніи Коробьина (дать крестьянину право собственности и въ тоже время оставить его личность въ зависисимости отъ помѣщика), онъ затѣмъ продолжаетъ: «и такъ, по его мнѣнію, иного не остается» (т. е. въ томъ случаѣ, если желаютъ, чтобы крестьянинъ пользовался дѣйствительнымъ, а не фиктивнымъ правомъ собственности), «какъ сдѣлать крестьянъ свободными, еслибы на то монаршее соизволеніе было, и ничего, кажется, нѣтъ природнѣе человѣку, какъ вольность; да и для чего бы нижнему роду оной какъ прочимъ не пользоваться, но я на то спрошу, не должно ли разобрать положеніе всякой земли, и не справедливо ли, что не все то можетъ въ одной быть полезно, что въ другой. *Итакъ, по моему, безполезно Россіи, чтобы всѣ члены ея были вольны, ибо въ однихъ ограниченныхъ правленіяхъ нижнему роду вольность сколько-нибудь прилична, да и въ самыхъ тѣхъ государствахъ вольность по большей части вредна бываетъ*». Изъ приведеннаго ясно, что Протасовъ вовсе не желаетъ реформы, хотя бы произведенной «исподволь». Онъ согласенъ только, чтобы владѣльцы отпускали на волю своихъ людей и чтобы этихъ вольноотпущенныхъ уже никому не закрѣпощали. Только такимъ путемъ согласенъ онъ предоставить свободу нѣкоторымъ членамъ низшаго сословія, а это вовсе не даетъ еще права причислять его къ аболюціонистамъ.

Большинство депутатовъ консервативной партіи соглашалось лишь на одну (уже существовавшую) мѣру въ пользу крѣпостныхъ: отдавать подъ опеку имѣнія владѣльцевъ, мучающихъ и раззоряющихъ своихъ крестьянъ. Только Кондыревъ замѣтилъ, что такихъ раззорителей рода человѣческаго слѣдуетъ, подвергнувъ наказанію, какому укажетъ государь по законамъ, исключать изъ дворянскаго общества; да Чаадаевъ соглашался, чтобы составлены были особыя правила, на основаніи которыхъ помѣщика можно было подвергать наказанію за злоупотребленіе властію. Кромѣ того, депутаты Глазовъ и Лопухинъ предлагали предоставить со-

[1] См. слова Д. В. Полѣнова въ «Сбор. Ист. Общ.», т. IV, стр. XVII.

*

бирапіе свѣдѣній о положеніи крѣпостныхъ и вообще обсужденіе крестьянскаго вопроса одной изъ частныхъ комиссій. Такимъ крѣпостническимъ настроеніемъ депутатовъ отъ дворянъ императрица, по свидѣтельству С. М. Соловьева, была весьма недовольна [1].

Итакъ, большинство дворянскихъ депутатовъ было противъ всякой реформы въ бытѣ крѣпостныхъ крестьянъ. Но г. Сергѣевичъ справедливо замѣтилъ [2], что это еще вовсе не доказываетъ, чтобы въ случаѣ голосованія этого вопроса, большинство комиссіи высказалось противъ всякаго улучшенія быта крѣпостного населенія. Представители дворянскаго сословія составляли менѣе одной трети всего числа депутатовъ (въ іюлѣ 1768 г., изъ 531 чел. ихъ было 160); другія же сословія скорѣе высказались бы за крестьянъ, чѣмъ противъ нихъ. Правда, среди всѣхъ ихъ нашлись депутаты, требовавшіе распространенія права владѣть крѣпостными и на людей неблагороднаго происхожденія, но такое требованіе они предъявляли потому, что это право составляло привилегію дворянства; такъ, напримѣръ, купцы жаловались комиссіи, что они не могутъ конкурировать съ дворянами вслѣдствіе того, что тѣ располагаютъ для своихъ фабрикъ и заводовъ даровымъ барщиннымъ трудомъ. Весьма вѣроятно, что большинство депутатовъ не дворянъ поддержало бы проэктъ, до нѣкоторой степени ограничивавшій привилегіи высшаго сословія, которыми оно такъ кичилось. Впрочемъ, какъ мы видѣли, почти всѣ ораторы изъ дворянъ соглашались на одно ограниченіе помѣщичьей власти: запрещеніе торга людьми въ розницу.

В. Семевскій.

---

[1] «Если крѣпостнаго нельзя признать персоною, слѣдовательно, онъ не человѣкъ; но его скотомъ извольте признавать, что къ немалой славѣ и человѣколюбію отъ всего свѣта намъ приписано будетъ. *Все, что слѣдуетъ о рабѣ,* есть слѣдствіе сего богоугоднаго положенія и совершенно для скотины и *скотиною* дѣлано». «Ист. Россіи» XXVII, 329. Мы, впрочемъ, не знаемъ, на какомъ основаніи Соловьевъ относитъ эти слова Екатерины къ дѣятельности комиссіи, такъ какъ они не подходятъ вполнѣ ни къ одной изъ депутатскихъ рѣчей.

[2] «Откуда неудачи екатерининской законодательной комиссіи». «Вѣстникъ Европы», 1878 г., № 1, стр. 258—259.

КРЕСТЬЯНСКІЙ ВОПРОСЪ ПРИ ЕКАТЕРИНѢ II.

VII.

Дѣятельность по крестьянскому вопросу частной комиссіи о разборѣ родовъ государственныхъ жителей. — Проэктъ барона Вольфа, мысли о крестьянахъ Гадебуша, проэкты барона Унгерна-Штернберга и Радванскаго.—Проэктъ правъ третьяго рода жителей, составленный частною комиссіей.—Постановленія относительно крѣпостныхъ въ проэктахъ правъ благородныхъ и средняго рода людей и въ проэктѣ по гражданскому праву.—Проэктъ опредѣленія повинностей крѣпостныхъ крестьянъ, составленный деп. Титовымъ.

Въ то время, когда нѣкоторые депутаты предлагали поручить изслѣдованіе крестьянскаго вопроса особой комиссіи, она уже нетолько существовала, но и приступила къ занятію этимъ предметомъ; это была частная комиссія «о разборѣ родовъ государственныхъ жителей».

Въ каждую изъ такихъ комиссій выбиралось по 5 членовъ, изъ которыхъ двухъ предлагали генералъ-прокуроръ и маршалъ (или одного оба вмѣстѣ); каждый изъ членовъ могъ выбрать себѣ еще помощника, но безъ права голоса. Всѣ частныя комиссіи находились въ непосредственной зависимости не отъ большаго собранія, а отъ одной изъ частныхъ комиссій, такъ называемой дирекціонной; даже выборы въ члены той или другой частной комиссіи происходили только по предложенію этой послѣдней. Правительство имѣло большое вліяніе на составъ частныхъ комиссій, во-первыхъ, потому, что два члена назначались маршаломъ и генералъ-прокуроромъ; а, кромѣ того, императрица нерѣдко совѣтовала черезъ маршала взять въ какую-нибудь комиссію то или другое лицо, члена того или другого сословія [1].

[1] Такъ между, прочимъ, она писала князю Вяземскому: «посылаю росписаніе о нѣкоторыхъ лифляндскихъ чинахъ, выбранныхъ въ депутаты». (Изъ последующаго видно, что дѣло идетъ о членахъ частной комиссіи). «Скажите

Лица, предлагаемыя маршаломъ или генералъ-прокуроромъ, иногда также указывались имъ самою императрицею, для этого она разспрашивала у лично извѣстныхъ ей депутатовъ о нѣкоторыхъ изъ ихъ товарищей [1].

5-го сентября 1767 г., маршалъ заявилъ въ засѣданіи большого собранія, что, по желанію дирекціонной комиссіи, нужно избрать членовъ въ комиссію о разборѣ государственныхъ родовъ. Стали называть кандидатовъ, которыхъ набралось болѣе 50-ти человѣкъ; при баллотировкѣ, продолжавшейся въ трехъ засѣданіяхъ, большинство голосовъ получили: гр. Ѳед. Орловъ (оберъ-прокуроръ въ сенатѣ), гр. Я. Брюсъ, кн. Голицынъ, генералъ-фельдцейхмейстеръ Вильбоа и адмиралъ И. Чернышевъ. Но маршалъ предложилъ депутата отъ города Архангельска, Свѣшникова, а генералъ-прокуроръ бар. Іогана-Адольфа Унгерна-Штернберга (послѣдній, впрочемъ, и во время баллотированія въ комиссіи, получилъ довольно значительное количество голосовъ). Эти два депутата заняли мѣста въ частной комиссіи вмѣсто Вильбоа и адмирала И. Чернышева, а остальными членами, согласно выбору, сдѣлались: Ѳ. Орловъ, Я. Брюсъ и князь Голицынъ [2]. Назначеніе Свѣшникова можно объяснить желаніемъ правительства, чтобы въ комиссіи, составляющей проэкты правъ различныхъ сословій, былъ бы представитель и купечества; но для сочиненія проэкта закона о правахъ «средняго рода людей» была впослѣдствіи избрана особая частная комиссія; поэтому гораздо полезнѣе было бы участіе въ комиссіи, которая много потрудилась надъ составленіемъ законовъ о крестьянахъ, кого-либо изъ представителей свободнаго сельскаго населенія Россіи. Что касается Унгерна-Штернберга, одного изъ депутатовъ отъ лифляндскаго дворянства, то въ немъ комиссія о государственныхъ родахъ пріобрѣла весьма дѣятельнаго члена, но по отношенію къ крестьянскому вопросу слишкомъ проникнутаго мнѣніемъ о превосходствѣ остзейскихъ порядковъ, хотя это не значитъ, чтобы онъ принадлежалъ къ числу консерваторовъ.

изъ нихъ нѣкоторымъ, чтобы взяли одного изъ черносошныхъ или государственныхъ крестьянъ въ помощники». Сочин. Екатерины, изд. Смирдина, III, 492.

[1] Однажды она спросила у бар. Унгернъ-Штернберга, что за человѣкъ депутатъ отъ города Дерпта, Гадебушъ. Тотъ отвѣчалъ, что онъ «достойный, способный человѣкъ и хорошій христіанинъ». — «Кого вы называете хорошимъ христіаниномъ? Кто изучалъ римское право?» замѣтила императрица. — «Нѣтъ, онъ знакомъ нестолько съ римскимъ, но и съ естественнымъ правомъ», отвѣчалъ Унгернъ. См. ст. «Gadebusch in der Reichsversammlung zu Moskau», Baltische Monatsschrift, 1862 г. Bd. V, 151. Объ участія императрицы въ назначеніи членовъ комиссій смотри еще Сбор, Ист. Общ. X, 285.

[2] Неизданный дневникъ Гадебуша на нѣмецкомъ языкѣ въ отдѣленіи рукописей публичной библіотеки.

Тотчасъ по избраніи, члены комиссіи о разборѣ государственныхъ родовъ удалились въ особое засѣданіе, которое открыли чтеніемъ полученнаго ими наставленія изъ дирекціонной комиссіи. Во время третьяго засѣданія, члены объявили, кого они избрали своими помощниками [1]. Оказалось, что 4 изъ 11, засѣдавшихъ въ этой комиссіи, были остзейцы.

Г. Сергѣевичъ справедливо обратилъ вниманіе на тотъ существенный недостатокъ въ организаціи частныхъ комиссій, что дѣятельность ихъ не была приведена въ должную зависимость и связь съ работами большой комиссіи. Другимъ важнымъ недостаткомъ, вредившимъ успѣшности дѣйствій этихъ комиссій, была весьма частая смѣна ихъ членовъ, вслѣдствіе чего приходилось иной разъ вновь передѣлывать уже сдѣланное въ прежнихъ засѣданіяхъ, но оставшееся неизвѣстнымъ вновь вступившимъ членамъ. Не могло быть также полезно и нерѣдкое отсутствіе членовъ по случаю правительственныхъ командировокъ или по своей надобности.

Въ одномъ изъ первыхъ засѣданій, по предложенію Ѳ. Орлова, планъ работъ комиссіи былъ раздѣленъ на 3 части: 1) о дворянствѣ, которое составляетъ 4 степени: князья, графы, бароны и дворяне, 2) о среднемъ родѣ людей, или мѣщанахъ, въ составъ которыхъ входитъ 8 степеней: бѣлое духовенство, ученые, художники, купцы, ремесленники, приказные, разночинцы и вольноотпущенные и 3) о третьемъ родѣ или поселянахъ, которые раздѣляются на двѣ степени — свободныхъ и несвободныхъ. Планъ этотъ былъ утвержденъ дирекціонной комиссіей. Собрать матеріалы о дворянствѣ взялся гр. Брюсъ, о среднемъ родѣ или мѣщанахъ — Свѣшниковъ, о поселянахъ — Унгернъ Штернбергъ «и положили между собою», сказано въ дневныхъ запискахъ, «что изъ другихъ европейскихъ узаконеній и правъ, выбирая приличное къ онымъ матеріямъ, переводить каждому принадлежащее къ своей матеріи, которыя послѣ читать въ комиссіи для общаго разсужденія»; для этого потребовали изъ дирекціонной комиссіи книги и разные необходимые матерьялы.

---

[1] Князь Александръ Голицынъ избралъ депутата отъ города Нарвы—Штральборна, Свѣшниковъ—депутата отъ города Томска—Ѳомина, графъ Брюсъ — представителя калужскаго дворянства князя Тюфякина, баронъ Унгернъ-Штернбергъ—одного изъ эстляндскихъ депутатовъ отъ дворянства, барона фонъ-Зальца, а затѣмъ еще бар. Вольфа. (Унгернъ-Штернбергъ хотѣлъ взять своимъ помощникомъ Гадебуша, но оказалось, что онъ ничего не понимаетъ по-русски, какъ и большинство другихъ остзейскихъ депутатовъ. См. его рукописный дневникъ, ср. «Balt. Monatsschr.», 1862, V, 145) Помощникомъ Ѳ. Орлова былъ Мотонисъ, одинъ изъ выдающихся малороссійскихъ депутатовъ.

Этимъ собраніемъ матерьяловъ о дворянахъ и крестьянахъ и занималась преимущественно комиссія въ началѣ своей дѣятельности [1]; но трудъ этотъ вовсе не палъ на однихъ Брюса и Унгерна-Штернберга. Началось съ того, что вслѣдствіе временной отлучки, графъ Брюсъ поручилъ собрать матерьялы изъ австрійскихъ законовъ кн. Тюфякину, что тотъ и исполнилъ, а потомъ, по желанію комиссіи, бар. Вольфъ, на основаніи ихъ, составилъ записку о положеніи крѣпостныхъ крестьянъ въ Австріи; затѣмъ, послѣ чтенія нѣкоторыхъ матерьяловъ, члены комиссіи въ началѣ декабря 1767 г. распредѣлили между собою трудъ «выбрать изъ разныхъ чужестранныхъ узаконеній права крестьянъ свободныхъ и крѣпостныхъ».

Первые мѣсяцы 1768 г. комиссія преимущественно занималась составленіемъ проэкта правъ благородныхъ, но затѣмъ въ апрѣлѣ и маѣ членами были представлены обѣщанные ими труды о положеніи крестьянъ въ западной Европѣ, а одинъ изъ нихъ составилъ даже проэктъ законовъ о русскихъ крестьянахъ [2]. Такимъ образомъ, комиссія весьма внимательно занялась изученіемъ положенія иностранныхъ крестьянъ. Не задолго передъ тѣмъ, какъ было окончено собраніе этихъ матерьяловъ, императрица обнародовала (8-го апрѣля 1768 г.) «начертаніе о приведеніи къ окончанію комиссіи проэкта новаго уложенія». Третій отдѣлъ этого начертанія, гдѣ говорилось «о нижнемъ родѣ», служилъ прямою инструкціею для комиссіи, которой поручено было составленіе законовъ о крестьянахъ. Нижній родъ, говоритъ императрица, несмотря на пользу, приносимую имъ обществу, «иногда обремененъ бываетъ... изъ чего слѣдуетъ, что помышлять надлежитъ о такихъ учрежденіяхъ, отъ коихъ бы сей родъ людей нѣкоторую пользу почувствовалъ къ облегченію бремени».

---

[1] Вопросъ же о среднемъ родѣ людей, какъ мы уже упоминали, отошелъ въ вѣдѣніе особой комиссіи.

[2] Баронъ Унгернъ-Штернбергъ сообщилъ «гольштинскія права», а совѣтникъ его бар. Вольфъ «планъ о россійскомъ крестьянствѣ» и мекленбургскія права. Баронъ Зальцъ представилъ три свои сочиненія: описаніе вольности крестьянъ, которые живутъ на островѣ Вормсѣ, принадлежащемъ къ эстляндскому герцогству, права крестьянъ въ Остъ-Фрисландіи и нѣкоторыхъ провинціяхъ Германіи, и права крестьянъ въ Прусскомъ королевствѣ и Польской Пруссіи. Радванскій (вступившій позднѣе къ комиссію) сообщилъ свѣдѣніе «о силѣ правъ польскихъ и малороссійскихъ»; князь Голицынъ о крестьянахъ въ Австріи, Штральборнъ весьма интересную записку о крестьянахъ въ Швеціи и Финляндіи, а также свѣдѣнія о датскихъ и норвежскихъ и т. д. Не всѣ депутаты сами составили записки о положеніи крестьянъ въ той или другой странѣ, такъ, напримѣръ, кромѣ записки Штральборна о Даніи была еще другая, составленная какимъ-то датскимъ подданнымъ. Но отъ этого только выигрывалъ въ интересѣ и достовѣрности собранный матеріалъ.

Начать это дѣло нужно съ изученія современнаго быта крестьянъ. Затѣмъ авторъ, которому изъ Монтескьё было извѣстно французское дѣленіе рабства на «servitude réelle» и «servitude personnelle» объясняетъ: «Извѣстны въ свѣтѣ два рода невольныхъ людей: 1) неволя существенная, 2) неволя личная. Существенная есть та, которая дѣлаетъ человѣка зависящимъ и принадлежащимъ къ тому мѣсту или землѣ, на которой онъ находится. Личная касается до услуженій въ домѣ. Иногда бываютъ обѣ совокупно—существенная и личная [1]. Въ разсужденіе разности состояній въ обширныхъ россійскихъ областяхъ всего нижняго рода, когда государственная какая причина или польза частная не дозволяютъ сдѣлать вездѣ земледѣльцевъ свободными или несвободными, въ томъ опасеніи, чтобы земли не остались оранными черезъ ихъ побѣгъ, то не можно ли сыскать средства, чтобы... привязать къ землѣ и утвердить на ней сихъ самыхъ земледѣльцевъ.—Къ сему разныя есть средства, особливо же и преимущественно такія средства избирать надлежитъ, въ коихъ и хозяину и земледѣльцу равная прибыль окажется... Здѣсь еще и то примѣтать нужно, чтобы всѣ сіи положенія клонилися и поощряли всякаго къ обработыванію земли... Слѣдуя тѣмъ же правиламъ, говоритъ авторъ въ заключеніе:—нѣтъ ли способа найти основаніе, могущее произвести нечувствительно нѣкоторое полезное въ состояніи нижняго рода исправленіе, и пресѣчь всякія злоупотребленія, удручающія сихъ полезныхъ членовъ общества? [2] Такимъ образомъ, наставленіе задавало довольно трудную задачу: надо было обращать столько же вниманія на пользу помѣщика, какъ и крестьянина и произвести «нечувствительно» измѣненіе быта крѣпостного населенія. Словомъ, въ начертаніи императрица еще боязливѣе говоритъ о крестьянскомъ вопросѣ, чѣмъ въ печатной редакціи Наказа [3], но все-таки предписывалось ограничить злоупотребленія и рекомендавалось изученіе положенія крѣпостныхъ крестьянъ въ Россіи. Посмотримъ исполнила ли частная коммиссія даже эти скромныя требованія.

Черезъ три дня послѣ изданія «Начертанія» въ коммиссіи о разборѣ государственныхъ родовъ читано было наставленіе всѣмъ

---

[1] Взято изъ Монтескьё и предполагалось внести въ Наказъ почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, только тамъ сказано было рѣзче: «*Великое злоупотребленіе есть*, когда оно (рабство) въ одно время и личное, и существенное».

[2] Полн. Соб. Зак. XVIII, № 13095.

[3] Интересно сравнить это «Начертаніе» съ «Опытомъ» гр. Шувалова. Въ «Опытѣ» встрѣчаемъ требованіе, чтобы крестьянъ не продавать безъ земли и изъ вотчины въ вотчину безъ ихъ согласія не переводить; дворовыхъ же вовсе не продавать. Въ «Начертаніи» все это исключено.

комиссіямъ, присланное изъ дирекціонной. 20-го мая въ ней разсуждали, какъ приступить къ «плану о крестьянствѣ», и вскорѣ затѣмъ стали читать собранные матерьялы о положеніи крестьянъ въ Малороссіи, Польшѣ и Западной Европѣ, причемъ происходили пренія и нѣкоторыя мѣста были отмѣчаемы членами. Послѣ того естественно было приступить къ изслѣдованію положенія крѣпостныхъ въ Россіи, тѣмъ болѣе, что на это обращало вниманіе и «Начертаніе». Тутъ кстати подоспѣли пренія о крестьянскомъ вопросѣ, вызванныя рѣчью Коробьина; всѣ эти мнѣнія были въ это время переданы въ комиссію, о которой мы говоримъ; принялись за ихъ чтеніе, несмотря на то, что содержаніе ихъ было уже извѣстно, такъ какъ члены комиссіи присутствовали на засѣданіи большого собранія. Несмотря на то, что въ нихъ было весьма мало фактическихъ указаній о положеніи крестьянъ, комиссія ими удовольствовалась и не прибѣгла ни къ какимъ способамъ собранія нужныхъ для нея свѣдѣній, предполагая, вѣроятно, что положеніе нашихъ крѣпостныхъ достаточно извѣстно. Затѣмъ читали выписки, расположенныя въ систематическомъ порядкѣ изъ наказовъ отъ дворянъ и присутственныхъ мѣстъ.

Въ концѣ августа 1768 г., приступая къ составленію крестьянскихъ правъ, члены комиссіи рѣшили впредь собираться по 5 разъ въ недѣлю, между тѣмъ, какъ до того они съѣзжались 4 раза. Однако, и послѣ того продолжались еще подготовительныя занятія: читали различные указы, выписки изъ литовскаго статута, извлеченія изъ крестьянскихъ наказовъ. Кромѣ того, во многихъ засѣданіяхъ разсматривали проэктъ о среднемъ родѣ людей, составленный особою комиссіею. Въ концѣ октября, комиссія въ виду того, что всѣ свѣдѣнія, какія она могла, по ея мнѣнію, собрать, были прочитаны, поручила своимъ членамъ, Ренненкампфу и бар. Унгернъ-Штернбергу, собрать изъ всего читаннаго о третьемъ родѣ людей «замѣченныя и нужныя о оной части принадлежности, привесть оныя въ порядокъ и представить комиссіи на разсмотрѣніе», а пока эта работа не будетъ окончена, не собираться, а ѣздить только въ большое собраніе. Однако, собранія частной комиссіи хотя и сдѣлались рѣже, но все-таки не прекращались совершенно [1]. Между тѣмъ Унгернъ-Штернбергъ работалъ на дому (и притомъ работалъ одинъ, такъ какъ Ренненкампфъ въ декабрѣ выбылъ изъ комиссіи) и пріѣзжалъ только на тѣ засѣданія, въ которыхъ всего менѣе нужно было его присутствіе, а именно когда читали большой Наказъ.

[1] Въ это время были, между прочимъ, вновь перечитаны всѣ собранные матеріалы о положеніи крестьянъ въ иностранныхъ государствахъ, вслѣдствіе того, что составъ комиссіи совершенно измѣнился.

Наконецъ, въ концѣ апрѣля 1769 г., т. е. черезъ полгода послѣ того, когда Унгерну-Штернбергу была поручена эта работа и когда большая комиссія уже была распущена, онъ представилъ составленный имъ на нѣмецкомъ языкѣ проэктъ крестьянскихъ правъ. Послѣ того, какъ, по приказанію генералъ-прокурора, онъ былъ переведенъ на русскій языкъ, члены комиссіи втеченіе 2 мѣсяцевъ занимались его обсужденіемъ. Они представили на него письменныя замѣчанія, которыя, къ сожалѣнію, не всѣ сохранились; депутатъ Радванскій, кромѣ того, предложилъ вниманію комиссіи свой собственный проэктъ. Выслушавъ всѣ эти документы, она въ концѣ августа 1769 г. приступила, наконецъ къ составленію своего проэкта о правахъ крестьянъ [1].

Однако, прежде чѣмъ обратиться къ изученію проэкта, составленнаго комиссіею, мы должны познакомиться съ проэктами ея членовъ—Вольфа, Унгерна-Штернберга, Радванскаго и съ замѣчаніями Радванскаго и Титова (одного изъ новыхъ членовъ) на проэктъ Унгерна-Штернберга.

Съ бар. Вольфомъ мы встрѣтились уже, когда говорили о крестьянскомъ вопросѣ въ вольномъ экономическомъ обществѣ; онъ находилъ тогда, что ни одно изъ сочиненій, которымъ было выражено одобреніе, его не заслуживаетъ. Такая строгость объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что въ то время, когда въ вольномъ экономическомъ обществѣ происходили пренія о напечатаніи русскаго перевода сочиненія Беарде, Вольфъ уже представилъ въ комиссію о разборѣ государственныхъ родовъ свой собственный проэктъ, сравнительно съ которымъ всѣ остальныя произведенія казались ему слишкомъ слабыми и ничтожными.

Вольфъ дѣлитъ всѣхъ крестьянъ на три разряда: 1) однодворцы и пахотные солдаты, 2) государственные крестьяне и 3) дворцовые, экономическіе и помѣщичьи. На первыхъ двухъ классахъ онъ останавливается довольно мало, за то подробно говоритъ о третьемъ, или лучше сказать, о крѣпостныхъ крестьянахъ, къ которымъ онъ хотѣлъ приравнять населеніе дворцовыхъ и экономическихъ вотчинъ.

Онъ находитъ нужнымъ, чтобы само дворянство точно опредѣлило, «сообразно съ мѣстными обычаями и мѣстною практикою», сколько дней въ недѣлю долженъ работать крестьянинъ въ пользу помѣщика съ каждой сохи и какіе вносить ему поборы, не желая, чтобы правительство вмѣшивалось въ это дѣло. Онъ признаетъ право помѣщика продавать крестьянъ безъ земли,

---

[1] «Дневныя записки комиссіи о разборѣ государственныхъ родовъ» въ Арх. II отдѣленія.

считая только справедливымъ и гуманнымъ не разлучать родителей съ маленькими дѣтьми и мужа съ женой. Жениться крестьяне одного помѣщика должны, не внося ни какой платы, если же кто беретъ дѣвушку изъ чужой деревни, то долженъ заплатить за нее выводъ, если только владѣльцы этихъ имѣній не мѣняются невѣстами. Авторъ проэкта даетъ крестьянамъ нѣкоторую долю самоуправленія: «господинъ дозволяетъ крестьянскому обществу выбирать своихъ сельскихъ властей — старостъ, сотскаго, судью, которые должны судить крестьянъ за всякіе проступки: непослушаніе, пьянство, мелкое воровство и лѣность, разбирать всѣ споры и наказывать виновныхъ... Ни одинъ управляющій не долженъ помимо этихъ выборныхъ властей, утвержденныхъ господиномъ, мучить крестьянъ какъ ему вздумается и невинно наказывать ихъ». Выборные должны каждое воскресенье по утрамъ чинить свой судъ и расправу на помѣщичьемъ дворѣ въ присутствіи крестьянъ. Тѣхъ, кто не слушается господина, управляющаго или приказчика, не во-время является на работу или совершенно выходитъ изъ повиновенія, должно при всемъ мірѣ наказать розгами, причемъ выборныя власти, вмѣстѣ со всѣми крестьянами, опредѣляютъ размѣръ наказанія, а господину предоставляется право его уменьшить. Пойманнаго бѣглаго крестьянина господинъ можетъ наказать розгами передъ церковью въ присутствіи всего міра. Виновные въ подстрекательствѣ къ волненіямъ и безпорядкамъ предаются земскому суду, который и наказываетъ ихъ по закону.

Обязанность крестьянскихъ выборныхъ властей не ограничивается по проэкту Вольфа отправленіемъ правосудія: они должны собирать подушныя подати, разложенныя по тягламъ, наблюдать, чтобы мужья не тиранили своихъ женъ, чтобы крестьяне хорошо обработывали землю и не лѣнились; имъ предоставлена даже власть неженатыхъ парней распредѣлять между ослабѣвшими хозяйствами и вдовами (Вольфъ не дозволяетъ имъ уходить въ отхожіе промыслы, чтобы они не забыли земледѣлія). Старосты должны смотрѣть также, чтобы, въ случаѣ пожара, крестьяне всей вотчины привезли бревенъ для погорѣвшаго и помогли ему строиться; на ихъ обязанности лежитъ еще наблюденіе затѣмъ, чтобы не происходило семейныхъ раздѣловъ безъ согласія господина.

Вольфъ дозволяетъ крестьянину распоряжаться своимъ движимымъ имуществомъ, но лишь по уплатѣ всѣхъ податей и сборовъ на помѣщика и то съ условіемъ, чтобы о каждой продажѣ они доводили до свѣдѣнія господина и сохраняли бы все необходимое для полевыхъ работъ. — Права собственности на землю

Вольфъ не предоставляетъ крестьянамъ: за лѣность, нерадѣніе и пьянство, если не помогаютъ другія наказанія, помѣщикъ можетъ лишить его земли и сдѣлать хозяина батракомъ, точно также, какъ и обратно. Любопытно, что, несмотря на вліяніе на него во многихъ отношеніяхъ остзейскихъ порядковъ, Вольфъ не рѣшается требовать уничтоженія общиннаго землевладѣнія: какъ помѣщикъ петербургской губерніи, гдѣ существовали передѣлы земли, онъ видѣлъ силу и живучесть обычая пользоваться землею на общинномъ правѣ и признавалъ нѣкоторыя полезныя стороны такого порядка. Поэтому, онъ прямо говоритъ, что «землю, отданную господиномъ въ пользованіе деревни, крестьяне должны дѣлить между собою по числу взрослыхъ работниковъ»; онъ хотѣлъ бы только устранить слишкомъ частые передѣлы и потому прибавляетъ: «но, *если земли довольно*, они должны оставлять извѣстныя полосы для подростающаго поколѣнія, такъ чтобъ не производить, какъ это было по старому обычаю, ежегодныхъ передѣловъ земли; за этимъ должны присматривать старосты». Такимъ образомъ, общинное землевладѣніе остается неприкосновеннымъ, и участка земли не лишается вдова съ малолѣтними дѣтьми, если она можетъ обработать его съ помощью батраковъ; въ противномъ случаѣ, весь міръ долженъ взять на себя уплату за эту семью всѣхъ податей и сборовъ, и пользоваться ея землями, но только до тѣхъ поръ, пока подростутъ дѣти. Что касается размѣра крестьянскихъ надѣловъ, то, по мнѣнію Вольфа, на соху необходимо дать по три десятины земли въ каждомъ полѣ, т. е. по девяти десятинъ одной пашни. Такое требованіе высказываетъ человѣкъ, хорошо знающій крестьянскій бытъ и пользовавшійся въ свое время извѣстностью опытнаго хозяина, членъ вольнаго экономическаго общества; нельзя не обратить на это вниманія тѣхъ нашихъ публицистовъ, которые полагаютъ, что въ настоящее время у крестьянъ совершенно достаточно земли.

Если помѣщикъ мучаетъ крестьянъ или отнимаетъ у нихъ движимое имущество, то они могутъ жаловаться на него черезъ своимъ старшинъ, а не цѣлою толпой; въ случаѣ справедливости жалобы имѣніе виновнаго помѣщика отдаютъ подъ опеку.

Не признавая за правительствомъ права своею властью рѣшить крестьянскій вопросъ, авторъ проэкта говоритъ, что «только одинъ господинъ имѣетъ право отпустить своего крѣпостнаго на волю».

Хотя Вольфъ требовалъ опредѣленія крестьянскихъ повинностей сообразно старымъ обычаямъ, но онъ самъ ихъ нарушаетъ. По разсчету, приложенному имъ въ концѣ мнѣнія, ока-

зывается, что доходъ съ 1,000 душъ можетъ простираться до 6,000 р., слѣдовательно, можно требовать оброка по 6 руб. съ души, а между тѣмъ, экономическіе и дворцовые крестьяне платили въ это время двухрублевый оброкъ, помѣщичьи всего чаще отъ двухъ до трехъ рублей, такъ что пятирублевый оброкъ императрица Екатерина считала большимъ притѣсненіемъ. Быть можетъ, такіе большіе сборы и существовали въ Петербургской губерніи, гдѣ находилось помѣстье Вольфа, такъ какъ тамъ крестьяне могли имѣть большіе заработки вслѣдствіе близости столицы, но очевидно, что такой размѣръ оброка вовсе не могъ быть принятъ общею нормою. (Мы увидимъ ниже, что онъ ошибочно оцѣнилъ доходность имѣнія). Проэктъ Вольфа вообще не заключаетъ почти никакихъ предложеній, осуществленіе которыхъ могло бы принести пользу крестьянамъ; можно упомянуть только о предоставленіи крестьянамъ права жаловаться, да еще сказать автору спасибо за то, что онъ не требовалъ, какъ нѣкоторые остзейскіе нѣмцы, уничтоженія общиннаго землевладѣнія. Тамъ же, гдѣ онъ становится въ разрѣзъ съ порядками и обычаями, выработанными народною жизнью (какъ напримѣръ, дозволеніе распредѣлять неженатыхъ парней по разнымъ дворамъ или запрещеніе отхожихъ промысловъ) его предложенія весьма неудачны [1].

Барону Унгерну-Штернбергу было поручено собирать матеріалы о «третьемъ родѣ людей» еще ранѣе, чѣмъ Вольфъ представилъ свой проэктъ. Вечеромъ того же дня, когда состоялось это постановленіе, помощникъ Унгерна, баронъ Зальцъ отправился къ депутату отъ города Дерпта, Гадебушу, и просилъ его составить записку о правахъ крестьянскаго сословія. Гадебушъ ссылался на то, что, по недостатку матерьяловъ, онъ не можетъ составить ничего обстоятельнаго и вполнѣ достовѣрнаго, но такъ какъ Зальцъ настаивалъ, то онъ обѣщалъ написать ему, что можетъ, по памяти.

Записка Гадебуша, написанная подъ заглавіемъ: «Мысли о крестьянскомъ сословіи», сохранилась въ приложеніи къ его неизданному дневнику. Она весьма не велика: въ ней можно найти нѣсколько отрывочныхъ свѣдѣній о положеніи крестьянъ въ западной Европѣ, но вслѣдствіе недостатка подъ руками источниковъ, его показанія весьма неопредѣленны, а своихъ желаній объ измѣненіи быта крестьянъ онъ высказываетъ мало. Однако, несмотря на краткость его записки, онъ включилъ въ нее требованіе, чтобы крѣпостнымъ дано было право собствен-

---

[1] Проэктъ Вольфа (на нѣмецкомъ языкѣ) см. въ архивѣ II Отдѣленія.

ности на движимое имущество, чтобы имъ предоставлено было жениться на комъ они хотятъ, безъ уплаты выводныхъ денегъ, такъ какъ это препятствуетъ увеличенію народонаселенія, и наконецъ, чтобы опредѣлена была сумма, за которую крѣпостной могъ бы выкупиться на свободу [1]. Такимъ образомъ, Гадебушъ идетъ все-таки нѣсколько далѣе Вольфа въ требованіяхъ относительно улучшенія быта крѣпостныхъ крестьянъ.

Проэктъ Вольфа и записка Гадебуша послужили одними изъ матерьяловъ для Унгерна-Штернберга при составленіи его собственнаго проэкта; кромѣ того, у него были подъ руками свѣдѣнія о правахъ крестьянъ въ западной Европѣ, мнѣнія депутатовъ по вопросу, поднятому Коробьинымъ, выписки изъ наказовъ депутатамъ въ комиссіи уложенія и различныя прежнія постановленія, изданныя по этому предмету въ Россіи. Посмотримъ, какъ онъ воспользовался всѣми матерьялами и сопоставимъ его проэктъ какъ съ замѣчаніями Радванскаго и Титова, такъ и съ проэктомъ Радванскаго, который самъ по себѣ представляетъ мало интереса.

Унгернъ-Штернбергъ раздѣляетъ всѣхъ крестьянъ въ Россіи на три разряда: 1) государственные крестьяне, а именно: черносошные, однодворцы, старыхъ службъ служилые люди и проч.; 2) вольные крестьяне въ Украйнѣ, въ Финляндіи и на нѣкоторыхъ островахъ Балтійскаго моря и 3) «крестьяне невольные или крѣпостные», которые «крѣпки либо казнѣ, либо помѣщикамъ». Мы будемъ говорить только объ его предложеніяхъ относительно крѣпостныхъ крестьянъ. Унгернъ-Штернбергъ не предлагаетъ также, какъ и Вольфъ, опредѣлить закономъ размѣръ крестьянскихъ повинностей. Какъ барщину, такъ и оброкъ назначаетъ помѣщикъ, который «по платежѣ оброка и исправленіи господской работы не властенъ никакихъ поборовъ больше требовать и ничѣмъ не отягощать». Само собою разумѣется, что послѣднее правило вовсе не спасало крестьянина отъ притѣсненій со стороны помѣщика, такъ какъ въ слѣдующій годъ онъ могъ возвысить поборы, на сколько ему угодно. Весьма вѣроятно, что Унгернъ желалъ ограниченія въ этомъ отношеніи власти помѣщика, но, на основаніи преній по поводу мнѣнія Коробьина, полагалъ, что такое предложеніе не было бы принято. Мы думаемъ такъ потому, что къ вышеприведенному мѣсту онъ сдѣлалъ слѣдующее примѣчаніе: «въ завоеванныхъ провинціяхъ, яко то въ Лифляндіи, на островѣ Эзелѣ, Эстляндіи и Финлян-

[1] Эта записка составляетъ приложеніе къ неизданному дневнику Гадебуша, который хранится въ отдѣленіи рукописей публичной библіотеки.

діи назначены и установлены какъ поборы казенные, такъ и помѣщичьи и исправляемая крестьянами работа ревизіею на вѣчныя времена», и притомъ умолчалъ, что относительно помѣщичьихъ крестьянъ установленные размѣры повинности весьма часто нарушаются.

По проэкту Унгерна, помѣщикъ можетъ изъ своихъ крестьянъ брать къ себѣ въ услуженіе, сколько захочетъ, людей обоего пола, но за то долженъ кормить ихъ и давать имъ жалованье. Радванскій и Титовъ предлагали не упоминать о жалованьи, желая предоставить это усмотрѣнію помѣщика. Далѣе въ проэктѣ Унгерна сказано, что помѣщикъ можетъ отдавать своихъ людей въ обученіе мастерству, но только обученному долженъ давать содержаніе и плату за работу. Радванскій и на этотъ разъ протестовалъ противъ назначенія жалованья, а Титовъ, кромѣ того, требовалъ, чтобы лѣниваго мастероваго можно было посадить на пашню или опредѣлить въ другую работу.

При продажѣ людей, Унгернъ желалъ запретить разлучать мужа съ женой, родителей съ дѣтьми, нуждающимися въ ихъ присмотрѣ. Титовъ предлагалъ пояснить, что тутъ слѣдуетъ разумѣть дѣтей моложе семи лѣтъ. Унгернъ находилъ нужнымъ установить еще другое ограниченіе торговли людьми: господинъ можетъ продавать своихъ крестьянъ только такому помѣщику, который самъ имѣетъ деревни, чтобы, такимъ образомъ, они только переселялись съ одной земли на другую. Радванскій нашелъ это предложеніе полезнымъ, однако, въ своемъ проэктѣ измѣнилъ его къ худшему, формулировавъ его такимъ образомъ, чтобы помѣщику было дозволено продавать крестьянъ, въ случаѣ недостатка у него земли, такимъ лицамъ, которымъ по закону дозволено покупать крѣпостныхъ, слѣдовательно, по его проэкту могъ купить крѣпостныхъ и безземельный дворянинъ.

Мы видѣли, что Гадебушъ настаивалъ на дозволеніи крестьянамъ жениться, на комъ они захотятъ, безъ платы выводныхъ денегъ. Это требованіе вошло и въ проэктъ Унгерна, который прибавилъ только, что для избѣжанія безпорядка, какъ женихъ, такъ и невѣста должны имѣть отъ своего господина вѣнечныя памяти, въ выдачѣ которыхъ помѣщикъ не можетъ отказать имъ безъ законной причины. При этомъ авторъ проэкта напоминаетъ, что въ Прибалтійскомъ краѣ крестьянинъ имѣетъ право жаловаться на помѣщика консисторіи, если тотъ безъ уважительной причины препятствуетъ браку. Радванскій, напротивъ, стоитъ за сохраненіе власти помѣщика и въ этомъ отношеніи, утверждая, что мѣра, предлагаемая Унгерномъ, будетъ

вредна для самихъ крестьянъ, такъ какъ тогда «бѣдный крестьянинъ никогда женатъ не будетъ, а особливо вдовый, оставшись со многими малолѣтными дѣтьми: никто за него отдать не похочетъ, а помѣщики нынѣ покупаютъ или изъ своихъ сиротъ за таковыхъ выдаютъ, и льготу даютъ въ работѣ, и тѣмъ небогатый возстановляетъ свой домъ, а особливо, когда выдадутъ изъ достаточнаго дома вдову или дѣвку». Кромѣ того, въ подтвержденіе своего мнѣнія, Радванскій указывалъ, что обычай требовать выводныхъ денегъ нетолько привился къ нашимъ нравамъ, но что ихъ берутъ крестьяне и сами между собой [1]. Поэтому, онъ находилъ, что уничтожить плату за выводъ и устранить необходимость согласія помѣщика на женитьбу крѣпостныхъ, значитъ только лишить его дохода; крестьяне же одного помѣщика, по его словамъ, всегда будто бы вступаютъ въ бракъ безпрепятственно и по своему желанію. По поводу ссылки Унгерна на право крестьянъ въ Прибалтійскомъ краѣ жаловаться на помѣщика консисторіи, если онъ препятствуетъ женитьбѣ, Радванскій просилъ отвѣтить: «получалъ ли тамъ кто-либо изъ нихъ удовлетвореніе въ своей просьбѣ, хотя бы черезъ 50 лѣтъ». Однимъ словомъ, Радванскій и Титовъ предлагали постановить, чтобы крестьяне одного помѣщика вступали въ бракъ съ его согласія, но безъ всякой платы; при женитьбѣ же на посторонней дѣвушкѣ, нужно увольнительное письмо отъ ея господина.

Въ случаѣ женитьбы крѣпостнаго на свободной, Унгернъ находилъ необходимымъ, чтобы жена и дѣти дѣлались также крѣпостными. Радванскій соглашался съ этимъ, такъ какъ «по рабѣ холопъ и по холопѣ раба», но въ этомъ отношеніи онъ оказался нѣсколько либеральнѣе Унгерна и въ своемъ проэктѣ предлагалъ постановить, что дѣвушки изъ государственныхъ, экономическихъ, дворцовыхъ и т. п. деревень, выданныя замужъ за крѣпостнаго, могутъ возвратиться въ свое прежнее состояніе, если у нихъ не будетъ дѣтей [2].

Относительно права владѣльца наказывать крестьянъ, находимъ въ проэктѣ Унгерна такое правило: хотя помѣщики за

---

[1] Дѣйствительно, мы имѣли случай указать на такой обычай среди одной волости конюшенныхъ крестьянъ, гдѣ отцы взыскивали съ жениха за свою дочь не менѣе 15, а иногда даже до 150 руб. См. статью «Крестьяне дворцоваго вѣдомства» «Вѣстникъ Европы» 1878 г. № 6, стр. 433—434.

[2] Кн. М. Щербатовъ также предлагалъ въ комиссіи о правахъ средняго рода людей, что вольныя дѣвушки, вышедшія замужъ за крѣпостныхъ, по смерти мужей, опять дѣлались бы свободными. См. *Пекарскій*. Дополненія къ исторіи масонства. Спб. 1869 г., стр. 18.

упрямство, непослушаніе и другія вины могутъ подвергать крестьянъ всякимъ тѣлеснымъ наказаніямъ, «однако, не имѣютъ права такъ жестоко наказывать, чтобы отъ того вредъ сдѣлаться могъ ихъ тѣлу, здоровью или жизни, а только чтобъ это было умѣренное и христіанское домашнее исправленіе». Радванскій замѣтилъ, что такое «увѣщаніе» неумѣстно въ законахъ, а нужно категорически постановить, можетъ ли помѣщикъ наказывать крестьянъ или нѣтъ, «а въ наказаніи границъ положить не можно, потому что и судья штрафуетъ, смотря по винѣ, больно или легко»... Помѣщикъ «отвѣчаетъ въ излишнемъ наказаніи самому Богу».

Относительно суда въ крестьянскихъ дѣлахъ, Унгернъ предлагалъ установить три инстанціи: въ дѣлахъ гражданскихъ между крѣпостными, а также между ними и посторонними, первые подлежатъ прежде всего суду изъ деревенскихъ старшинъ подъ наблюденіемъ господина, помѣщикъ составляетъ вторую инстанцію, а третью — земскій судъ, учрежденный въ каждой провинціи или уѣздѣ; далѣе, крѣпостнымъ апелляціи не давать; въ уголовныхъ же дѣлахъ они подлежатъ исключительно правительственнымъ судамъ. Радванскій категорически высказывается противъ крестьянскаго суда изъ выборныхъ, такъ какъ это поведетъ къ бунтамъ противъ помѣщиковъ. Отдѣлять земскій судъ отъ помѣщичьяго, по его мнѣнію, также не надо, такъ какъ «дворяне правятъ деревнями по власти государевой, по той же власти и земскіе суды производятся». Земскій судъ онъ считаетъ нужнымъ только для разбора спорныхъ дѣлъ между крестьянами разныхъ владѣльцевъ. Семейные раздѣлы, по мнѣнію Унгерна и Радванскаго, должны производиться не иначе, какъ съ согласія помѣщика.

«Движимое имущество, говоритъ Унгернъ:—за уплатою податей и повинностей помѣщику, принадлежитъ крестьянину неограниченно»; напротивъ, Радванскій находитъ вреднымъ предоставленіе ему права собственности, такъ какъ онъ можетъ растратить свои пожитки, и въ своемъ проэктѣ требуетъ, чтобы крестьянинъ могъ продавать хлѣбъ, нужный для посѣва и прокормленія семьи, а также необходимыя для земледѣлія орудія — лошадей и скотъ, не иначе, какъ съ позволенія господина или приказчика.

Земля, разумѣется, оставалась собственностію помѣщика, и, по проэкту Унгерна, помѣщикъ могъ крестьянина, плохо ведущаго хозяйство, лишить его участка и отдать въ работники.

Унгернъ даетъ крестьянамъ право жаловаться на помѣщика, который мучаетъ ихъ и налагаетъ «несносныя тягости и по-

боры»; Радванскій находитъ это опаснымъ и въ своемъ проэктѣ предоставлялъ инипіативу преслѣдованія жестокихъ помѣщиковъ правительству, до котораго, при лишеніи крестьянъ права жаловаться, могла бы, разумѣется, доходить вѣсть лишь о самыхъ громкихъ, вопіющихъ злоупотребленіяхъ. Титовъ, хотя и не лишаетъ крѣпостныхъ этого права, но, еслибы были приняты предложенныя имъ правила, помѣщикъ едва ли когда-либо подвергся отвѣтственности. Если, говоритъ онъ, «отъ господина несносныя будутъ мученія или раззорительные поборы, каковыхъ въ томъ уѣздѣ ни у котораго господина на крестьянъ не налагается», въ такомъ случаѣ выборный изъ крестьянъ можетъ принести жалобу земскому судьѣ. Буде по изслѣдованію она окажется справедливою, то земскій судья объявляетъ господину, чтобы онъ «отъ того воздержался, а о необратившемъ вниманіе на это увѣщаніе при первомъ дворянскомъ съѣздѣ доводитъ до свѣдѣнія предводителя и дворянъ. Тамъ всѣ уговариваютъ его, чтобы онъ «поступалъ впредь великодушно»; если онъ все-таки не смирится и на него опять поступятъ жалобы, то на слѣдующемъ съѣздѣ онъ получаетъ выговоръ отъ всего дворянства; когда и это не подѣйствуетъ, то на третьемъ собраніи, съ согласія всѣхъ дворянъ, слѣдуетъ подвергнуть его денежному штрафу и записать о томъ въ журналъ. Только въ такомъ случаѣ, если помѣщикъ будетъ неистовствовать и послѣ всей этой длинной процедуры, дворянство, уже на четвертомъ съѣздѣ, предписываетъ произвести формальное слѣдствіе и просить правительство о назначеніи опеки. Крестьяне же во все это время обязаны находиться въ полномъ послушаніи и, слѣдовательно, переносить отъ помѣщика всевозможныя притѣсненія и истязанія.

Разсматривая въ цѣломъ проэктъ Унгернъ-Штернберга, нельзя не признать, что онъ заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя мѣры, которыя могли бы нѣсколько улучшить положеніе крестьянина, какъ, напримѣръ, ограниченіе торговли крѣпостными людьми въ розницу, предоставленіе имъ полной свободы жениться на комъ они захотятъ и дозволеніе жаловаться на притѣсненія и мучительство отъ помѣщика. Важный недостатокъ этого проэкта—что авторъ его не рѣшился потребовать опредѣленія крестьянскихъ повинностей. Нельзя не пожалѣть, что ни одна изъ предложенныхъ имъ мѣръ не была приведена въ исполненіе [1].

Выслушавъ проэктъ Унгерна-Штернберга и замѣчанія на него, члены комиссіи о разборѣ родовъ государственныхъ жителей

[1] Проэктъ Унгерна, замѣчанія на него Радванскаго и Титова и проэктъ Радванскаго. См. въ Архивѣ II отд.

20-го августа 1769 г. рѣшили сообща трудиться надъ составленіемъ «проэкта правамъ третьяго рода людей», чему и посвятили немало засѣданій [1]. Черезъ два мѣсяца проэктъ былъ совершенно оконченъ и представленъ дирекціонной комиссіи, послѣ чего, такъ какъ всѣ порученныя имъ дѣла были окончены, члены комиссіи рѣшили болѣе не собираться. Въ слѣдующемъ 1770 г., комиссія имѣла еще два засѣданія, на которыхъ не было уже Радванскаго и Унгерна-Штернберга (первый былъ отпущенъ домой, а послѣдній сдѣланъ президентомъ лифляндскаго гофгерихта); въ этихъ засѣданіяхъ разсуждали вмѣстѣ съ «комиссіею о разныхъ установленіяхъ, касающихся до лицъ», о правахъ незаконнорожденныхъ, а въ 1771 г. было одно, послѣднее засѣданіе.

При представленіи проэкта правъ третьяго рода людей дирекціонной комиссіи, ея члены, присутствовавшіе въ этомъ засѣданіи, Д. В. Волковъ, кн. Вяземскій и гр. И. Орловъ (отсутствовали гр. З. Чернышевъ и епископъ Гавріилъ), благодарили комиссію за прилежаніе и труды. Приступивъ къ чтенію проэкта, дирекціонная комиссія посвятила этому пять засѣданій въ ноябрѣ и декабрѣ, да еще въ одномъ засѣданіи въ мартѣ 1770 г. были прочтены присланныя консультантомъ Дювильеромъ примѣчанія на этотъ проэктъ. Любопытно, что члены дирекціонной комиссіи вовсе не считали еще въ то время дѣятельности большой комиссіи поконченною навсегда: вѣдь она была не окончательно распущена, а только отсрочена; поэтому, противъ нѣкоторыхъ пунктовъ проэкта ими было отмѣчено: «разсуждать въ полномъ собраніи». Частныя комиссіи еще долго существовали, въ томъ числѣ и комиссія о разборѣ государственныхъ жителей хотя, вѣроятно, и не было ея засѣданій, такъ какъ дневныя записки не идутъ далѣе 1771 г.; еще въ октябрѣ 1774 г. членъ ея, депутатъ г. Епифани, Свѣтушкинъ, смѣнившій архангельскаго депутата Свѣшникова, составилъ объяснительную записку къ проэкту крестьянскихъ правъ, изъ которой мы приведемъ ниже нѣкоторыя мѣста.

Нужно замѣтить, что къ третьему или нижнему роду людей комиссія отнесла и всѣ кочующіе народы, поэтому она раздѣлила его на двѣ части: на земледѣльцевъ и кочующихъ, а земледѣльцевъ, согласно проэкту Унгерна-Штернберга, на три разряда: государственныхъ поселянъ, свободныхъ и крѣпостныхъ крестьянъ.

---

[1] Во время одного изъ нихъ приходилъ маршалъ большой комиссіи Бибиковъ и принималъ участіе въ обсужденіи проэкта.

Отдѣлъ проэкта, посвященный крѣпостнымъ крестьянамъ, такъ же, какъ и другіе, раздѣленъ на двѣ части: о правѣ личномъ и о правѣ надъ имѣніемъ. Среди личныхъ правъ фигурируетъ, между прочимъ, и право подвергаться наказанію отъ помѣщика. Объ этомъ въ проэктѣ сказано: «хотя помѣщики и властны за упрямство и непослушаніе и за другія вины налагать и исполнять всякія наказанія, однако, не имѣютъ права жестоко ихъ наказывать, но наблюдать умѣренность, чтобы тѣмъ наказаніемъ не повредить членамъ и не лишить жизни». Въ своемъ объясненіи на этотъ пунктъ Свѣтушкинъ говоритъ, что въ особомъ постановленіи должно быть объяснено, какъ велика должна быть «умѣренность» въ наказаніи. Составители проэкта не согласились на предложеніе Унгерна дать крѣпостнымъ право апелляціи на рѣшеніе помѣщика по гражданскимъ дѣламъ въ земскій судъ. Было постановлено, что дѣла между крестьянами одного помѣщика, а также и съ посторонними разбираются въ учрежденномъ помѣщикомъ судѣ изъ крестьянъ; въ случаѣ недовольства его рѣшеніемъ, разбираются помѣщикомъ, а далѣе имъ суда не давать; но если *посторонніе* будутъ недовольны деревенскимъ и помѣщичьимъ судомъ, то они могутъ просить на крѣпостныхъ крестьянъ въ земскомъ судѣ. Въ уголовныхъ дѣлахъ крестьяне подлежатъ исключительно вѣдѣнію правительственныхъ учрежденій. Относительно ограниченія продажи крѣпостныхъ въ розницу было принято одно изъ предложеній Унгерна съ толкованіемъ на него Титова, а именно постановлено, что помѣщики при продажѣ своихъ крестьянъ не могутъ разлучать мужа съ женой и родителей съ малолѣтними дѣтьми менѣе семи лѣтъ. Слѣдовательно, восьми-лѣтній ребенокъ могъ уже быть проданъ отдѣльно отъ семьи. Жаловаться самимъ крестьянамъ не дозволялось: относительно этого была принята редакція проэкта Радванскаго [1]. Переходимъ теперь къ правамъ крестьянъ надъ имуществомъ.

Неограниченнаго права на движимое имѣніе крѣпостные крестьяне не получили: тутъ комиссія воспользовалась проэктами и Унгерна, и Радванскаго. Хотя въ проэктѣ заявлялось, что все движимое имущество составляетъ ихъ собственность, однако же, сдѣлана оговорка, что безъ позволенія помѣщика или управляющаго, крестьянинъ не можетъ продать хлѣба, нужнаго для по-

[1] «Крѣпостные крестьяне, сказано въ проэктѣ комиссіи:—когда отъ своихъ помѣщиковъ будутъ претерпѣвать тиранство или помѣщики будутъ у крестьянъ отнимать беззаконно собственное ихъ имѣніе, *отъ чего они совершенно раззорены быть могутъ, въ такомъ случаѣ имѣютъ право защищены быть въ учрежденныхъ мѣстахъ*».

*

сѣва и прокормленія семейства, а также необходимыхъ для хлѣбопашества орудій, лошадей и скота. Продавать самихъ крестьянъ владѣлецъ долженъ былъ вмѣстѣ съ ихъ пожитками. Въ случаѣ недоимокъ въ податяхъ или оброкѣ, помѣщикъ, согласно съ предложеніемъ Унгерна, могъ продать часть движимаго имущества крестьянина по оцѣнкѣ выборныхъ. Дирекціонная коммиссія, замѣтивъ, что продажу имущества за недоимки едва ли можно отнести къ правамъ крестьянъ, постановила «разсуждать, куда сей пунктъ принадлежитъ». Крестьянинъ, не имѣющій наслѣдниковъ, можетъ завѣщать свое имущество кому захочетъ, но только изъ крѣпостныхъ того же господина; если же онъ умретъ безъ завѣщанія, то оно принадлежитъ помѣщику.

Вся земля составляетъ собственность помѣщика, за данную же въ пользованіе крестьянамъ, они обязаны были работать или платить оброкъ. Размѣръ повинностей опредѣленъ не былъ: предполагалось, что это сдѣлаетъ другая комиссія, а именно, какъ мы увидимъ ниже, комиссія о земледѣліи. Дрова крестьяне могутъ получать изъ лѣсовъ, назначенныхъ господиномъ, а на другія надобности могутъ брать бревна не иначе, какъ съ его позволенія. Ловить рыбу въ рѣкахъ для своего прокормленія дозволяется, но только на ловлю неводами они должны получить разрѣшеніе. Въ случаѣ недостатка земли, помѣщикъ можетъ опредѣлить крестьянамъ на денежный оброкъ «безъ тягости по разсмотрѣнію», и сверхъ положеннаго въ тотъ годъ болѣе брать не долженъ. Крестьяне, которые по бѣдности не въ состояніи заниматься земледѣліемъ, могутъ съ позволенія помѣщика наняться въ услуженіе и работу; деньги, выработанныя такимъ образомъ, за уплатою государственныхъ поборовъ и помѣщичьяго оброка, составляютъ ихъ собственность, «однако должны оныя употреблять въ свою пользу впредь для земледѣлія по учрежденію». Жениться въ предѣлахъ одного имѣнія крестьянамъ дозволено было безъ всякой платы, но не иначе какъ съ согласія помѣщика; для женитьбы на посторонней дѣвушкѣ нужно также позволеніе ея владѣльца и письменный отъ него отпускъ.

Вотъ и всѣ постановленія проэкта, касающіяся крѣпостныхъ. Сравнивая его съ трудомъ Унгерна-Штернберга, мы видимъ, что онъ еще менѣе послѣдняго могъ улучшить бытъ крѣпостныхъ: отброшено требованіе Унгерна дозволить жениться на комъ бы то ни было, не дано права жаловаться, позволено продавать крестьянъ и безземельному дворянину. Такимъ образомъ, только одно постановленіе ограничиваетъ власть помѣщика: запрещеніе разлучать мужа съ женой и родителей съ дѣтьми моложе 7-ми лѣтъ; оно очевидно допущено потому, что на него согласились,

за исключеніемъ одного, всѣ ораторы изъ дворянъ въ большой комиссіи. Требованіе императрицы, высказанное въ «Начертаніи», что нужно ограничить злоупотребленія помѣщиковъ, осталось не выполненнымъ. Нечего жалѣть разумѣется, что такой проэктъ не получитъ силы закона: ни въ чемъ не полагая предѣловъ злоупотребленіямъ помѣщичьей власти, онъ только санкціонировалъ бы ихъ своимъ молчаніемъ или даже прямымъ одобреніемъ [1].

Въ той же комиссіи о государственныхъ родахъ, былъ еще ранѣе составленъ проэктъ правъ благородныхъ, въ которомъ есть также нѣсколько статей относительно крѣпостныхъ крестьянъ; дирекціонная комиссія и здѣсь сдѣлала свои примѣчанія. Такъ, напримѣръ, противъ статьи: «благородные имѣютъ право владѣть деревнями по узаконеніямъ» было отмѣчено: «какъ далеко власть или права владѣльца надъ его деревнями простирается, о томъ поручено трудиться комиссіи о имѣніяхъ». Любопытна слѣдующая статья проэкта: «благородные могутъ, если пожелаютъ, право владѣнія крѣпостныхъ своихъ деревень перемѣнить на право деревень свободныхъ, но свободныхъ деревень паки на право крѣпостныхъ перемѣнить уже не можно». Для правильнаго пониманія этой статьи нужно замѣтить, что, по проэкту правъ третьяго рода людей, составленному комиссіей, свободные крестьяне (подъ которыми разумѣли жителей Малороссіи, Финляндіи и нѣкоторыхъ острововъ Балтійскаго моря) могли переходить съ мѣста на мѣсто, могли жаловаться на помѣщика, пользовались неограниченнымъ правомъ собственности на движимое имущество, но, не имѣя собственныхъ земель, они получали ихъ отъ дворянъ въ пользованіе «на сколько лѣтъ со гласятся», а по истеченіи срока господинъ могъ согнать ихъ съ земли. Слѣдовательно, перемѣна права владѣнія крѣпостныхъ деревень на «право деревень свободныхъ» представляло *освобожденіе крестьянъ безъ земли*, которое поставило бы ихъ въ совершенную экономическую зависимость отъ помѣщиковъ.

Въ одномъ изъ засѣданій комиссіи о среднемъ родѣ людей, князь М. Щербатовъ предлагалъ установить, что помѣщики не должны отпускать на волю старыхъ и увѣчныхъ людей, такъ какъ тѣ не могутъ себя прокармливать, и дѣйствительно, извѣстны случаи, что освобождали и пускали на всѣ четыре стороны 65, 68-лѣтнихъ стариковъ, такъ что сенату приходилось дѣлать распоряженія о возвращеніи такихъ людей помѣщикамъ съ тѣмъ,

---

[1] Проэктъ этотъ, хранящійся въ Архивѣ II Отдѣленія, подписанъ слѣдующими депутатами: отъ дворянства Унгернъ-Штернбергомъ, Радванскимъ, Титовымъ и Анненковымъ и отъ одного изъ городовъ—Свѣтушкинымъ.

чтобы они кормили и содержали ихъ до самой смерти. Однако, несмотря на важность такого предложенія, съ которымъ были согласны остальные члены комиссіи, оно не было включено ни въ одинъ изъ проэктовъ.

Много постановленій о крѣпостныхъ крестьянахъ должно было войти въ проэктъ, который составляла комиссія объ имѣніяхъ. На это указываетъ и приведенное выше замѣчаніе дирекціонной комиссіи, и свидѣтельство Гадебуша, что въ комиссіи объ имѣніяхъ «много толковали о свободѣ крестьянъ и о крѣпостномъ правѣ!» Наконецъ изъ дневныхъ записокъ видно, что въ ней были прочитаны свѣденія о правахъ иностранныхъ крестьянъ, собранныя комиссіею о разборѣ государственныхъ жителей, а затѣмъ и составленный ею проэктъ о третьемъ родѣ людей. Но комиссія объ имѣніяхъ была одна изъ тѣхъ, которыя очень затянули свои работы, несмотря на напоминанія маршала и даже имянной указъ, данный императрицею въ іюнѣ 1771 года, «чтобы господа члены всѣхъ частныхъ комиссій съ возможнымъ прилежаніемъ и постоянствомъ тщились начатое ими дѣло приводить къ окончанію, *а усмотрѣнныя въ медленности, вспоминали бы евангельскую притчу о рабѣ, скрывшемъ таланты и той бы участи остерегались*». Кончилось тѣмъ, что для рѣшенія крестьянскаго вопроса она не сдѣлала ничего, и намъ извѣстно только одно сдѣланное по ея настоянію прибавленіе относительно опеки надъ жестокими помѣщиками въ проэктѣ комиссіи о разныхъ постановленіяхъ, касающихся до лицъ.

Эта послѣдняя комиссія также не окончила возложеннаго на нея дѣла, и отъ нея остались лишь немногія проэкты «по предметамъ гражданскаго права». Между прочимъ, въ отдѣлѣ объ опекѣ она включила постановленіе, чтобы надъ имѣніемъ «жестокосердыхъ владѣльцевъ» опредѣлять опекуновъ, которые, надзирая за ихъ поступками, управляютъ имѣніемъ, но доходы съ него отдаютъ имъ сполна. Отданный подъ опеку владѣлецъ не можетъ уже никакъ наказывать своихъ крестьянъ. Опека установляется слѣдующимъ образомъ: когда судебному учрежденію сдѣлается извѣстно, что какой-либо владѣлецъ безчеловѣчно мучаетъ или отягощаетъ поборами своихъ крестьянъ, то оно должно чрезъ комиссара собрать о немъ свѣденія и потомъ потребовать его къ суду. Если онъ «принесетъ извиненіе», то судъ не назначаетъ надъ нимъ опеки, а, сдѣлавъ ему увѣщаніе, дозволяетъ самому управлять имѣніемъ, наблюдая въ теченіи годового срока, какъ онъ относится къ крестьянамъ; и только неисправившагося отдаетъ подъ опеку. Если же помѣщикъ въ судѣ во всемъ запрется, а по слѣдствію будетъ изобличенъ, то

его имѣніе слѣдуетъ тотчасъ отдать подъ опеку. Нужно замѣтить, что доносы отъ крѣпостныхъ крестьянъ не принимались. Казалось бы, помѣщики не могли пожаловаться на суровость такого закона, но когда проэктъ этотъ былъ внесенъ въ комиссію объ имѣніяхъ, то ея члены, опасаясь, «чтобы различное судей умствованіе иногда не могло послужить ко утѣсненію невинности», и чтобы нужная строгость не принята была за жестокость, по согласію съ членомъ комиссіи, внесшей проэктъ, постановили точнѣе обозначить признаки, «по которымъ жестокосердаго обличить можно». Признаки эти были указаны слѣдующіе: если отъ жестокихъ побоевъ будутъ увѣчные или «кто изъ подчиненныхъ явится въ судебное мѣсто, нося знаки суровыхъ наказаній, простое и обыкновенное наказаніе далеко превосходящіе, и наконецъ, если крестьяне приведены будутъ въ такую скудость, что земли засѣвать не будутъ въ состояніи, а притомъ поборы и оброки помѣщичьи будутъ знатнымъ числомъ превышать поборы и оброки другихъ сосѣднихъ помѣщиковъ». Кромѣ того, было постановлено, чтобы отдавало подъ опеку такого помѣщика «собраніе всего наличнаго дворянства».

Такимъ образомъ, и труды этихъ комиссій не прибавили ничего существеннаго къ проэкту комиссіи о разборѣ государственныхъ родовъ. Единственное постановленіе, впрочемъ, не представляющее новости—объ отдачѣ жестокихъ помѣщиковъ подъ опеку, обставлено было такими условіями, что слишкомъ поздно давало возможность крестьянамъ защититься отъ мученій и преслѣдованій, и то если они принимали вопіющій характеръ и доходили до нанесенія увѣчій.

Изъ объясненія Свѣтушкина видно, что комиссія о разборѣ государственныхъ жителей предоставляла другому учрежденію опредѣлить размѣръ повинностей крѣпостныхъ крестьянъ. Вопросъ этотъ подлежалъ разсмотрѣнію комиссіи о земледѣліи и членъ ея, Голенищевъ-Кутузовъ, въ своемъ проэктѣ по этому предмету говоритъ: «надлежало бы, конечно, сдѣлать твердое положеніе о сборѣ податей съ крестьянъ помѣщикамъ, дабы каждый вѣдалъ свое право: что извѣстное одни давать, а другіе получать должны»; въ различныхъ мѣстахъ повинности и сборы должны быть неодинаковой величины. Но самъ Голенищевъ не разсмотрѣлъ подробнѣе этого вопроса.

За эту работу взялся депутатъ Титовъ, уже извѣстный намъ членъ комиссіи о разборѣ государственныхъ жителей. Въ своемъ проэктѣ, представленномъ имъ вѣроятно въ комиссію о земледѣліи, онъ предлагаетъ прежде всего надѣлить крестьянъ такимъ количествомъ земли, сколько они могутъ обработать; авторъ назначаетъ даже довольно значительный minimum того, сколько

долженъ воздѣлать крестьянинъ, а именно, каждый работникъ отъ 16 до 60 лѣтъ можетъ обработать по 3 десятины въ каждомъ полѣ и накосить 500 пуд. сѣна, но желающіе могутъ обработать и больше. Такая заботливость о большомъ надѣлѣ объясняется тѣмъ, что, кромѣ барщины и другихъ поборовъ натурою, Титовъ требуетъ съ крестьянъ одной трети чистаго сбора съ отданныхъ въ ихъ пользованіе земель. Необходимость точно знать общую сумму сбора, что было бы довольно трудно, еслибы каждый крестьянинъ работалъ на себя, побуждаетъ Титова предложить, чтобы крестьяне сообща обработывали свои поля и косили сѣно, а затѣмъ дѣлили продукты по числу участвовавшихъ въ трудѣ работниковъ. Для сравненія упомянемъ, что въ Новгородской и Псковской губерніяхъ, а также въ Ямбургскомъ и Ораніенбаумскомъ уѣздахъ Петербургской губерніи, сверхъ трехдневной барщины, помѣщики взыскивали такъ называемую *пятину*, т. е. крестьяне отдавали помѣщику пятый снопъ хлѣба и пятую часть хмѣля, конопли и капусты. Титовъ, предлагая собирать съ крестьянъ не пятую, а третью часть хлѣба, не ограничивается этимъ и также требуетъ въ пользу помѣщика пятую часть отъ приплода скота, хмѣля и сотканнаго холста, «словомъ сказать, изъ всего домашняго пятую часть господину, а затѣмъ, что у крестьянина остается, все въ его собственности, и больше положеннаго, прибавляетъ онъ:—у крестьянъ господину не брать». Нѣкоторые помѣщики раздавали еще крестьянамъ свой скотъ съ тѣмъ, чтобы собирать съ нихъ потомъ опредѣленное количество масла. Титовъ не брезгаетъ и этимъ, требуя только, чтобы на каждый дворъ, въ которомъ, по его проэкту, должно быть не менѣе 3 взрослыхъ работниковъ, давали не болѣе 2-хъ коровъ; если же крестьянинъ не имѣетъ своего собственнаго скота, то помѣщикъ можетъ дать ему и третью. Господинъ долженъ получать съ каждой коровы по 20 ф. масла, а приплодъ отъ нея остается въ пользу крестьянъ; если же случится падежъ скота и во дворѣ будетъ всего одна корова, то господинъ не долженъ взыскивать масла, если не раздастъ новаго рогатаго скота. Ораніенбаумскіе и Ямбургскіе дворяне, сверхъ пятины, требовали еще трехдневной барщины; Титовъ установляетъ, что помѣщикъ можетъ требовать на барщину изъ трехъ работниковъ одного коннаго и отъ трехъ женщинъ по одной пѣшей работницѣ, но въ теченіи тѣхъ шести мѣсяцевъ, когда происходятъ полевыя работы, господинъ можетъ призывать на барщину только одну шестую часть работниковъ, другими словами, крестьяне должны быть на барщинѣ въ лѣтніе мѣсяцы по одному дню въ недѣлю, а въ зимніе по два, слѣдовательно, менѣе, чѣмъ было, напримѣръ, въ Ямбургскомъ и Ораніенбаумскомъ уѣздахъ Петербург-

ской губерніи, но за то тамъ помѣщики взыскивали не треть хлѣба, сбираемаго съ крестьянскихъ полей, а только пятую часть, а эту разницу можно почти приравнять одному рабочему дню.—Сборы натурою, идущіе въ пользу помѣщика, крестьяне обязаны были, по проэкту Титова, отвозить куда прикажетъ господинъ, лишь бы не далѣе 350 в.; притомъ, каждый взрослый работникъ обязанъ поставить въ годъ не болѣе 2 подводъ, которыхъ господинъ можетъ потребовать, еслибы и не потребовалось отвозить хлѣба за предѣлъ вотчины.

Въ случаѣ недостатка земли, помѣщикъ можетъ опредѣлить крестьянъ на оброкъ, но съ тѣмъ, чтобы взималось не болѣе 2 р. 50 к. съ души (это былъ обычный средній оброкъ въ то время); но кромѣ того, какъ и съ барщинныхъ крестьянъ—требовалась пятая часть приплода скота, птицъ и проч. кромѣ хлѣба.

Если кто изъ крѣпостныхъ не будетъ исправно вносить податей, оброка и поборовъ, такихъ помѣщикъ можетъ отдавать другимъ своимъ крестьянамъ въ работники, съ тѣмъ, чтобы они несли за нихъ всѣ повинности, а также давали платье и пищу ихъ женамъ и дѣтямъ, а не то можетъ отдать ихъ и въ чужую вотчину за договоренную плату. На тѣхъ же условіяхъ помѣщикъ можетъ отдавать лѣнивыхъ крестьянъ на пополненіе тѣхъ дворовъ, въ которыхъ не окажется трехъ работниковъ.

Если крестьяне не выйдутъ на работу въ назначенный часъ, то помѣщикъ взыскиваетъ штрафъ съ коннаго рабочаго по 10 к., а съ пѣшей женщины—по 5 и еще велитъ работать другой день безъ зачета; лѣнивыхъ наказываетъ по своему усмотрѣнію. Напротивъ, въ награду крестьянамъ, хорошо ведущимъ хозяйство и аккуратно исполняющимъ повинности, помѣщикъ освобождаетъ ихъ отъ рекрутчины, сдавая вмѣсто нихъ лѣнивыхъ и дурного поведенія.

Для пропитанія безроднымъ старикамъ, увѣчнымъ и дѣтямъ Титовъ предлагалъ выдѣлять пятидесятую часть сбора хлѣба до раздѣла его между крестьяниномъ и помѣщикомъ; если же такихъ въ селеніи не найдется, то помогать изъ него бѣднымъ, а также отдавать взаймы съ небольшими процентами, устроивъ такимъ образомъ запасный магазинъ.

По разсчету, приложенному въ концѣ мнѣнія Титова, выходитъ, что, при его системѣ, доходъ помѣщика, оцѣненный на деньги, равнялся бы при барщинномъ хозяйствѣ 4 руб., а при оброчномъ 3 руб. съ души. Если сравнить проэкты Титова и Вольфа, то въ нихъ сразу замѣтны нѣкоторыя черты сходства, такъ, напримѣръ, и тотъ и другой предлагаетъ дать по 3 деся-

тины въ полѣ пахатной земли на работника; что касается барщины, то Титовъ требуетъ зимою трети работниковъ, лѣтомъ шестой части, слѣдовательно, среднимъ числомъ, четверти всего взрослаго населенія; Вольфъ также требуетъ одного работника изъ четырехъ. Между тѣмъ результаты у послѣдняго выходятъ менѣе благопріятными для крестьянъ; именно по его оцѣнкѣ, доходъ съ крестьянъ равняется 6 руб. съ души, а по разсчету Титова только 4 руб.; разница происходитъ отъ того, что Титовъ перелагаетъ на деньги только продукты труда, т. е. чистый доходъ, достающійся помѣщику, а Вольфъ оцѣниваетъ все время барщины и считаетъ все это доходомъ, что, очевидно, совершенно ошибочно. Но разногласіе между авторами обоихъ проэктовъ оказывается только при оцѣнкѣ дохода на деньги; что же касается работъ и повинностей, требуемыхъ ими съ крестьянъ, то онѣ почти совершенно одинаковы.

Проэктъ Титова представляетъ не что иное, какъ узаконеніе средней нормы работъ и разныхъ сборовъ, существовавшихъ въ то время въ помѣщичьихъ имѣніяхъ; постановленіе подобной нормы работъ и другихъ повинностей, но нѣсколько болѣе снисходительной для крестьянъ (оброкъ, впрочемъ, Титовъ назначаетъ умѣренный) было бы полезно, такъ какъ оно сразу ограничило бы чрезмѣрныя требованія нѣкоторыхъ помѣщиковъ и затѣмъ остановило бы быстрое возрастаніе оброковъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, которое весьма замѣтно втеченіи всего Екатерининскаго царствованія. Но разумѣется введеніе такихъ навѣянныхъ остзейскимъ вліяніемъ мѣръ, какъ пополненіе въ каждомъ дворѣ числа взрослыхъ работниковъ до одинаковаго уровня — было нежелательно [1].

[1] Проэктъ Титова хранится въ Архивѣ II Отд. Мы не въ первый разъ встрѣчаемся съ предложеніемъ искуственно устроивать крестьянскіе дворы по волѣ помѣщика и обращать неисправнаго хозяина въ батрака: напомнимъ мнѣніе Елагина, нѣмецкіе отвѣты на задачу вольнаго экономическаго общества, проэктъ Вольфа. Хорошимъ опроверженіемъ этихъ затѣй или, если хотите, злою карикатурою на нихъ можетъ служить нелѣпая попытка искуственнымъ образомъ устроить дворы, сдѣланная при имп. Николаѣ въ Маріинской колоніи питомцевъ воспитательнаго дома, гдѣ въ каждомъ дворѣ поставлены были хозяинъ и хозяйка, товарищъ и товарка, и мальчикъ съ дѣвочкою-малолѣтки. Хозяева распоряжались товарищами и малолѣтками, какъ своими крѣпостными, по ихъ просьбѣ, товарищей жестоко наказывали, они даже мѣнялись ими, пока, наконецъ, товарищи не были отпущены на волю отъ хозяевъ. Обо всемъ этомъ см. въ высшей степени любопытный разсказъ въ статьѣ: «Питомцы Московскаго воспитательнаго дома, поселенцы Саратовской губерніи». «Русская Старина» 1879 г. № 7. стр. 479—481., 490 ср. 487. Могли бы показаться невѣроятными такіе факты административнаго помѣшательства, еслибы они не были засвидѣтельствованы очевидцемъ.

VIII.

Значеніе Пугачевщины въ исторіи крестьянскаго вопроса. — Требованія Сиверса. — Проэктъ неизвѣстнаго автора (1778—80 гг.). — Соглашеніе ораніенбаумскихъ и ямбургскихъ дворянъ объ опредѣленіи крестьянскихъ повинностей. — «Размышленіе о неудобствахъ въ Россіи дать свободу крестьянамъ» (1785 г.).

Пока въ большой комиссіи для составленія новаго уложенія и въ ея частныхъ отдѣлахъ шли споры о томъ, дозволить ли крестьянину жаловаться на помѣщика, предоставить ли ему право собственности на движимое имущество и т. п., крѣпостные продолжали попрежнему стонать подъ игомъ тяжкаго рабства. Ихъ челобитчиковъ, послѣ того, какъ они тщетно искали правды въ разныхъ мѣстныхъ учрежденіяхъ, наказывали плетьми, ихъ отдѣльныя волненія, неимѣвшія между собою связи, быстро подавлялись вооруженною рукою. Созваніе законодательной комиссіи возбудило нѣкоторыя надежды въ крѣпостномъ населеніи Россіи, хотя въ немъ и не было ея депутатовъ [1]; вѣсть о томъ, что въ этой комиссіи поднятъ вопросъ объ улучшеніи быта крѣпостныхъ, могла дойти до нихъ черезъ другихъ крестьянъ, имѣвшихъ въ комиссіи своихъ представителей. Депутаты, присланные для участія въ столь важномъ дѣлѣ, какъ составленіе новыхъ законовъ, не могли не давать вѣстей о томъ, что дѣлается въ комиссіи, своимъ землякамъ. Правда, до насъ не дошло ни одного такого письма, но мы можемъ предполагать объ ихъ существованіи на основаніи аналогичныхъ явленій. Мы видимъ, что когда крестьянское общество посылаетъ въ столицу выбраннаго имъ челобитчика, то всегда получаетъ отъ него письменныя извѣстія о ходѣ дѣла; немало такихъ посланій сохранилось въ слѣдственныхъ дѣлахъ по поводу различныхъ крестьянскихъ волненій. Что выборъ депутатовъ и созваніе комиссіи возбуждали извѣстныя надежды въ обремененномъ непосильными тяготами крестьянскомъ населеніи, это, кромѣ указаннаго оффиціальнаго свидѣтельства, видно и изъ того, что крестьяне Соликамскаго и Чердынскаго уѣздовъ, приписанные къ частнымъ горнымъ заводамъ и слѣдовательно подобно крѣпостнымъ исполнявшіе тя-

[1] Въ указѣ, изданномъ по поводу подачи въ 1767 г. челобитной на своихъ господъ крестьянами нѣсколькихъ помѣщиковъ, сказано: «изъ обстоятельствъ сего дѣла усматривается, что такія преступленія большею частію происходятъ отъ разглашенія злонамѣренныхъ людей, разсѣевающихъ вымышленные ими слухи *о перемѣнѣ законовъ*». П. С. З. № 12966.

желыя принудительныя работы—по выборѣ депутатовъ, отказались продолжать работу на заводахъ: черезъ нашихъ выборныхъ мы представили разныя жалобы и прошенія, разсуждали они, и до того, пока придетъ на нихъ рѣшеніе, работать не слѣдуетъ.— По возвращеніи депутатовъ домой, слухи о предполагаемыхъ реформахъ должны были еще болѣе распространиться въ крестьянскомъ населеніи. «Въ бывшей... комиссіи о сочиненіи уложенія», говоритъ авторъ одного изъ разсужденій по крестьянскому вопросу, «неосторожно предлагаемыя мнѣнія отъ господъ депутатовъ, а паче отъ Коробьина, всѣяли паче сію заразу въ сердца низкихъ людей, тутъ находящихся депутатами, и... тщетно многими лучшими сынами отечества совсѣмъ испровержено было мнѣніе г. Коробьина: упившіяся сердца лестнымъ ядомъ симъ не могли вкусить представляемаго имъ лекарства, и духъ неподданства и разврата въ грубыя и несмысленныя души вкоренился, зарождающійся отъ разныхъ несправедливыхъ слуховъ и отъ разглагольствій крестьянскихъ, однодворческихъ, старыхъ служебъ и другихъ низкихъ чиновъ депутатовъ, которые по разъѣздѣ своемъ сѣмена сіи злыя и въ отдаленнѣйшія области Россіи распростерли» [1]. Сѣмена однако-же не принесли плодовъ немедленно, напротивъ, какъ бы въ ожиданіи близкаго закона объ облегченіи ихъ участи, крѣпостные на время прекращаютъ волненія и безпорядки, весьма частыя въ 1767—68 гг. [2]

Но вотъ проходитъ нѣсколько лѣтъ послѣ того какъ депутаты вернулись по домамъ, а желанный указъ съ вѣстью если не о волѣ, то, по крайней мѣрѣ, объ облегченіи рабства все не появляется. Крестьяне терпѣливо ждутъ: въ теченіи 1770—73 гг. намъ неизвѣстно ни одного волненія крѣпостныхъ. Но помѣщики продолжаютъ попрежнему расправляться со своими людьми, попрежнему продаютъ ихъ по одиночкѣ, еще болѣе увеличиваютъ оброки — и вотъ, мѣра терпѣнія наконецъ переполняется: нуженъ только какой-нибудь благопріятный предлогъ, чтобы произвести общій взрывъ негодованія; онъ не замедлилъ явиться. Сигналъ къ волненію подаютъ уральскіе казаки, давно уже раздраженные систематическими стѣсненіями ихъ прежнихъ вольностей. Первая искра находитъ слишкомъ много горючаго матеріала въ Заволжскомъ и Пріуральскомъ краѣ: тамъ инородцы, уже и прежде пытавшіеся возставать противъ пришлой власти, тамъ крестьяне, обязанные работать на заво-

[1] «Размышленіе о неудобствахъ въ Россіи дать свободу крестьянамъ». Чт. об. ист. древ. Росс. 1861 г. т. III, стр. 98.

[2] См. статью: «Волненія крѣпостныхъ крестьянъ при Екатеринѣ II». «Русская Старина» 1877 г. № 2.

дахъ и ходить для этого за нѣсколько сотъ верстъ, измученные притѣсненіями и истязаніями приказчиковъ, почти поголовно принимавшіе участіе въ волненіи 1760—64 гг. Понятно, что все Заволжье вспыхиваетъ какъ бочка смолы. Пугачеву со своими полчищами нетрудно подвигаться на сѣверъ; все ему благопріятствуетъ — и общее сочувствіе народа, и бездарность правительственныхъ военачальниковъ: всѣ эти Кары, Муффели, Деколонги и т. п. безсильны остановить надвигающуюся грозу. Способнѣе другихъ Бибиковъ, тотъ самый, который предсѣдательствовалъ въ комиссіи, обсуждавшей мнѣнія Коробьина, Козельскаго, Чупрова и др., который съ Унгернъ-Штернбергомъ и Родванскимъ обсуждалъ проэктъ правъ третьяго рода въ комисіи о разборѣ государственныхъ жителей. Онъ все-таки гораздо умнѣе своихъ предшественниковъ; онъ видѣлъ уже увертюру Пугачевщины—волненіе на Уралѣ въ 1760—64 гг., онъ понималъ, что «не Пугачевъ важенъ—важно общее негодованіе»; но и этого защитника потрясенной монархіи, защитника правъ дворянъ, трепещущихъ на всемъ протяженіи Россіи, отъ Волги до Финскаго залива, скоро похитила смерть: судьба видимо благопріятствуетъ дѣлу возставшихъ. Волненіе не ограничивается Пріуральскимъ краемъ: вотъ полчища Пугачева перевалили уже черезъ Волгу. Прибытіе ихъ было желаннымъ дѣломъ для громаднаго числа крѣпостныхъ, населявшихъ эту мѣстность. Давно уже ждали они избавителя, съ жадностію читали манифесты, обѣщавшіе нетолько осьмиконечный крестъ (онъ одинъ примамилъ бы далеко не всѣхъ), но также жаловавшіе землями, рѣками и другими вольностями. Теперь возбужденіе еще увеличилось такими рѣчами самого Пугачева: «Я — вашъ законный императоръ. *Жена моя увлеклась на сторону дворянъ*, и я поклялся передъ Богомъ истребить ихъ всѣхъ до единаго. *Они склонили ее, чтобъ всѣхъ васъ отдать имъ въ рабство*, но я этому воспротивился и они вознегодовали на меня, подослали убійцъ, но Богъ меня спасъ» [1]. — И вотъ тутъ-то началась особенно кровавая расправа съ тѣми, кто до того тѣшился страданіями своихъ несчастныхъ подданныхъ, тутъ подвергался позорной казни тотъ, кто думалъ перенести въ Россію въ его первобытномъ видѣ отжившее уже свой вѣкъ на Западѣ право первой ночи. Пугачевъ, какъ истый представитель стихійной силы, дробился на части; изъ Пугачева образовалось много Пугачей. Тутъ-то начался тотъ «прекрове жаждущій на благородныхъ рыскъ», о которомъ говоритъ Державинъ.

[1] Такую рѣчь, по свидѣтельству современника, держалъ Пугачевъ въ Саратовѣ. См. *Мордовцевъ*. Полит. движ. русс. нар. I, 118.

Но, разумѣется, рано или поздно, безпорядочныя народныя полчища должны были уступить лучше ихъ вооруженнымъ войскамъ, и какъ усмирена была французская жакерія, какъ кроваво подавлено волненіе германскаго народа въ памятную эпоху крестьянскихъ войнъ, такъ залито было кровью и пламя пожара, охватившаго нашъ Востокъ.

Но надоумилъ ли этотъ печальный опытъ принять, наконецъ, какія-либо дѣйствительныя мѣры въ пользу крестьянъ? Нѣтъ. Помѣщики, напротивъ того, желали всевозможныхъ казней народу и еще большаго его обремененія. «Таковое почти, можно сказать, всеобщее преступленіе, говоритъ по поводу Пугачевщины авторъ упомянутаго нами выше разсужденія по крестьянскому вопросу: — кажется, долженствовало бы, еслибы они и право имѣли вольности и собственности, на немалое время ихъ оного лишить, и еслибы не были рабами, предать ихъ въ рабство, дондеже искоренятся злыя сѣмена изъ сердца ихъ». Такое окончательное порабощеніе крестьянъ, въ видѣ наказанія за кровопролитное волненіе не было бы безпримѣрнымъ въ исторіи: извѣстно, что такой случай представляетъ Венгрія въ XVI в. Но у насъ сдѣлать это было довольно трудно, во-первыхъ, потому, что крестьяне и безъ того были лишены всякихъ правъ, и безъ того не пользовались защитою закона отъ произвола помѣщиковъ (оставалось развѣ только предоставить послѣднимъ право смертной казни надъ своими подданными), а во-вторыхъ, и опасно, потому что подобныя мѣры могли бы вызвать новое возстаніе.

Были, однако, люди, которые правильно поняли, что слѣдуетъ дѣлать по окончаніи народнаго бунта; къ числу ихъ принадлежалъ новгородскій генералъ-губернаторъ Сиверсъ. Въ 1775 г. онъ напоминалъ императрицѣ, что весьма значительная часть ея подданныхъ, именно крѣпостные крестьяне *«лишены ея милостей»*.—«Я позволю себѣ сказать, писалъ онъ по усмиреніи пугачевскаго бунта:—что неограниченное рабство погубитъ государство, и мнѣ кажется, я не ошибаюсь, считая невыносимое рабское иго главною причиною волненій отъ Оренбурга до Казани и на нижнемъ теченіи Волги. Я знаю, продолжаетъ онъ:—что это щекотливый вопросъ: мы недавно видѣли это въ Богеміи» (намекъ на волненія, вызванныя манифестомъ Маріи-Терезіи объ ограниченіи барщины); «но пусть в. в., по крайней мѣрѣ, ограничитъ чрезмѣрную власть помѣщика, пусть, по крайней мѣрѣ, господинъ не будетъ имѣть права безъ судебнаго разбирательства наказывать людей своихъ кнутомъ (что почти равняется смертной казни)... установите, чтобы крѣпостной, семья кото-

раго состоитъ изъ двухъ или трехъ душъ мужскаго пола, могъ выкупиться хоть за 500 р.». Вообще, Сиверсъ требовалъ неоднократно улучшенія быта крѣпостныхъ крестьянъ; такъ онъ настаивалъ на томъ, чтобы имъ предоставлена была полная свобода въ дѣлѣ женитьбы, а также энергически протестовалъ противъ дозволенія помѣщикамъ ссылать своихъ крестьянъ на поселеніе въ Сибирь. «Вслѣдствіе позволенія, даннаго дворянству произвольно по своему усмотрѣнію отправлять въ ссылку ему подвластныхъ, писалъ онъ императрицѣ въ 1768 г.: — причемъ судъ даже не можетъ спросить о причинѣ ссылки и изслѣдовать дѣло, ежедневно совершаются дѣла самыя возмутительныя. Всѣ, кто не годится въ рекруты вслѣдствіе малаго роста или другаго какого недостатка, должны отправляться въ ссылку въ зачетъ ближайшаго рекрутскаго набора, а зачетныя квитанціи многіе помѣщики продаютъ. Признаюсь, не проходитъ дня, чтобы мое сердце не возмущалось противъ подобной привилегіи. Какая потеря для войска и для земледѣлія! Къ тому же Сибири достигаютъ сравнительно немногіе, если принять во вниманіе огромное разстояніе и убыль ссылаемыхъ на пути. Мнѣ кажется, что дворянство могло бы удовольствоваться правомъ отправлять въ ссылку въ зачетъ рекрутъ виновнаго, изобличеннаго въ довольно тяжеломъ преступленіи. Если же помѣщикъ захочетъ сослать кого-нибудь по собственному усмотрѣнію, то могъ бы сдѣлать это безъ зачета въ рекруты». Въ 1773 г., Сиверсъ вновь возвращается къ тому же предмету: «при предшествующемъ рекрутскомъ наборѣ, войско потеряло отъ 7 до 8 тысячъ хорошихъ солдатъ, и я могу сильно сомнѣваться, дошла ли въ Сибирь хоть четверть этого огромнаго числа». «Подвергать этихъ несчастныхъ наказанію, продолжаетъ онъ: — потому что они не имѣютъ роста, необходимаго для рекрутчины, или старѣе возраста, опредѣленнаго для пріема въ военную службу—это, мнѣ кажется, значитъ попирать всѣ законы. Я могъ бы набросать поразительныя картины того, что я видѣлъ, и къ какимъ уловкамъ заставляло меня прибѣгать человѣколюбіе, чтобы помѣшать пріему присланныхъ для отправленія въ ссылку». Вслѣдъ за Сиверсомъ предлагалъ улучшить бытъ крѣпостныхъ еще одинъ изъ высшихъ администраторовъ. Ярославскій генералъ-губернаторъ, Мельгуновъ, подалъ императрицѣ докладную записку, въ которой, на основаніи законовъ прежняго холопьяго приказа, старался доказать, что крѣпостные имѣли право на выкупъ, но другіе оспаривали это мнѣніе [1]. Правительство само имѣло слу-

---

[1] Очевидно, по этому поводу императрица написала кн. Вяземскому: «При-

чай убѣдиться, какихъ громадныхъ денегъ требовалъ помѣщикъ за выкупъ своего крѣпостного, если онъ былъ убѣжденъ, что самая неумѣренная его просьба будетъ удовлетворена. Когда однажды Мельгуновъ получилъ приказаніе выкупить на свободу художника, платившаго своему господину 50 р. оброку, ему пришлось внести 1,000 р. По этому случаю вновь былъ поднятъ вопросъ, чтобы крѣпостнымъ было дано право выкупаться на волю. Много спорили при этомъ о цѣнѣ, предлагали назначить отъ 300 до 500 рублей за взрослаго мужчину и половину за женщину, но, по словамъ Сиверса, «императрица не осмѣлилась на это рѣшиться, какъ ни была она убѣждена въ справедливости и пользѣ такого постановленія» [1]. Въ 1777 г., въ одномъ частномъ разговорѣ императрица сказала, что крестьянскій вопросъ—дѣло весьма трудное: «гдѣ только начнутъ его трогать, онъ нигдѣ не поддается» [2].

Императрица, однако, не оставляла вовсе намѣренія объ ограниченіи крѣпостного права и говорила объ этомъ приближеннымъ; доказательствомъ служитъ мнѣніе, составленное по всей вѣроятности въ 1780 г., которое начинается такимъ образомъ: «высочайшее е. и. в. соизволеніе состоитъ въ томъ, найти средства къ уравненію владѣльцевъ и крестьянъ, къ пресѣченію налагаемыхъ одними излишнихъ податей и работъ и происходящихъ черезъ то отъ другихъ непослушаній».

Мнѣніе это состоитъ изъ двухъ частей: первая—меньшая содержитъ въ себѣ мало любопытнаго. Авторъ указываетъ на то, что «матерія сія сама по себѣ есть обширная и важная, требуетъ проницательнаго и довольнаго разсмотрѣнія» и говоритъ, что въ комиссіи для составленія новаго уложенія «уповательно о томъ и разсужденіе уже было», поэтому «надобно оставить генеральное по сей матеріи заключеніе до совершеннаго и основательнаго по той комиссіи разсмотрѣнія и положенія» [3]. Однако же въ виду волненія крѣпостныхъ крестьянъ, происшед-

---

казате отыскать въ Москвѣ, въ Большомъ Архивѣ справки о холопьемъ приказѣ, какъ былъ учрежденъ и какія оному были правила». Собр. соч. императрицы Екатерины, изд. Смирдина, III, 494.

[1] *Blum.* Ein russischer Staatsmann. I, 237—238, 290—291, 393—394, II, 94—95, 99—100.

[2] «Бесѣда императрицы Екатерины II съ Далемъ». «Русск. Старина» 1876 г. т. XVII, стр. 14.

[3] Это не значитъ, чтобы разбираемое мнѣніе было написано въ эпоху засѣданія большой комиссіи; намъ уже извѣстно, что и послѣ ея роспуска, продолжалась дѣятельность частныхъ комиссій. Въ мнѣніи упоминаются учрежденія о губерніяхъ, слѣдовательно, оно написано послѣ 1775 г.

шаго въ одной изъ губерній [1], авторъ говоритъ, что гдѣ дѣйствительно нѣкоторые крестьяне обременены непосильными работами и сборами, тамъ слѣдуетъ отдавать владѣльцевъ подъ опеку, крѣпостныхъ же, принесшихъ ложную жалобу на господина, строго наказывать. Авторъ наивно представлялъ себѣ, что съ помощію одного этого средства «обѣ части придутъ въ свой порядокъ: владѣльцы, отягощающіе выше силъ крестьянъ своихъ, увидя себя порученныхъ въ опеку, престанутъ удручать крестьянъ излишними налогами», а крестьяне — несправедливо жаловаться на помѣщика. Самое средство было не ново, такъ какъ авторъ указываетъ на статью учрежденій о губерніяхъ, предоставляющую намѣстнику право «обуздывать тиранство и жестокости».

Гораздо дѣльнѣе составлена вторая часть. Въ началѣ ея авторъ указываетъ на взаимную связь, существующую между господами и ихъ крѣпостными, въ подтвержденіе чего напоминаетъ, что священное писаніе (апостольскія посланія) предписываетъ рабамъ повиноваться своимъ господамъ, а наше уложеніе велитъ владѣльцамъ нетолько быть защитниками своимъ крестьянъ, но давать имъ въ случаѣ нужды пропитаніе. Основываясь на авторитетѣ Бильфельда [2], авторъ говоритъ, что несправедливо и опасно «умалять привилегіи владѣльцевъ, но не меньше опасно давать имъ неограниченную власть». Нельзя сравнивать крестьянъ «съ безсловесными животными и бездушными вещами». Для самого господина выгоднѣе хорошо содержать рабовъ, такъ какъ тогда земли его будутъ лучше обработаны и «въ ихъ силѣ и достаткѣ состоитъ собственное его богатство». Далѣе авторъ говоритъ, что вовсе не намѣренъ касаться тѣхъ помѣщиковъ, которые благоразумно управляютъ своими крестьянами: они «навсегда должны быть полновластными владѣтелями». Но тѣхъ владѣльцевъ, которые «отягощали своихъ крестьянъ работами выше силы человѣческой и разными податьми и налогами привели ихъ до самаго совершеннѣйшаго изнуренія и раззоренія»,

[1] Авторъ упоминаетъ о волненіи въ губерніи, въ которой и живетъ самъ; далѣе онъ говоритъ о сборѣ пятины въ Новгородской и Псковской губерніяхъ, поэтому нужно думать, что онъ жилъ въ одной изъ нихъ. Это совершенно совпадаетъ съ тѣмъ, что въ Порховскомъ уѣздѣ были въ 1778 г. волненія крестьянъ гр. Апраксина, возобновившіяся и въ 1780 г. На этомъ основаніи, мы и полагаемъ, что мнѣніе составлено въ одинъ изъ этихъ годовъ.

[2] Его сочиненіе «Institutions politiques» пользовалось большимъ авторитетомъ при дворахъ разныхъ европейскихъ государей. Екатерина II наградила автора орденомъ за присылку ей этого сочиненія и приказала перевести его трудъ, который былъ изданъ московскимъ университетомъ подъ заглавіемъ «Политическія наставленія бар. Бильфельда» ч. I, 1768 г., ч. II 1775 г.

такихъ слѣдуетъ отдавать подъ опеку «или, по крайней мѣрѣ, избрать средство, чтобы они не раззоряли крестьянъ». Средствомъ этимъ и являются тѣ мѣры, которыя предлагаетъ авторъ и которыя, слѣдовательно, по его мнѣнію, должно примѣнять только къ помѣщикамъ, изобличеннымъ въ крайнемъ притѣсненіи крестьянъ.

Нужно, чтобы крестьянинъ съ женой три дня работалъ на господина и три дня на себя, какъ это и дѣлается въ Россіи во многихъ мѣстахъ. Работа лѣтомъ должна продолжаться отъ восхожденія до захожденія солнца, но съ тѣмъ, чтобы въ три пріема давалось отдыха не менѣе четырехъ часовъ. Назначить урокъ, сколько крестьянинъ долженъ вспахать земли, сжать хлѣба и т. п. неудобно, вслѣдствіе разнаго качества земли и другихъ условій. По воскресеньямъ и по большимъ праздникамъ крестьянинъ долженъ быть свободенъ отъ тяжелой работы (пашни, сѣнокоса, жатвы и т. п.), но нѣкоторыхъ службъ и работъ помѣщикъ можетъ требовать и въ эти дни; сюда относятся: обязанность сторожить сады и огороды, уходъ за скотомъ и птицами, доставленіе имъ корму и питья, починка кровель на жилыхъ строеніямъ и житницахъ, плотинъ, поврежденныхъ наводненіемъ, тушеніе пожара. Плохо гарантируетъ крестьянъ оговорка, сдѣланная авторомъ, послѣ перечня всѣхъ этихъ работъ, что лѣтомъ на нихъ можно посылать крестьянъ не долѣе двухъ или трехъ недѣль, съ тѣмъ, чтобы на столько же дней они были отпущены домой; между тѣмъ, ранѣе авторъ самъ объясняетъ, что не слѣдуетъ сосредоточивать въ одно время барскую работу. Настоящими работниками должны считаться люди отъ 15 до 60 лѣтъ, но стариковъ можно заставить сторожить сады и огороды, пасти птицъ, а дѣтей — собирать ягоды, грибы и т. п. Авторъ полагаетъ, что на тягло (мужа и жену) довольно по двѣ десятины въ полѣ пахатной земли и нѣкоторое количество на сѣнокосѣ; если же гдѣ земли мало и по двѣ десятины не достанетъ, въ такомъ случаѣ раздѣлять всю землю пополамъ между помѣщикомъ и крестьянами или, по крайней мѣрѣ, давать на тягло не менѣе одной десятины. Нужно также ограничить число подводъ, на которыхъ отвозятъ въ другое мѣсто хлѣбъ, нужный на расходъ помѣщика, если онъ живетъ не въ своемъ имѣніи, или на продажу. Авторъ назначаетъ, чтобы, при разстояніи въ 400 верстъ, съ каждаго тягла такихъ подводъ въ теченіи зимы брали не болѣе двухъ, а при болѣе близкомъ разстояніи, можно требовать и болѣе, по разсчету. Лѣтомъ можно посылать подводы не далѣе 100 верстъ и не болѣе, какъ по одной подводѣ въ мѣсяцъ съ пяти тяголъ. Мы видѣли, что авторъ этого проэкта

назначаетъ для крестьянъ менѣе земли, чѣмъ нѣкоторые другіе; это тѣмъ несправедливѣе, что, кромѣ исполненія барщинныхъ работъ, онъ предписываетъ крестьянамъ давать помѣщику пятую часть хлѣба и другихъ продуктовъ, «по введенному издавна въ Новгородской и Псковской губерніяхъ обыкновенію» [1].

Относительно этого мнѣнія слѣдуетъ замѣтить тоже, что мы сказали о проэктѣ Титова: это есть не что иное, какъ констатированіе наиболѣе обычныхъ отношеній между крестьянами и помѣщиками (въ данномъ случаѣ, какъ они сложились въ сѣверозападной Россіи, въ губерніяхъ Петербургской, Псковской, Новгородской). Можно подумать, что на введеніе подобныхъ обязательныхъ правилъ добровольно согласились бы помѣщики; но это не совсѣмъ такъ. Мы познакомимся теперь съ любопытною попыткою дворянъ двухъ уѣздовъ Петербургской губерніи регулировать свои отношенія къ крестьянамъ и увидимъ, что соглашеніе удалось не безъ труда.

Въ 1780 г. ораніенбаумскіе и ямбургскіе дворяне пришли къ мысли опредѣлить размѣръ работы своихъ крѣпостныхъ и составленныя ими правила изложили въ документѣ подъ названіемъ: «Мнѣніе ораніенбаумскихъ и ямбургскихъ дворянъ о единообразномъ употребленіи рабочихъ дней, въ которые долженъ крестьянинъ исправлять работу на господина своего въ каждое время года». Это соглашеніе, въ которомъ участвовало 16 человѣкъ, представляетъ первую попытку путемъ частной иниціативы точно опредѣлить права помѣщиковъ. Что придти къ соглашенію было не легко, видно изъ того, что даже въ окончательномъ рѣшеніи, составленномъ, безъ сомнѣнія, послѣ продолжительныхъ пререканій, двое изъ 16 человѣкъ заявили, что они не согласны съ большинствомъ, а между тѣмъ дворяне хлопотали тутъ о своихъ собственныхъ интересахъ: различіе въ требованіяхъ вызывало ропотъ крестьянъ и, установляя одинаковыя правила, помѣщики выражали надежду, что такимъ образомъ «пресѣкутся подобныя нынѣшнимъ неустройства».

Во введеніи къ своимъ правиламъ составители выражаютъ слѣдующія мысли: «До сего времени не видно нигдѣ никакого акта или установленія государственнаго, какимъ образомъ дворяне могутъ управлять своими крестьянами, т. е. сколько времени крестьянинъ повиненъ работать на своего господина и сколько на себя; слѣдовательно, былъ и есть на то одинъ токмо общій естественный законъ, называемый человѣчествомъ». Онъ долженъ бы быть самымъ лучшимъ въ свѣтѣ, разсуждали дво-

---

[1] Рукописный сборникъ публичной библіотеки.

*

ряне, но такъ какъ люди самые просвѣщенные и сострадательные имѣютъ въ жизни различныя правила, то это разнообразіе вызываетъ неудовольствіе крѣпостныхъ. «Крестьяне, какъ люди въ грубости и невѣжествѣ родившіеся, не имѣютъ столько умозрительныхъ силъ, чтобы войтить во всѣ подробности таковыхъ разностей, то и думаютъ, будто помѣщики ни мало не пекутся о ихъ благѣ... будучи искони преисполнены къ господамъ своимъ ненавистью и недовѣренностію даже до того, что хотя бы кто изъ владѣльцевъ и золотомъ хотѣлъ ихъ осыпать, то и тѣмъ не приведетъ ихъ ни къ должному понятію, ни къ здравому разсужденію; ибо всякаго почти помѣщика крестьяне думаютъ, что житье ихъ хуже и тяжелѣе всѣхъ прочихъ, а сосѣдніе тоже объ нихъ и о другихъ помышляютъ, и оттого дѣлается общее роптаніе и зависть, словомъ, упрямыя и мрачныя ихъ предразсужденія столь сильны и велики, что никакимъ моральнымъ предписаніемъ, какое бы перо его ни начертало, вдругъ истребить невозможно... Вотъ самыя главныя причины, отъ которыхъ *повиновеніе рабовъ господамъ своимъ дѣлается часто преткновенно*; и оттого происходитъ, что первые принуждены бываютъ, иногда противу воли своей, употреблять по праву власти своея *необходимо нужныя средства* (наказанія), а другіе, т. е. крестьяне, пребывая упрямо въ своемъ заблужденіи, питаютъ въ сердцахъ своихъ болѣе неосновательную къ помѣщикамъ своимъ злобу». Слова эти не въ особенно розовомъ свѣтѣ рисуютъ намъ отношенія между господами и крестьянами, которыя дворяне-депутаты старались представить намъ какъ патріархальныя, семейныя: съ одной стороны, глухой ропотъ, переходящій иногда въ явное ослушаніе, съ другой — полная готовность прибѣгать къ суровымъ карамъ для его прекращенія.

Дворяне полагаютъ, что отношеніе крестьянъ къ помѣщикамъ совершенно измѣнится, если всѣ землевладѣльцы извѣстной мѣстности будутъ руководствоваться одними правилами. Внимательно обсудивъ это дѣло, которое, по ихъ словамъ, «привлекаетъ на себя довольно вниманія» и «требуетъ достаточнаго разсужденія и немалой осторожности, они постановили, что крестьянинъ будетъ въ такомъ размѣрѣ исполнять барщину. Съ 1-го апрѣля по 1-е октября съ каждаго тягла на господина работаетъ по три дня въ недѣлю конный или пѣшій работникъ, смотря по тому, что̀ будетъ нужно. Баба ходитъ на барщину въ апрѣлѣ и въ маѣ до два дня, а съ іюня по октябрь—по три дня въ недѣлю. Осенью и зимою какъ крестьяне, такъ и ихъ жены работаютъ по два дня. У кого есть дочери, то съ тѣхъ поръ, какъ имъ минетъ 18 лѣтъ, начинаютъ ходить на барщину по два дня въ недѣлю. Лѣтомъ

работа начинается съ солнечнымъ восходомъ, отдыхаютъ до августа по дважды въ день, а затѣмъ по одному разу, работа кончается съ заходомъ солнца. Зимою приходятъ на барщину за полчаса до разсвѣта, отдыхаютъ одинъ разъ и уходятъ съ работы вечеромъ, а когда начнется молотьба, то съ вечера приходятъ на ригу. Такъ какъ продолжительность работъ опредѣляется восходомъ и заходомъ солнца, то, вычтя время отдыха: до августа по два раза въ день—три часа, а въ августѣ и сентябрѣ — два часа (такъ было въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ Петербургской губерніи передъ уничтоженіемъ крѣпостного права), мы найдемъ, что въ началѣ апрѣля работа должна была продолжаться 11½ часовъ, мая—14 ч., іюня—16, въ началѣ августа—14 и сентября—11.

Мы видѣли, что работы опредѣляются по тягламъ. Дворяне рѣшили накладывать тягла на холостыхъ съ 17 лѣтъ, а на женатыхъ — со времени женитьбы; снимать тягла въ 60 лѣтъ, а также съ неизлѣчимо-больныхъ и изувѣчившихъ себя. Право помѣщиковъ требовать подводъ для отвоза припасовъ въ отдаленныя мѣста весьма мало ограничивается въ предшествовавшемъ проэктѣ; напротивъ, ораніенбаумскіе и ямбургскіе дворяне постановили, что если помѣщикъ отправитъ куда-либо крестьянина съ подводами, то долженъ зачесть потерянное имъ время въ число барщинныхъ дней. Гораздо менѣе благопріятно для крестьянъ рѣшенъ вопросъ *о пятинѣ* (т. е. пятой части хлѣба, хмѣля, конопли и капусты), которую обирали въ этой мѣстности помѣщики. Они сами, повидимому, чувствовали, что подобный сборъ — явленіе ненормальное, однако, не захотѣли отмѣнить его, оправдывая себя слѣдующими разсужденіями: «Сія пятина собирается издревле, и каждый владѣлецъ получаетъ ее по состоянію своей экономіи и по силамъ крестьянскимъ, *которые сами считаютъ закономъ платить ее господамъ своимъ* (!). Всѣмъ извѣстно, что земледѣліе въ здѣшней губерніи начало свое имѣетъ съ недавняго времени, чему едва ли и 20 лѣтъ есть» (это нѣсколько противорѣчитъ заявленію, что пятина вносилась «издревле»), «то многіе дворяне, зачавши прибавлять свою экономію, зачали въ тоже самое время уменьшать сборъ пятины, а нѣкоторые, доведя хозяйство свое до желаемаго предмета, и совсѣмъ не берутъ». Такимъ образомъ, хотя дворяне и не согласились немедленно прекратить сборъ пятины, но признавали, что, съ улучшеніемъ хозяйства, она должна быть уничтожена [1]; у нѣ-

[1] Бар. Вольфъ въ хозяйственномъ разсчетѣ, приложенномъ къ его проэкту, предлагаетъ вмѣсто пятой собирать десятую часть хлѣба.

которыхъ же существованіе ея оправдывается тѣмъ, что, по недостатку земли, они требовали съ крестьянъ менѣе рабочихъ дней, чѣмъ другіе помѣщики и чѣмъ это было опредѣлено разбираемыми правилами. Очевидно, эти-то крестьяне и возбуждали зависть своихъ сосѣдей. Слѣдовательно, вновь вводимыя правила для нѣкоторыхъ крестьянъ нетолько не принесли никакого облегченія, но даже ухудшили ихъ положеніе. Если принять это въ соображеніе, то самое ихъ составленіе явится какою-то стачкою помѣщиковъ, при которомъ преслѣдовались только ихъ собственные интересы, думали только о томъ, чтобы введеніемъ однообразнаго порядка прекратить ропотъ крестьянъ, работавшихъ болѣе, чѣмъ ихъ земляки. Тѣ дворяне, у которыхъ прежде крестьяне работали менѣе до составленія этихъ правилъ, обязаны были, повидимому, увеличить число рабочихъ дней, по крайней мѣрѣ, въ правилахъ было сказано: «Изъ помѣщиковъ тѣ, кои донынѣ въ распоряженіяхъ иначе поступаютъ, будутъ вести дѣла свои равнообразно съ другими». Правда, трудно понять, на что имъ было нужно лишнее рабочее время при недостаткѣ земли, но они должны были соблюдать правила изъ опасенія возбудить ропотъ другихъ крестьянъ. Прежде они вознаграждали себя пятиною, которую другіе не собирали или взимали въ меньшемъ размѣрѣ, поэтому слѣдовало бы теперь обусловить этотъ сборъ извѣстнымъ количествомъ рабочихъ дней, меньшимъ обычнаго уровня; но этого сдѣлано не было. Несмотря на то, что составители этихъ правилъ заботились не столько о крестьянахъ, сколько о собственныхъ интересахъ, они были все-таки шагомъ впередъ, какъ первая попытка обузданія помѣщичьяго произвола. Если они ухудшали положеніе крестьянъ въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ, то должны были улучшить въ другихъ, судя по тому, что два дворянина были недовольны ихъ окончательною редакціею. Нужно замѣтить, впрочемъ, что эти правила были далеко не полны; они не разрѣшали многихъ важныхъ вопросовъ, такъ, напримѣръ, въ нихъ не былъ опредѣленъ размѣръ выводныхъ денегъ; крестьянину не было также дано право выкупить себя, внеся опредѣленную сумму [1].

Время шло, никакихъ мѣръ въ пользу крѣпостныхъ крестьянъ правительство не принимало, но императрица все-таки продолжала задумываться надъ крестьянскимъ вопросомъ. Извѣстно, напр., что въ концѣ 1781 г. нашъ посланникъ въ Вѣнѣ, кн. Голицынъ, прислалъ при своихъ депешахъ манифестъ Іосифа II объ личномъ освобожденіи крестьянъ и дозволеніи выкупать имъ

[1] Рукописный сборникъ публичной библіотеки.

свои земли; этихъ манифестовъ теперь нѣтъ при депешахъ: они не были возвращены изъ дворца. Въ половинѣ 80-хъ годовъ, въ послѣдній разъ промелькнули либеральные планы императрицы: тогда былъ составленъ видѣнный гр. Блудовымъ проэктъ закона, по которому всѣ дѣти крѣпостныхъ, рожденныя послѣ 1785 г., должны были сдѣлаться свободными. Проэктъ этотъ остался неисполненнымъ, да объ этомъ нечего и жалѣть, такъ какъ тутъ, вѣроятно, предполагалось дарованіе только личной свободы, безъ земли.

Еще при разборѣ преній по вопросу, возбужденному Коробьинымъ въ комиссіи уложенія, мы указывали, что мнѣнія депутатовъ-консерваторовъ приносили значительную пользу нѣкоторыми меткими указаніями на недосмотры и противорѣчія въ проэктахъ ихъ противниковъ; консерваторы заставляли такимъ образомъ зрѣлѣе обдумывать планы преобразованія, предохраняли народъ отъ такой реформы, которая была бы только «освобожденіемъ отъ земли», словомъ, сами того не сознавая, болѣе многихъ либеральныхъ депутатовъ содѣйствовали зарожденію мысли о надѣленіи крестьянъ землею. Теперь мы встрѣчаемся съ новымъ консервативнымъ мнѣніемъ, имѣющимъ то же направленіе, и это несомнѣнно, самое обстоятельное, самое продуманное (хотя и не лишенное противорѣчія) изъ всѣхъ мнѣній по крестьянскому вопросу, вышедшихъ изъ лагеря консерваторовъ. Составленное неизвѣстнымъ авторомъ въ 1785 г. «Размышленіе о неудобствахъ въ Россіи дать свободу крестьянамъ и служителямъ, или сдѣлать собственность имѣній» — не было напечатано въ свое время и могло ходить по рукамъ только въ спискахъ. Оно заслуживаетъ внимательнаго изученія и надъ многими высказанными въ немъ мыслями не мѣшаетъ задуматься тѣмъ публицистамъ, которые посредствомъ уничтоженія поземельной общины желаютъ освободить крестьянина отъ земли. Авторъ, несомнѣнно завзятый крѣпостникъ, въ своемъ мнѣніи преслѣдуетъ прежде всего одну цѣль: по возможности отдалить непріятный для дворянства часъ лишенія дароваго труда, но, какъ умный человѣкъ, онъ нетолько съумѣлъ указать, какъ гибельно будетъ для народа освобожденіе безъ земли, но также предвидѣлъ тѣ вредныя послѣдствія, какія могутъ произойти отъ уничтоженія общиннаго землевладѣнія и надѣленія крестьянъ участками въ полную собственность съ правомъ ихъ отчужденія.

Объявленіе въ 1766 году вольнымъ экономическимъ обществомъ извѣстной задачи авторъ считаетъ началомъ «расторженія связи» между крестьянами и помѣщиками; это подало поводъ «къ разглагольствію, ко вмѣшенію мыслей мятежныхъ и къ не-

подвластію» (хотя отвѣтомъ Беарде де-Лабей авторъ вполнѣ доволенъ); онъ намекаетъ даже, что частыя убійства помѣщиковъ въ 1767 г. находятся въ связи съ обнародованіемъ этой задачи. Крайне негодуетъ онъ также на то, что были возбуждены пренія по крестьянскому вопросу въ комиссіи уложенія. Чуть ли не вслѣдствіе распространенія въ народѣ высказанныхъ при этомъ идей, крестьяне, по его мнѣнію, приняли участіе въ пугачевщинѣ.

Первую часть своего разсужденія авторъ посвящаетъ вопросу о личномъ освобожденіи крестьянъ, при которомъ имъ было бы только позволено переходить съ мѣста на мѣсто и пришлось бы пользоваться чужою землею за извѣстную плату. По его словамъ, это значило бы превратить нашихъ крестьянъ въ кочующихъ цыганъ, при чемъ временное, краткосрочное пользованіе землею не дастъ крестьянину возможности заняться, какъ слѣдуетъ, ея обработкою. Свобода перехода, по мнѣнію автора, будетъ также вредна для крестьянъ, вслѣдствіе чрезвычайнаго разнообразія въ климатѣ Россіи: исторія и опытъ доказываютъ, что южный климатъ вреденъ для переселенцевъ съ сѣвера, въ подтвержденіе чего авторъ указываетъ на производившіяся въ то время поселенія вокругъ Астрахани и Саратова, въ которыхъ едва треть переселившихся туда могла спастись отъ смерти. Освобожденіе вредно и потому, что помѣщичья власть крайне нужна по многимъ причинамъ: она необходима, во-первыхъ, вслѣдствіе особенностей народнаго характера. Авторъ, старающійся, по примѣру Монтескьё, объяснить многія явленія вліяніемъ климата, дѣлаетъ неожиданное открытіе, что подъ вліяніемъ нашихъ холодовъ создался сангвиническій характеръ народа, «наглый и стремительный въ предпріятіяхъ своихъ», «а если по роду жизни... примѣшается къ оному и флегма, то сіе ничего болѣе не произведетъ, какъ должайшее настояніе суровости и злопамятства». Флегматическій же характеръ происходитъ у насъ отъ застоя крови зимою, вслѣдствіе недостатка движенія и жарко натопленныхъ жилищъ. Такимъ образомъ, народъ нашъ оказывается въ одно и то же время и сангвиническимъ и флегматическимъ. Первое подтверждается драками цѣлыхъ селеній между собою, изъ второго выводится слѣдствіе, что, по ослабленіи помѣщичьей власти, крестьяне впадутъ въ совершенную лѣность; авторъ думаетъ, несмотря на опроверженіе этой мысли еще въ Наказѣ, что уменьшеніе оброка сдѣлаетъ ихъ менѣе дѣятельными, болѣе лѣнивыми. Помѣщичья власть нужна и для общественнаго спокойствія и безопасности; съ тѣхъ поръ, какъ съ облегченіемъ выхода въ отставку, дворяне поселились въ своихъ имѣніяхъ,

разбои значительно уменьшились; вольныхъ же крестьянъ помѣщикъ не будетъ въ состояніи сдерживать. Увеличеніе народонаселенія также зависитъ отъ сохраненія помѣщичьей власти. Отцы неохотно выдаютъ замужъ своихъ дочерей, нуждаясь въ нихъ, какъ въ работницахъ, поэтому, во всякой деревнѣ много дѣвицъ и холостыхъ; это ведетъ къ развратной жизни, къ убійству незаконнорожденныхъ дѣтей; только помѣщики принуждаютъ крестьянъ своевременно выдавать замужъ дочерей. Поэтому, и народонаселеніе въ Россіи увеличивается быстрѣе, чѣмъ въ западной Европѣ: въ то время, когда тамъ народонаселеніе удвоивается въ 120 лѣтъ, въ Россіи это совершается въ 80 лѣтъ [1]. Вліяніе помѣщиковъ на своевременное заключеніе браковъ было указываемо и другими защитниками крѣпостного права; точно также мы встрѣчали и тотъ доводъ, что освобожденіе увеличитъ количество дѣлъ въ судебныхъ мѣстахъ, а это будетъ отвлекать работниковъ отъ земледѣлія, труднѣе будетъ собирать подушную подать и производить рекрутскіе наборы. Затѣмъ авторъ весьма патетически описываетъ плохое состояніе у насъ земледѣлія и заключаетъ, что съ уничтоженіемъ помѣщичьей власти не кому будетъ ихъ научить и заставить произвести необходимыя улучшенія; онъ не замѣчаетъ, что этотъ послѣдній доводъ говоритъ противъ, а не за его мнѣніе: если помѣщики втеченіи двухсотлѣтняго существованія крѣпостного права не научили крестьянъ лучше обрабатывать земли, употреблять болѣе совершенныя земледѣльческія орудія, то нѣтъ основанія надѣяться, чтобы они сдѣлали это впредь.

Вся первая часть труда неизвѣстнаго автора имѣетъ, разумѣется, только историческій интересъ, какъ матерьялъ для характеристики мнѣній противниковъ освобожденія крестьянъ; нынѣшняя реформа уже опровергла всѣ ихъ неосновательныя опасенія. Гораздо интереснѣе для насъ второй отдѣлъ этого мнѣнія, въ которомъ авторъ разсматриваетъ вопросъ, можно ли дать крестьянамъ землю въ собственность съ правомъ для каждаго отчуждать свой участокъ. Тутъ весьма много здравыхъ мыслей; въ этомъ отдѣлѣ авторъ даетъ хорошій урокъ и современнымъ защитникамъ подворнаго землевладѣнія.

Прежде всего онъ доказываетъ какъ трудно, почти невозможно разграниченіе всѣхъ участковъ. Отмежевать всѣ дачи каждаго участка въ отдѣльную межу, по мнѣнію автора, невозможно, «ибо почти не можно сыскать, чтобы пашня, лѣса и луга

[1] Въ дѣйствительности же крѣпостное населеніе размножалось въ Россіи медленнѣе, чѣмъ свободное. См. статью Д—а: «Статистическія замѣтки о крѣпостномъ сословіи». Библіотека для чтенія, 1859 г., № 1.

вмѣстѣ такъ могли сойтиться, чтобы каждому особливо участокъ составить; а сверхъ того, каждый изъ сихъ участковъ, раздѣленный на три поля, учинитъ, что нигдѣ выгону скотинѣ не будетъ и отъ потравъ также ссоры и драки произойдутъ. И такъ остается одинъ способъ, продолжаетъ онъ: — дѣлать въ каждомъ полѣ, въ лугахъ и въ лѣсахъ особливое на каждый участокъ размежеванiе, а посему и придетъ, что каждый участокъ, по крайней мѣрѣ, въ пяти разныхъ мѣстахъ долженъ обмежеванъ быть; ибо могутъ случиться различныя дачи, а именно: пашни въ поляхъ и на пустоши, луга при рѣкахъ, поемные, на суходолахъ, на пустошахъ, въ болотахъ, лѣса дровяные и строенные, слѣдственно, иной участокъ и въ десяти мѣстахъ межеванъ долженъ быть. То представимъ мы себѣ, какое великое затрудненiе нанесетъ сiе правительству, чтобы всѣ участки таковымъ образомъ размежевать? колякое на сiе время и число денегъ потребно? каковой убытокъ ни корона, ни народъ поднять не могутъ безъ крайняго отягощенiя; и посему считаю я такое положенiе совершенно невозможнымъ». Но, положимъ, говоритъ авторъ, что какъ-нибудь это будетъ сдѣлано; принесетъ ли это пользу крестьянамъ? вѣдь населенiе увеличивается, при томъ однѣ семьи размножаются, другiя исчезаютъ, и произойдетъ сильное имущественное неравенство. Раздѣлы участковъ между наслѣдниками произведутъ ссоры, драки и смертоубiйства, которыя тѣмъ преступнѣе, что будутъ происходить между близкими родственниками. И такъ послѣдствiемъ полнаго права собственности на землю будетъ съ одной стороны совершенное раззоренiе многихъ: съ другой — явятся крестьяне, которые скупятъ много участковъ и, не имѣя возможности обработать ихъ съ помощiю своей земли, будутъ держать батраковъ. Теперь помѣщики снабжаютъ семьянистыхъ крестьянъ землями, а у тѣхъ, кто не въ силахъ обработать всего прежняго участка, часть его отрѣзываютъ; тогда же у однихъ будетъ много земель, а другiе сдѣлаются бобылями и принуждены будутъ идти въ батраки къ богатымъ. На рѣкѣ Эльбѣ, говоритъ авторъ — есть крестьяне, называемые «голендарями». «Тамъ одинъ крестьянинъ имѣетъ немалыя пашни, многочисленное скотоводство — онъ богатъ; но нѣсколько десятковъ человѣкъ, служащихъ у него въ работникахъ, ничего не имѣютъ, въ браки за бѣдностiю не вступаютъ». Захотимъ ли «подобное зло у себя вкоренить?» Результатомъ такого крайняго развитiя имущественнаго неравенства будетъ то, что бѣдняки принужденные занимать деньги у разбогатѣвшихъ крестьянъ, попадутъ къ нимъ въ совершенную кабалу. Авторъ справедливо указы-

заетъ, какъ на примѣръ такихъ отношеній, на тѣ мѣстности Россіи, гдѣ государственные крестьяне владѣли землею безъ передѣловъ, а именно на Устюжскую область и часть Олонецкой губерніи, гдѣ богатые крестьяне доводятъ задолжавшихъ бѣдняковъ до состоянія половниковъ, которые, вмѣсто того, чтобы работать на себя, обработываютъ землю разжившагося кулака и отдаютъ ему половину сбора. Изъ всего этого ясно, «что такое положеніе не умножитъ сумму благополучія народа, но обратится на пользу малаго числа частныхъ людей ко вреду же величайшаго числа и самаго государства. *Ибо польза государственная не въ томъ состоитъ, чтобы нѣкоторое число богачей въ немъ было, а прочіе-бъ въ бѣдности стенали, но въ томъ, чтобъ сокровища его поколику возможно ровнѣе были раздѣлены*».

Другой неизбѣжный результатъ участковаго землевладѣнія — чрезвычайное размноженіе тяжебъ изъ-за земли: число подсудимыхъ удесятирится, всѣ присутственныя мѣста будутъ обременены. «Крестьяне за малую мнимую учиненную имъ обиду пойдутъ тягаться въ городъ, проживутъ свой достатокъ и земледѣліе оставятъ; поля необработанныя, дороговизна хлѣба, нищета крестьянская, недоимка въ податяхъ, и обогащеніе вредныхъ стряпчихъ и подъячихъ будутъ единые плоды такого учрежденія и долговременный памятникъ суемудрія того вѣка, въ которой такое узаконеніе учинится». Эту мысль авторъ опять подтверждаетъ въ высшей степени убѣдительнымъ примѣромъ: онъ указываетъ на однодворцевъ, у которыхъ каждый владѣетъ особеннымъ участкомъ; большая часть ихъ «отъ ябеды приведены въ раззореніе или добронравнѣйшіе отъ ябедниковъ и наглецовъ совершенно угнетаемы суть». Есть, наконецъ, и еще одинъ весьма печальный результатъ участковаго землевладѣнія. Всѣмъ извѣстно, какъ крестьяне привязаны къ своей землѣ и потому малѣйшіе «перекосы, перепашки, потравы» и захваты однимъ у другого участка, произведутъ ссоры, драки и смертоубійства, а затѣмъ начавшееся слѣдствіе и арестъ виноватыхъ можетъ довести все селеніе до совершеннаго раззоренія.

Итакъ, развитіе имущественнаго неравенства, кабала бѣдныхъ, тяжба изъ-за земли и драки изъ-за перекосовъ, перепашекъ и т. п., вотъ каковы слѣдствія введенія участковаго землевладѣнія. Все это дѣйствительно подтверждается наказами однодворцевъ, у которыхъ существовало подворное владѣніе, а также и черносошныхъ крестьянъ сѣверной Россіи и Сибири, гдѣ не было передѣловъ [1]. Этотъ отдѣлъ труда неизвѣстнаго автора дѣлаетъ честь

[1] См. «Казенные крестьяне при Екатеринѣ II». «Рус. Стар.», 1879 года, —6.

его проницательности, и подъ всѣми приведенными у насъ мѣстами могли бы подписаться и всѣ современные защитники общины, прибавивъ только, что въ настоящее время крестьянскій міръ еще лучше можетъ распоряжаться землею, послѣ того какъ устранено вмѣшательство помѣщика въ распоряженіе землею, данною крестьянамъ. Впрочемъ, авторъ намекаетъ, что и тогда не всѣ землевладѣльцы вмѣшивались въ общинные распорядки своихъ крѣпостныхъ, а оброчные крестьяне были, разумѣется, еще независимѣе въ этомъ отношеніи. Итакъ, всѣ доводы автора прекрасно поражаютъ защитниковъ участковаго землевладѣнія, но нисколько не разятъ противниковъ крѣпостного труда; въ этомъ отношеніи вся его аргументація могла быть разрушена однимъ возраженіемъ: кто же мѣшаетъ освободить крестьянъ не только съ землею, но и съ сохраненіемъ общиннаго землевладѣнія; однако, до этой мысли еще не додумались въ то время [1]. Однако, у нашего автора есть относительно этого любопытный намекъ. Правда, въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ, что если межевать поля не каждому отдѣльно, а цѣлому обществу, то «сіе не будетъ уже отдѣленіе каждому его собственности, но собственность цѣлаго общества», и такимъ образомъ нетолько не будетъ достигнута цѣль, «чтобы каждый, зная свой участокъ, зная, что онъ владѣетъ и что потомству его отъ него приложится, болѣе старался его удобрять», но что будто бы тогда, очевидно, за отсутствіемъ помѣщичьей опеки, произойдутъ ссоры, драки и убійства. Но за то въ другой части своего мнѣнія онъ говоритъ: «если дать въ собственность земли» (т. е. на участковомъ правѣ)—«благо ли сіе? и не одно ли сіе имя, а не самое дѣйствіе есть? *И нынѣ крестьяне обще селеніями таковой собственности не имѣютъ ли?*» Вотъ эту-то послѣднюю мысль—объ полезности общинной собственности—и приходится защищать современнымъ изслѣдователямъ отъ нынѣшнихъ *освободителей* крестьянъ, но только не отъ крѣпостного права (объ уничтоженіи котораго они не скорбятъ лишь потому, что экономическая зависимость можетъ быть еще сильнѣе юридической), а отъ желающихъ любезно *освободить* земледѣльца отъ земли.

Третья часть мнѣнія, посвященная вопросу о томъ, можно ли дать свободу дворовымъ, такъ же какъ и первая, имѣетъ только историческое значеніе. Авторъ доказываетъ, что запрещеніе вольноотпущенныхъ вновь закрѣпощать себя, вредно для нихъ самихъ, такъ какъ лишаетъ ихъ удобнаго способа прокормить себя

[1] Сравни, впрочемъ, выше любопытное, но недостаточно опредѣленное мѣсто въ проэктѣ Козельскаго.

и дѣтей. Онъ доказываетъ, что они не могутъ съ пользою вступить ни въ одно сословіе: быть купцами въ истинномъ смыслѣ этого слова они не могутъ нетолько потому, что не имѣютъ для этого средствъ, но и вслѣдствіе недостатка необходимыхъ знаній (причемъ авторъ забылъ, что ихъ вообще не было у нашего купечества), быть хорошими приказными не могутъ, потому что не знаютъ законовъ, остается только сдѣлаться ремесленниками въ городахъ, но увеличеніе числа рабочихъ чрезвычайно понизитъ плату за трудъ, такъ что пріискавшіе работу «едва себѣ дневное пропитаніе будутъ пріобрѣтать, а множество другихъ и безъ пропитанія будутъ странствовать». Автору не пришло въ голову, что дворовыхъ можно бы надѣлить землею, но этого не было сдѣлано и при нынѣшней крѣпостной реформѣ.

Затѣмъ, онъ переходитъ къ доказательству, что освобожденіе будетъ вредно для самихъ крестьянъ: выйдя изъ подъ помѣщичьей власти, они подпадутъ вѣденію чиновниковъ, а это «судъ закупной, гдѣ любовь къ собственности, каковая дѣйствуетъ въ помѣщакахъ, имѣть силы не можетъ, гдѣ развратность и корыстолюбіе судей къ излишней строгости и къ раззоренію ихъ подвергнетъ, гдѣ продолженіе приказному обряду, отдаленіе самихъ судебныхъ мѣстъ отниметъ у нихъ много драгоцѣннаго времени» [1]. Тѣ, кто не оставятъ своего прежняго мѣстожительства, ничего не выигрываютъ съ полученіемъ свободы: измѣнится только имя, а въ дѣйствительности «рабство останется»; тѣ же, кто будутъ переходить съ мѣста на мѣсто «всю тягость нищеты и несчастія рода человѣческаго будутъ претерпѣвать». Наконецъ, помѣщики и при личной свободѣ съумѣютъ поставить крестьянъ въ зависимость отъ себя: они, «желая сохранить себѣ подданныхъ, будутъ стараться ихъ разными образами одолжать, *самыми долгами ихъ на вѣчно закабалятъ, обратятъ ихъ свободу въ ничто*, тѣмъ съ вящею тягостію, что приложатъ свои старанія не дать имъ способовъ и выплатиться». Пророческія слова! Извѣстно, что теперь весьма многимъ помѣщикамъ удается обработывать свои поля за треть и четверть настоящей цѣны, вслѣдствіе того, что они во время нужды ссужаютъ крестьянъ хлѣбомъ съ непремѣннымъ условіемъ не возвращать его натурою, а отработать въ самое страдное время по весьма низкой оцѣнкѣ труда.

Положеніе дворовыхъ подъ властію помѣщика, по мнѣнію автора, спокойнѣе и обезпеченнѣе: лучше «претерпѣвать нужное

---

[1] «Земскіе исправники суть тѣ же помѣщики, писалъ въ 1826 году Сперанскій о положеніи казенныхъ крестьянъ:—съ тою только разностью, что они перемѣняются и что на нихъ есть нѣкоторые способы къ управѣ. Девятнадцатый вѣкъ, Бартенева, кн. II, стр. 164.

исправленіе пороковъ своихъ», но за то «получать пропитаніе и въ награду за услуги свои, и быть безпечнымъ въ помощи и убѣжищѣ», чѣмъ остаться безъ вѣрнаго куска хлѣба.

Въ заключеніе своего труда, авторъ высказываетъ мысль, которую мы встрѣтили уже въ мнѣніи князя Щербатова, что, при каждомъ переходѣ имѣнія изъ рукъ въ руки, дворяне уплачивали пошлины, а такъ какъ это происходило часто, то недвижимыя имущества куплены нетолько кровью, но и деньгами помѣщиковъ, и потому крайне несправедливо было бы отнять у нихъ крестьянъ. Наконецъ, онъ доказываетъ, что наши крѣпостные не коснѣютъ въ такомъ рабствѣ, какъ многіе думаютъ. У помѣщиковъ отнята власть надъ ихъ жизнію и возможность изувѣчить крестьянъ; они обязаны отвѣчать за аккуратный сборъ податей и не допускать крестьянъ ходить по міру, такъ что имъ самимъ не выгодно ихъ раззорять. Но въ дѣйствительности послѣднее соображеніе весьма многихъ не удерживало отъ притѣсненія своихъ крѣпостныхъ, что признавали и консервативные писатели, вродѣ Болтина.

Авторъ желаетъ, чтобы, не выдумывая новыхъ узаконеній, старались точно соблюдать прежнія; онъ надѣется на постепенное смягченіе нравовъ посредствомъ распространенія просвѣщенія.

Къ сожалѣнію, намъ неизвѣстно имя автора этого мнѣнія, въ высшей степени замѣчательнаго, несмотря на защиту крѣпостного права. Мотивированное такимъ образомъ опроверженіе непродуманныхъ мнѣній либераловъ было полезнѣе, чѣмъ скороспѣлые планы объ освобожденіи крестьянъ безъ земли. Нужно полагать, что это мнѣніе принадлежитъ одному изъ самыхъ образованныхъ людей своего времени; это доказываютъ ссылки на французскихъ писателей, на трудъ статистика Вистона, знакомство съ положеніемъ крестьянъ на западѣ Европы, основательныя знанія въ русской исторіи, несмотря на не совсѣмъ правильное пониманіе исторіи нашихъ крестьянъ [1], что обусловливалось младенческимъ состояніемъ этой науки въ то время. Историческія познанія автора заставляютъ насъ предположить, что это мнѣніе принадлежитъ кн. Щербатову. Не считая этой догадки безошибочною, мы укажемъ однако, въ подтвержденіе ея, на нѣкоторое сходство этого мнѣнія съ воззрѣніями кн. Щербатова; мы упоминали уже о повтореніи въ этомъ мнѣніи одного возраженія кн. Щербатова, такое же сходство представляютъ ссылки на поземельныя отношенія черносошныхъ крестьянъ и указаніе на зависимость переселеній отъ разнообразія климата Россіи: сходство

[1] Такъ, онъ думаетъ, что смерды были рабы.

съ нѣкоторыми возраженіями другихъ депутатовъ объяснится тогда тѣмъ, что кн. Щербатовъ, какъ присутствовавшій въ комиссіи, могъ воспользоваться ими для своего труда. Весьма сочувственные отзывы о Петрѣ Великомъ, встрѣчающіеся въ этомъ разсужденіи, мы находимъ и въ сочиненіяхъ кн. Щербатова. Наконецъ, иныя мѣста изложеннаго мнѣнія чрезвычайно напоминаютъ по слогу произведенія кн. Щербатова. Приведемъ въ примѣръ слѣдующее мѣсто: «показавъ такимъ образомъ собственность недвижимыхъ имѣній съ живущими на нихъ людьми, я оставляю на разсужденіе всякаго благоразумнаго человѣка, или лучше сказать, на разсужденіе каждаго того, *въ комъ сластолюбіе, лесть, подлости и пристрастія не всѣ чувства человѣчества затушили*, справедливо ли будетъ службою, трудомъ и деньгами пріобрѣтенную собственность у владѣльцевъ, составляющихъ полезнѣйшую часть гражданъ государства, отнять, и нарушить тѣмъ, не говорю, основательныя» (т. е. основныя) «права россійскаго государства (ибо ихъ нѣтъ), но основательныя естественнаго правосудія тѣ самыя права, на коихъ всѣ общества основаны суть?» Все это мѣсто, и особенно подчеркнутыя строки, чрезвычайно напоминаютъ «стиль» кн. Щербатова [1].

IX.

Крестьянскій вопросъ въ сатирическихъ журналахъ и въ комедіяхъ.—Мнѣнія объ немъ Болтина и академика Миллера.—Радищевъ.

Въ первую треть екатерининскаго царствованія у насъ много занимались крестьянскимъ вопросомъ: обнародованіе задачи вольнаго экономическаго общества, либеральныя идеи «Наказа», пренія въ законодательной комиссіи — все это заставляло задумываться надъ необходимостію улучшенія быта крѣпостныхъ. Современная литература также сослужила службу въ этомъ дѣлѣ: въ то время, когда, по заказу вольнаго экономическаго общества, а также и въ одной изъ частныхъ комиссій законодательнаго собранія вырабатывались подробныя предположенія по этому предмету, наши писатели отрицательнымъ путемъ служили распространенію въ обществѣ освободительныхъ тенденцій, преслѣдуя обличеніями и насмѣшкою жестокость помѣщиковъ, жадность, съ которою они налагали на своихъ крѣпостныхъ непо-

---

[1] Мнѣніе это напечатано въ «Чтен. общ. ист. древн. Рос.», 1861 г., т. III, стр. 98—134.

сильные поборы и работы, противозаконную торговлю рекрутами, стѣсненіе крестьянъ даже въ такомъ дѣлѣ, какъ заключеніе брака. Несмотря на то, что писать на эту тему было не такъ легко, какъ обличать щеголихъ и модныхъ петиметровъ, потому что всякое рѣзкое слово возбуждало крики негодованія крѣпостниковъ (стоитъ только вспомнить бурныя пренія въ комиссіи, возбужденныя Коробьинымъ), наши писатели, и особенно сотрудники сатирическихъ журналовъ, не разъ затрогивали тяжелое положеніе крѣпостныхъ крестьянъ.

«Живописецъ» Новикова (1772 г.) указываетъ, что одни помѣщики заставляютъ крестьянъ убрать сначала весь господскій хлѣбъ и только тогда позволяютъ крестьянамъ приняться за свою работу, другіе требуютъ отъ нихъ по пяти дней барщины въ недѣлю [1]. «Трутень» Новикова (1769 г.) для излеченія «Злорада», который звѣрски наказываетъ своихъ слугъ за малѣйшую ихъ оплошность, прописываетъ лекарство, посредствомъ котораго онъ самъ втеченіи нѣкотораго времени превратится въ рабское состояніе, послѣ чего навѣрное выздоровѣетъ. «Живописецъ» указываетъ, что помѣщики жалѣютъ собакъ и лошадей больше, чѣмъ людей, и влагаетъ въ уста одного дикаго помѣщика такія разсужденія по поводу обличеній сатирическихъ журналовъ. Живописецъ говоритъ, что помѣщики мучатъ крестьянъ, а того проклятый и не знаетъ, што въ старину тираны были не крещеные и мучили святыхъ... а наши мужики вить не святые: какъ же намъ быть тиранами?.. Неушто хочетъ онъ, чтобы мужики богатѣли, а мы бы, дворяне, скудѣли, да этова и Господь не приказалъ: кому-нибудь одному богатому быть надо намъ, либо помѣщику, либо крестьянину: вить не всѣмъ старцамъ въ игумнахъ быть. И въ святомъ писаніи сказано: другъ другу тяготы носите, и тако исполните законъ Христовъ: они на насъ работаютъ, а мы ихъ сѣчомъ, ежели станутъ лѣниться; такъ мы и равны; да на што они крестьяне: его такое и дѣло, што работай безъ отдыху. Дай-ка имъ волю, такъ они и не вѣсть что затѣютъ». Какимъ бы преувеличеніемъ ни казались иногда насмѣшки сатирическихъ журналовъ, но дѣйствительность не отста-

[1] Такіе факты вполнѣ подтверждались и научными журналами. Рычковъ говоритъ: При употребленіи въ господскія работы тягловыхъ крестьянъ поступается у насъ по произволенію помѣщиковъ. Есть такіе строгіе, что крестьянамъ своимъ одного дня на себя работать не даютъ, а давая всѣмъ ихъ семействамъ мѣсячный провіантъ, употребляютъ ихъ безъ изъятія на господскія работы повседневно». «Труды вольн. экон. общ.» т. XVI, 1770 г. стр. 27. Слѣдовательно, сатирическіе журналы брали далеко не крайніе случаи злоупотребленій.

вала отъ изображаемыхъ ими типовъ. Такъ, напримѣръ, ссылка на священное писаніе въ подтвержденіе того, что крестьяне должны работать въ пользу господъ, встрѣтилась намъ въ мнѣніи одного изъ лифляндцевъ, писавшихъ на тему экономическаго общества. «Трутень» помѣщаетъ также донесеніе старосты помѣщику, представляющее въ цѣломъ фотографически вѣрное воспроизведеніе дѣйствительныхъ отписокъ господамъ: «Неплательщиковъ по указу твоему господскому на сходѣ сѣкъ нещадно, только они оброку не заплатили, говорятъ, что негдѣ взять»... «Съ Антошки за то, что онъ тебя въ челобитной назвалъ отцомъ, а не господиномъ, взято 5 рублевъ. И онъ на сходѣ высѣченъ. Онъ сказалъ: «я-де это сказалъ съ глупости», и напредки онъ тебя, государя, отцомъ называть не будетъ». Помѣщикъ же въ своемъ указѣ приказываетъ нещадно высѣчь старосту при собраніи всѣхъ крестьянъ за то, что онъ запустилъ большую недоимку, смѣнить и взыскать съ него 100 р. штрафа. Вѣрно съ дѣйствительностію представлена также и челобитная крестьянина, просящаго, ввиду его печальнаго положенія, о сложеніи недоимки. — Въ это время и сама императрица не отставала отъ другихъ писателей въ насмѣшкахъ надъ крѣпостнымъ правомъ. Ея Ханжихина въ комедіи «О время!» такъ проводитъ день: послѣ утреннихъ молитвъ она чешетъ свою кошку, причемъ поетъ стихъ: «блаженъ, кто и скоты милуетъ», а между тѣмъ, разсказываетъ ея горничная, «и насъ также миловать изволитъ: иную пощечиною, иную тростью, а иную бранью и проклятіями. Потомъ начинается заутреня, во время которой то бранитъ дворецкаго, то шепчетъ молитвы, то посылаетъ провинившихся наканунѣ людей пороть батожьемъ».

Особенно часто литература обращала вниманіе на противозаконную торговлю рекрутами: «При нынѣшнемъ рекрутскомъ наборѣ», говоритъ «Трутень», «по причинѣ запрещенія чинить продажу крестьянъ въ рекруты... до окончанія набора, показалося новоизобрѣтенное плутовство. Помѣщики, забывшіе честь и совѣсть... выдумали слѣдующее: продавецъ, согласясь съ покупщикомъ, велитъ ему на себя бить челомъ въ завладѣніи дачи; а сей, имѣвъ нѣсколько хожденія по тому дѣлу, наконецъ, подаетъ обще съ истцомъ мировую челобитную, уступая въ искъ того человѣка, котораго онъ продалъ въ рекруты». «Адская почта» также указываетъ на разныя уловки, чтобы обойти запрещеніе торговли людьми во время рекрутскаго набора. Одинъ изъ героевъ въ комедіи Княжнина «Несчастіе отъ кареты», написанной также въ эпоху изданія сатирическихъ журналовъ, даетъ такой совѣтъ своему приказчику: «Мало ли есть способовъ

достать денегъ! напримѣръ нѣтъ ли у васъ на продажу годныхъ людей въ рекруты? нахватай ихъ и продай».—«Боже мой, какъ мы несчастливы, жалуется въ той же комедіи молодой парень: «намъ должно пить, ѣсть и жениться по волѣ тѣхъ, которые нашимъ мученіемъ веселятся и которые безъ насъ бы съ голоду померли». На то, что крестьяне и дворовые лишены возможности даже жену выбрать себѣ по сердцу, обращаетъ вниманіе и Екатерина въ комедіи: «О время!» Ея героиня Ханжихина въ негодованіи на то, что одинъ изъ дворовыхъ просьбою о женитьбѣ помѣшалъ ей молиться, приказываетъ строго наказать его.

Результатомъ помѣщичьяго управленія являлась народная нищета. «*Бѣдность* и *рабство* повсюду встрѣчалися со мною въ образѣ крестьянъ», говоритъ авторъ статьи «Отрывокъ путешествія» въ «Живописцѣ».—«Непаханныя поля, худой урожай хлѣба—возвѣщали мнѣ, какое помѣщики тѣхъ мѣстъ о земледѣліи прилагали раченіе. Маленькія, покрытыя соломою хижины изъ тонкаго заборника, дворы, огороженные плетнями, небольшіе адоньи хлѣба, весьма малое число лошадей и рогатаго скота подтверждали, сколь велики недостатки тѣхъ бѣдныхъ тварей, которыя богатство и величество цѣлаго государства составлять должны. Не пропускалъ я ни одного селенія, чтобы не разспрашивать о причинахъ бѣдности крестьянской. И слушая ихъ отвѣты, къ великому огорченію, всегда находилъ, что помѣщики ихъ сами были тому виною».

Такимъ образомъ литература, насколько возможно, касалась язвы, разъѣдавшей тогдашнее общество, и ничто намъ не кажется несправедливѣе укоровъ журналамъ того времени отъ нѣкоторыхъ нынѣшнихъ изслѣдователей, что они осмѣивали только подражаніе иностранцамъ, франтовъ и щеголихъ, и не говорили о болѣе важныхъ предметахъ; особенно странны кажутся намъ такіе упреки въ статьяхъ, принадлежащихъ перу журнальныхъ дѣятелей, которые по собственному опыту знаютъ, насколько свободно даже и въ настоящее время можно говорить о «злобѣ дня». Сотрудники журналовъ екатерининскаго времени были, по крайней мѣрѣ, не въ лучшемъ положеніи: стоитъ только взглянуть на тѣ оговорки, какими издателямъ сатирическихъ журналовъ приходилось снабжать статьи, затрогивающія крѣпостное право. Такъ Новиковъ, печатая въ своемъ журналѣ «Отрывокъ путешествія», дѣлаетъ къ нему слѣдующее примѣчаніе: «Еслибы это было въ то время, когда умы наши и сердца заражены были французскою націею (т. е. при Елизаветѣ), то *не осмѣлился бы я читателя моего потчивать съ этого блюда*, потому что оно приготовлено очень солоно и для нѣжныхъ вку-

совъ благородныхъ невѣждъ горьковато. Но нынѣ премудрость, сидящая на престолѣ, истину покровительствуетъ во всѣхъ дѣяніяхъ» и т. д. Но это примѣчаніе не помогло и издателю пришлось въ другомъ мѣстѣ защищаться отъ нападокъ и объяснять значеніе статьи, возбудившей не мало толковъ. Онъ влагаетъ въ уста одного просвѣщеннаго читателя такія разсужденія: «Кто не согласится, что есть дворяне, подобные описанному вами? Кто посмѣетъ утверждать, что сіе злоупотребленіе недостойно осмѣянія? И кто скажетъ, что худое раченіе помѣщиковъ о крестьянахъ не наноситъ вреда всему государству? Пусть вникнутъ въ сіе здравымъ разсужденіемъ, тогда увидятъ, отчего остановляются и приходятъ въ недоимку государственные поборы? Отчего происходитъ то, что крестьяне наши бываютъ бѣдны? Отчего у худыхъ помѣщиковъ и у крестьянъ ихъ часто бываютъ неурожаи хлѣба?.. Пусть скажутъ, кто больше оскорбляетъ почтенный дворянскій корпусъ, кто дѣлаетъ стыдъ человѣчеству: дворяне ли, преимущество свое во зло употребляющіе, или ваша на нихъ сатира?» Но и въ этой защитительной тирадѣ, такъ же, какъ и въ продолженіи статьи «Отрывокъ путешествія» издатель долженъ былъ исключить нѣкоторыя мѣста, опасаясь навлечь на себя «сугубое негодованіе». Однако, всѣ эти оправданія и оговорки не помогли: кончилось тѣмъ, что сатирическіе журналы не пережили 1774 г. Нельзя не вспомнить, что это годъ пугачевщины, годъ поворота въ направленіи внутренней политики Екатерины. Правда, крѣпостные и въ первую треть ея царствованія не видѣли облегченія своего положенія, но въ это время можно было еще мечтать объ осуществленіи крестьянской реформы, теперь же надо было проститься съ этими ожиданіями.

Реакція замѣтно отразилась въ литературѣ. Еще въ «Недорослѣ» Фонвизина предаются осмѣянію и позору жестокіе, безжалостные помѣщики, хотя мрачность красокъ уже смягчается тутъ выставленіемъ добродѣтельныхъ чиновниковъ и восхваленіями намѣстника, который «съ ревностію помогаетъ страждущему человѣчеству». Порокъ, какъ извѣстно, подвергается у Фонвизина наказанію. Въ журналахъ же, издававшихся Новиковымъ во вторую половину царствованія Екатерины—«Вечерняя Заря» (1782), «Покоющійся трудолюбецъ» (1784—1785 г.)—почти нѣтъ и помину о прежней сатирѣ. — Вмѣсто отрицательнаго отношенія къ крѣпостному праву, у насъ начали доказывать, что положеніе нашихъ крестьянъ очень хорошо сравнительно съ жизнію народа на западѣ; виднымъ представителемъ этого новаго направленія является Болтинъ. Правда, еще ранѣе въ «Антидотѣ», возраженіи на книгу аббата Шаппа, изданномъ по французски въ

1768 г., составленіе котораго Сабатье-де-Кабрь и Сегюръ прямо приписываютъ Екатеринѣ [1], мы читаемъ: «Мнимая нищета не существуетъ въ Россіи; русскій крестьянинъ во сто разъ счастливѣе и достаточнѣе, чѣмъ ваши французскіе крестьяне; онъ знаетъ, что слѣдуетъ ему платить, между тѣмъ, какъ у васъ есть провинціи, въ которыхъ принуждены питаться каштанами и даже не знаютъ названія всѣхъ своихъ повинностей, столько ихъ возложено на нихъ. Въ Россіи налагаютъ повинности лишь въ той мѣрѣ, въ какой крестьянинъ можетъ ихъ нести». Тутъ мы встрѣчаемъ даже увѣреніе, что «хорошее или дурное обращеніе съ домашнею прислугою гораздо болѣе зависитъ отъ хорошей или дурной нравственности господъ, чѣмъ отъ законовъ страны; ко благу человѣчества, наши нравы не ухудшаются» [2]. Но такія идеи въ сочиненіяхъ, въ родѣ «Антидота», предназначенныхъ для европейской публики, объясняются политическою цѣлью; та же Екатерина, которая въ «Антидотѣ» въ розовомъ цвѣтѣ представляла бытъ нашихъ крестьянъ, говорила другое въ своихъ комедіяхъ [3].

Во многихъ мѣстахъ своего сочиненія «Примѣчанія на Леклерка» Болтинъ доказываетъ, что положеніе нашихъ крѣпостныхъ крестьянъ лучше, чѣмъ французскихъ и нѣмецкихъ. Правда, и онъ принужденъ признаться, «что состояніе крестьянъ помѣщичьихъ не всѣхъ есть равное; нѣкоторые изъ нихъ, по жестокосердію и нечувствительности господъ ихъ, обременены обро-

---

[1] Пекарскій считаетъ ее только участницею въ этомъ трудѣ. Ист. акад. наукъ II, 696.

[2] «Восемнадцатый вѣкъ», Бартенева, IV, 245, 330.

[3] Еще любопытнѣе сравнить то, что писалось для Европы съ вполнѣ откровеннымъ мнѣніемъ Екатерины, высказаннымъ въ запискѣ къ кн. Вяземскому. По поводу какого-то свирѣпаго закона противъ крѣпостныхъ, виновныхъ въ незащищеніи своихъ господъ, который сенатъ предполагалъ обнародовать, она писала: «*Положеніе помѣщичьихъ крестьянъ таково критическое*, что окромѣ тишиной и человѣколюбивыми учрежденіями ничѣмъ избѣгнуть не можно» (бунта крѣпостныхъ деревень, о возможности котораго упоминалось ранѣе въ этомъ письмѣ). «*Генеральнаго освобожденія несноснаго и жестокаго ига не воспослѣдуетъ*, ибо, не имѣвъ обороны ни въ законахъ и нигдѣ, слѣдовательно, всякая малость можетъ привести ихъ въ отчаяніе; кольми паче мстительный такой законъ, какъ сенатъ вздумалъ не кстати, не къ ладу издать. И такъ, прошу быть весьма осторожну въ подобныхъ случаяхъ, *дабы не ускорить и безъ того довольно грозящую бѣду, если въ новомъ узаконеніи не будутъ взяты мѣры къ пресѣченію сихъ опасныхъ слѣдствій.* Ибо если мы не согласимся на уменьшеніе жестокости и умѣреніе человѣческому роду нестерпимаго положенія, *то и противъ нашей воли оную возьмутъ рано или поздно*». (Восемнадцатый вѣкъ, Бартенева, III, 390—391). Судя по упоминанію о «новомъ узаконеніи», нужно думать, что это было написано незадолго до или во время собранія комиссіи уложенія.

ками и работами тяжкими и едва сносными», однако же онъ оговаривается, что большая часть изъ нихъ «живутъ въ довольствѣ и покоѣ, слѣдовательно и не признаютъ состоянія своего несноснымъ». Между тѣмъ, въ другомъ мѣстѣ труда онъ самъ говоритъ, что помѣщиковъ, поступающихъ съ крестьянами «хуже, нежели со скотами... меньше, однакожъ, должно къ стыду признаться, *нарочитое число есть*». Онъ старается доказать, что крестьяне въ дѣйствительности ненарушимо владѣютъ своимъ движимымъ имуществомъ. Но въ другомъ мѣстѣ, опять-таки сознается, что крестьяне нѣкоторыхъ помѣщиковъ «изъ сего всеобщаго состоянія исключаются, кои, по безчеловѣчію господъ своихъ, не будучи удостовѣрены о собственности, не радѣютъ о пріобрѣтеніи своемъ и не иначе работаютъ, какъ изъ подъ палки. Лишены будучи имѣнія и желаній оное пріобрѣтать, живутъ въ отчаянной непривязанности къ жизни и едва помышляютъ о насущномъ хлѣбѣ». Онъ даже влагаетъ въ уста рабовъ жалобы, что на нихъ наваливаютъ «работы, должности не по ихъ силамъ, что не имѣютъ они ни день, ни ночь себѣ отдохновенія; что усердіе и служба ихъ не награждаются; что за малые проступки бьютъ ихъ больно, а случается и безъ вины, а кормятъ худо».

Болтинъ совершенно правъ, когда доказываетъ нелѣпость предложеній Леклерка, чтобы помѣщики, отпуская на волю крѣпостныхъ не иначе какъ по частямъ, соблюдали при этомъ извѣстные обряды: «ударяли легонько по щекѣ», заставляли сбривать бороду и переодѣваться въ особое платье для вольныхъ людей. Но въ чемъ же состоятъ его собственныя мнѣнія? Опровергая взгляды одного иностранца, онъ, однако же, вторитъ другому. «*Прежде должно освободить души рабовъ*, приводитъ онъ слова Руссо:—*а потомъ уже и тѣла*». «Не всякому народу вольность можетъ быть полезна; не всякій умѣетъ ее снести и ею наслаждаться; потребно къ сему расположеніе умовъ и нравовъ особливое, которое пріобрѣтается вѣками и пособіемъ многихъ обстоятельствъ» [1]. Однако же, Болтинъ все-таки не является такимъ безусловнымъ консерваторомъ, какъ авторъ «Размышленія о не-

---

[1] Въ своихъ «Considérations sur le gouvernement de Pologne», Руссо говоритъ: «Свобода — пища добросочная, но трудная для пищеваренія; нужны крѣпкіе желудки, чтобы ее вынести». Онъ совѣтуетъ польскимъ панамъ «прежде всего сдѣлать достойными свободы и способными къ ея воспріятію тѣхъ, кого хотятъ освободить.. Не освобождайте ихъ тѣлъ, не освободивши сначала души». Онъ рекомендуетъ отпускать на волю только тѣхъ крѣпостныхъ, которые заслужили этого своимъ поведеніемъ. Кн. Дашкова также, подобно Болтину, считала необходимымъ сначала подготовить крѣпостныхъ къ уничтоженію крѣпостного права. Memoirs of the Princess Daschkow, I, 165—167.

удобствахъ дать въ Россіи свободу крестьянамъ». Тогда какъ послѣдній вооружается противъ какихъ бы то ни было законодательныхъ мѣръ въ пользу крѣпостныхъ крестьянъ, Болтинъ говоритъ: «Не будучи апологистомъ рабства, не скажу я, чтобы наши земледѣльцы въ такомъ состояніи были, чтобы не нужно было дать имъ облегченія, пособіе къ выгоднѣйшей жизни; но скажу, что сіе облегченіе, сіе пособіе не въ дачѣ вольности долженствуетъ состоять, а въ ограниченіи помѣщичьей надъ ними власти и въ нѣкоторыхъ другихъ средствахъ». Вслѣдъ за тѣмъ онъ рисуетъ въ розовомъ свѣтѣ тѣ отношенія между господами и крестьянами, какія установились бы послѣ ограниченія крѣпостного права; однако, бездѣйствіе правительства помѣшало осуществленію этой идилліи. Не раздѣляя крайностей взглядовъ автора «Размышленія», Болтинъ имѣетъ одно общее съ нимъ достоинство: онъ также хорошо знаетъ и умѣетъ цѣнить общинное землевладѣніе. Хотя и ранѣе его книги въ нашей печати попадались отрывочныя указанія на передѣлы земель у крестьянъ, но все-таки за нимъ остается заслуга, что онъ первый весьма ясно описалъ наши общинные порядки пользованія землей.

Имя Болтина напоминаетъ намъ другого глубокаго знатока русской исторіи—академика Герарда Фридриха Миллера: онъ тоже два раза возвысилъ свой голосъ при обсужденіи крестьянскаго вопроса. Въ первый разъ это было въ изданіи, хотя и печатавшемся не въ Россіи, но удѣлявшемъ много мѣста нашей исторіи, географіи и описанію современныхъ русскихъ событій‘ Бюшинговомъ магазинѣ. Статья его, написанная въ 1780 г., называется: «О г. Ленгэ, о рабствѣ вообще и русскомъ въ особенности». Статейка вызвана извѣстными сочиненіями Ленгэ, въ которыхъ онъ справедливо вооружается противъ взглядовъ физіократовъ, отдававшихъ предпочтеніе крупной собственности передъ мелкою, въ которыхъ доказываетъ, что положеніе современнаго поденщика хуже положенія раба, а также разрушаетъ ложныя представленія о благоденствіи народа въ Англіи. Но Ленгэ не останавливается на этомъ; онъ предлагаетъ, какъ средство для улучшенія участи работниковъ, введеніе рабства [1]. Эта-то послѣдняя парадоксальная часть сочиненій Ленгэ и вызвала замѣтку Миллера, который опасался, чтобы эти взгляды даровитаго писателя не оказали у насъ вреднаго вліянія и не послужили бы подкрѣпленіемъ для мнѣній завзятыхъ крѣпостниковъ. Миллеръ, напротивъ того, утверждаетъ, что уничтоженіе

[1] Oeuvres de Linguet, Lond. 1774, t. II ch. 10, 11, t. V «Théorie des loix civiles», livre 5-me, t. VI, «Du pain et du bled», ch. 8—10, 21.

личнаго рабства (Leibeigenschaft) полезно нетолько для государства, но и для землевладѣльцевъ, въ подтвержденіе чего указываетъ на примѣры Замойскаго и Чарторыжскаго въ Польшѣ, которые предоставили крестьянамъ землю «въ собственность», т. е. постоянное пользованіе за извѣстный оброкъ, и такимъ образомъ, нетолько улучшили ихъ положеніе, но увеличили и свои собственные доходы. Тутъ же Миллеръ сообщаетъ нѣсколько свѣденій изъ исторіи крестьянъ въ Россіи, а затѣмъ о современномъ бытѣ нашихъ помѣщичьихъ крестьянъ говоритъ слѣдующее: «Россія справедливо пользуется славою, что крѣпостное право въ ней гораздо сноснѣе и легче, чѣмъ въ Польшѣ, Богеміи и другихъ государствахъ, гдѣ оно еще существуетъ, и особенно не такъ обременительно, какъ въ Лифляндіи... Безчисленное число крестьянъ (въ Россіи) ежегодно берутъ паспорты и могутъ до тѣхъ поръ жить для заработковъ въ городахъ, пока аккуратно платятъ оброкъ, наложенный на нихъ смотря по силамъ каждаго. Въ томъ числѣ есть и богатые люди, которые подъ именемъ горожанъ ведутъ торговлю. Ни одинъ помѣщикъ не изъявитъ притязанія на имущество, пріобрѣтенное крѣпостнымъ даже и послѣ его смерти, къ ущербу наслѣдниковъ. Справедливые и предусмотрительные владѣльцы помогаютъ крѣпостнымъ въ несчастныхъ случаяхъ и во время всеобщихъ бѣдствій»[1].

Но защищая Россію предъ Европою, Миллеръ все-таки желалъ улучшенія быта нашихъ крѣпостныхъ крестьянъ. Въ одной своей русской статьѣ онъ говоритъ, что «каждый честный помѣщикъ не отниметъ отъ крѣпостного своего крестьянина пахатной земли, развѣ только когда владѣтель оныя небреженіемъ своимъ или другими непорядками навлечетъ на себя немилость своего господина», не запретитъ ему улучшить свою пашню, такъ какъ «его благополучіе тѣснымъ соединено союзомъ съ благополучіемъ крестьянина». Но все-таки, чтобы поощрить крестьянина къ производству полезныхъ улучшеній необходимо издать повелѣніе отъ имени государыни, «которымъ бы обнадежить и обезпечить можно было крестьянъ въ собственномъ и безпрепятственномъ владѣніи поправленныхъ ими земель, по крайней мѣрѣ, на извѣстное время. Для сего опредѣлить можно 20 или 30 лѣтъ; ибо въ теченіе такого времени, какъ уже опытомъ дознано, цѣна земныхъ произведеній, безъ сомнѣнія, примѣтнымъ образомъ возвысится; въ такомъ случаѣ справедливость

[1] *Büsching*. Magazin für neue Historie und Geographie, Bd. XVIII, s. 71—82.

требуетъ въ равномъ содержаніи возвысить и оброкъ.—Вотъ, по мнѣнію моему, рѣшеніе задачи, предложенной отъ С.-Петербургскаго экономическаго общества 1767 г., основанное на познаніи государства». Такимъ образомъ, Миллеръ думаетъ, что помѣщикъ долженъ быть лишенъ права по своему произволу повышать крестьянскія повинности и отнимать землю у исправнаго плательщика [1].

Изъ русскихъ мнѣній по крестьянскому вопросу одно изъ самыхъ замѣчательныхъ принадлежитъ Полѣнову; среди литературныхъ произведеній — пальма первенства несомнѣнно должна быть признана за книгою Радищева, которая далеко оставляетъ за собою и мнѣніе Полѣнова. Любопытно во всякомъ случаѣ, что эти два наиболѣе важныя произведенія по крестьянскому вопросу принадлежатъ людямъ, окончившимъ свое образованіе за границей. Полѣновъ слушалъ курсъ юридическихъ наукъ въ Страсбургѣ и потомъ въ Гёттингенѣ, Радищевъ, вмѣстѣ съ десятью товарищами, былъ отправленъ въ Лейпцигъ, но Полѣновъ въ 1766 г. вернулся уже въ Россію, а Радищевъ съ товарищами только въ слѣдующемъ году отправился за-границу (черезъ 2 года къ этимъ молодымъ людямъ присоединилось еще четверо, въ числѣ которыхъ были сыновья Олсуфьева, Козодавлева и Теплова). Въ судьбѣ Полѣнова и Радищева есть и другія черты сходства: Полѣновъ за-границею нерѣдко нуждался, вслѣдствіе неаккуратной присылки ему денегъ и затѣмъ возбудилъ противъ себя неудовольствіе академіи рѣзкимъ письмомъ по дѣлу, въ которомъ онъ былъ совершенно правъ; Радищевъ и его товарищи получали весьма плохое содержаніе отъ господина, надзору котораго они были ввѣрены и подвергались самому грубому обхожденію и аресту, когда они выражали свое неудовольствіе; и тотъ, и другой, по возвращеніи въ Россію, не нашли дѣятельности, достойной ихъ способностей. Полѣновъ принужденъ сдѣлаться сенатскимъ чиновникомъ, Радищевъ, вернувшись изъ за-границы въ 1771 г., также опредѣляется протоколистомъ въ сенатъ, а черезъ шесть лѣтъ поступаетъ на службу въ коммерцъ-коллегію. Но громадная разница между ними состоитъ въ томъ, что Полѣновъ, повидимому, вполнѣ удовлетворяется своею чиновничьею карьерою, Радищевъ же продолжаетъ читать и работать, готовясь къ литературнымъ трудамъ.

Нельзя не обратить вниманія на то, что первая книга была издана имъ въ 1789 г.; очевидно, начало революціоннаго движе-

---

[1] «Новыя ежемѣсячн. сочиненія», ч. XLI, 1789 г. ноябрь, «Путешествіе къ Сергіеву монастырю». стр. 14—15.

нія во Франціи было тѣмъ стимуломъ, который побудилъ Радищева выступить на литературную арену, а затѣмъ пріобрѣтеніе собственной типографіи [1] явилось удобнымъ средствомъ опубликованія своихъ трудовъ. Любопытно, что уже въ первой книгѣ, имъ напечатанной: «Житіе Ѳ. В. Ушакова», его товарища по лейпцигскому университету, гдѣ есть интересныя подробности объ этомъ періодѣ жизни Радищева, мы встрѣчаемъ довольно смѣлыя мысли и намеки на современное положеніе Россіи. Не останавливаясь на нихъ, мы укажемъ только на заявленіе о томъ, что нетерпѣніе, съ какимъ молодые люди спѣшили въ Россію по окончаніи курса, тотъ восторгъ, съ какимъ они увидѣли русскую границу, были скоро охлаждены дѣйствительностію, далеко не соотвѣтствовавшею ихъ идеаламъ [2]. Первымъ трудомъ Радищева, напечатаннымъ въ его собственной типографіи, было «Письмо къ другу, жительствующему въ Тобольскѣ», написанное по поводу открытія памятника Петру Великому въ 1782 г. Относясь къ Петру съ величайшими похвалами, авторъ, однако, заключаетъ свою брошюру такими словами: «могъ бы Петръ славнѣе быть, возносяся самъ и вознося отечество свое, *утверждая вольность частную*; но если имѣемъ примѣры, что цари оставляли санъ свой, дабы жить въ покоѣ, что̀ происходило не отъ великодушія, но отъ сытости своего сана, то нѣтъ, и до скончанія міра примѣра можетъ быть не будетъ, чтобы *царь упустилъ добровольно что-либо изъ своей власти, сѣдяй на престолѣ*» [3]. Тутъ уже очевидно вліяніе современныхъ французскихъ событій и конституціонныхъ идей. Императрица въ 1790 г. по поводу этой брошюры замѣтила: «видно, что давно мысль его готовилась ко взятому пути, а французская революція его рѣшила себя опредѣлить въ Россіи первымъ подвизателемъ» [4].

Главный трудъ Радищева, доставившій ему безсмертное имя

---

[1] Вслѣдствіе указа о вольныхъ типографіяхъ.

[2] «Послѣдовавшее по возвращеніи нашемъ жаръ сей въ насъ гораздо умѣрило», говоритъ Радищевъ.

[3] «Русск. Старина» 1871 г. т. IV, стр. 298—299.

[4] Изъ свидѣтельства Каразина, извѣстнаго своими консервативными мнѣніями по крестьянскому вопросу при Александрѣ I, видно, что далеко не на одномъ Радищевѣ отразилось вліяніе современныхъ событій во Франціи. «Я не избѣжалъ тогда, говоритъ онъ:—соблазна отъ лживыхъ прелестей французскаго переворота, *который нетолько до губерніи нашей* (Харьковской), *но и до глубины самой Сибири простеръ свое вліяніе на молодые умы.* Естественно было поколебаться всѣмъ намъ, воспитаннымъ въ началахъ осьмнадцатаго вѣка. Обманутое наше воображеніе носилось въ мечтательномъ мірѣ». «Русск. Старина» 1871 г. т. III, стр. 336.

въ нашей литературѣ — «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву»—(отпечатанный въ томъ же 1790 году), создавался постепенно. По свидѣтельству автора, подъ вліяніемъ чтенія «Исторіи Индій» аббата Рейналя, продолжавшагося съ большими перерывами съ 1780 по 1785 г., онъ написалъ главу о продажѣ людей съ публичнаго торга; чтеніе Гердера побудило написать главу о цензурѣ, но только знакомство съ путешествіемъ Іорика (т. е. «Сентиментальнымъ путешествіемъ» Стерна) вызвало составленіе цѣлаго труда. Мы остановимся, разумѣется, только на тѣхъ мѣстахъ книги Радищева, которыя касаются крестьянскаго вопроса.

Прежде всего слѣдуетъ обратить вниманіе на отрицательную сторону его сочиненія. Ни въ одномъ изъ мнѣній по крестьянскому вопросу, не исключая и Полѣнова, мы не найдемъ такихъ полныхъ и обстоятельныхъ указаній на дурныя стороны крѣпостнаго права. Естественно, что при обрисовкѣ положенія крѣпостныхъ, Радищевъ ограничивается одною мрачною стороною ихъ быта, но тѣмъ не менѣе трудъ его не превращается въ злостный памфлетъ со всевозможными преувеличеніями; напротивъ, все, что онъ говоритъ, подтверждается и другими источниками.

Радищевъ приводитъ слова одного крестьянина, что они ходятъ на барщину всѣ шесть дней, а ихъ бабъ и дѣвокъ посылаютъ за грибами и ягодами даже по праздникамъ; и дѣйствительно, оказывается, что крестьяне одного села Орловской губерніи должны были ежедневно работать на помѣщика; крестьяне генеральши Толстой также жаловались императрицѣ, что ихъ постоянно заставляютъ ходить на барщину, не освобождая даже по воскресеньямъ и самымъ большимъ праздникамъ. Про одного помѣщика Радищевъ говоритъ, что онъ отнялъ у крестьянъ «всю землю, скотину всю у нихъ купилъ по цѣнѣ, какую самъ опредѣлилъ, заставилъ работать всю недѣлю на себя, а дабы они не умирали съ голоду, то кормилъ ихъ на господскомъ дворѣ и то по одному разу въ день, а инымъ давалъ изъ милости мѣсячину». Другой помѣщикъ также отнялъ у крестьянъ «малый удѣлъ пашней и сѣнныхъ покосовъ, которые имъ на необходимое пропитаніе даютъ обыкновенно дворяне», и затѣмъ «всѣхъ крестьянъ, женъ ихъ и дѣтей заставилъ во всѣ дни работать на себя. А дабы они не умирали съ голоду, то выдавалъ онъ имъ опредѣленное количество хлѣба, подъ именемъ мѣсячины извѣстное. Тѣ, которые не имѣли семействъ, мѣсячины не получали, а, по обыкновенію лакедемонянъ, пировали вмѣстѣ на господскомъ дворѣ, употребляли... въ мясоѣдъ пустыя щи, а въ

посты и постные дни—хлѣбъ съ квасомъ... Слѣдственно, у таковыхъ узниковъ не было ни коровы, ни лошади, ни овцы, ни барана. Дозволеніе держать ихъ господинъ у нихъ не отнималъ, но способы къ тому. Кто былъ позажиточнѣе, кто былъ умѣреннѣе въ пищѣ, тотъ держалъ нѣсколько птицъ, которыхъ господинъ иногда биралъ себѣ, платя за нихъ цѣну по своей волѣ». Такъ какъ при такомъ порядкѣ хозяйство у помѣщика было въ цвѣтущемъ состояніи, то скоро онъ прикупилъ себѣ новое имѣніе, гдѣ точно также поступалъ съ крестьянами; разбогатѣвъ такимъ образомъ, онъ имѣлъ нѣсколько тысячъ крестьянъ и славился какъ знаменитый хозяинъ. Приведенное нами выше свидѣтельство извѣстнаго агронома Рычкова, доказываетъ, что и въ этой картинѣ опять-таки нѣтъ никакого преувеличенія.

Что касается истязаній, которымъ помѣщики подвергали своихъ крѣпостныхъ, то можно развѣ замѣтить, что Радищевъ говоритъ объ этомъ очень умѣренно. Про одного изъ помѣщиковъ, превратившаго своихъ крестьянъ въ батраковъ, онъ говоритъ: «если который (крестьянинъ) казался ему лѣнивъ, то сѣкъ розгами, плетьми, батожьемъ или кошками, смотря по мѣрѣ лѣности... Если кто изъ крестьянъ что-нибудь укралъ у него, то онъ сѣкъ... но сверхъ того, надѣвалъ на ноги колодки, кандалы, а на шею рогатки... Сожительница его полную власть имѣла надъ бабами. Помощниками въ исполненіи ея велѣній были ея сыновья и дочери, какъ-то и у ея мужа, ибо сдѣлали они себѣ правиломъ, чтобы ни для какой нужды крестьянъ отъ работы не отвлекать... Плетьми или кошками сѣкли крестьянъ сами сыновья, по щекамъ били или за волосы таскали бабъ и дѣвокъ—дочери... Дочери, не имѣя жениховъ, вымещали свою скуку надъ прядильницами, изъ которыхъ онѣ многихъ изувѣчили». Вотъ и все, что говоритъ авторъ о жестокихъ наказаніяхъ; онъ не упоминаетъ даже о томъ, что нерѣдко они не ограничивались изувѣченіями, а кончались смертью истязуемаго. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ своей книги Радищевъ упоминаетъ объ изнасилованіи помѣщиками крестьянскихъ дѣвушекъ. Между прочимъ, онъ говоритъ «въ бывшее пугачевское возмущеніе, когда всѣ служители вооружились на своихъ господъ, нѣкіе крестьяне (повѣсть сія не лжива), связавъ своего господина, везли его на неизбѣжную казнь. Какая тому была причина? Онъ во всемъ былъ господинъ добрый и человѣколюбивый, но мужъ не былъ безопасенъ въ своей женѣ, отецъ — въ дочери. Каждую ночь посланные его приводили къ нему на жертву безчестія ту, которую онъ того дня назначилъ. Извѣстно въ деревнѣ было, что онъ омерзилъ 60 дѣвицъ, лишивъ ихъ непорочности. Наѣхавшая

команда выручила сего варвара изъ рукъ на него злобствовавшихъ». Какъ видно, разсказъ этотъ былъ вѣрно списанъ съ дѣйствительности, такъ какъ императрица Екатерина относительно этого мѣста книги Радищева, замѣтила: «едва ли не исторія Александра Васильевича Салтыкова». Къ тому же изъ другихъ источниковъ намъ извѣстенъ одинъ фактъ наказанія помѣщика за подобныя же преступленія: нѣкто Скосыревъ подвергся во время пугачевщины позорной казни за то, что пользовался въ своихъ имѣніяхъ извѣстнымъ правомъ средневѣковыхъ бароновъ (jus primæ noctis). Если изнасилованіе дѣвушекъ было въ помѣщичьихъ имѣніяхъ явленіемъ не особенно частымъ, то браки по принужденію являются общимъ правиломъ: дворяне въ комиссіи уложенія доказывали, что сохраненіе помѣщичьей власти въ этомъ отношеніи будто бы необходимо даже для блага самихъ крестьянъ. Радищевъ касается этого вопроса въ одномъ мѣстѣ своего сочиненія, описывая свадебный поѣздъ, гдѣ женихъ и невѣста вступали въ бракъ по принужденію: «И сіе назовется союзомъ божественнымъ!» восклицаетъ онъ:—и неустройство сіе въ законѣ останется не наказаннымъ!.. Но что удивляться сему! Благословляетъ бракъ наемникъ; градодержатель, для охраненія закона опредѣленный—дворянинъ, тотъ и другой имѣютъ въ семъ свою пользу. Первый ради полученія мзды, другой—дабы... не лишиться самому лестнаго преимущества управлять себѣ подобнымъ самовластно».

Радищевъ набрасываетъ также картину продажи крѣпостныхъ съ публичнаго торга; тутъ продаются 75-ти-лѣтній ветеранъ, участвовавшій въ походахъ Миниха, во время прусской войны спасшій жизнь отцу своего господина и его самого вытащившій изъ рѣки; его жена 80-ти-лѣтняя старуха, бывшая кормилицею матери барина и вынянчившая барченка, затѣмъ мамка барина и ея дочь, внучка стариковъ, изнасилованная господиномъ и держащая на рукахъ ребенка отъ него, и наконецъ, ея мужъ. Иностранцу, не вѣрющему, чтобы такой постыдный торгъ могъ происходить въ странѣ, «гдѣ мыслить и вѣрить дозволяется всякому, кто какъ хочетъ», авторъ отвѣчаетъ, что «установленіе свободы въ исповѣданіи обидитъ однихъ поповъ и чернецовъ, да и тѣ скорѣе пожелаютъ пріобрѣсти себѣ овцу, нежели овцу во Христово стадо; но свобода сельскихъ жителей обидитъ, какъ-то говорятъ, право собственности. А всѣ тѣ, кто бы могъ свободѣ поборствовать — всѣ великіе отчинники, и свободы не отъ ихъ совѣтовъ ожидать должно, *но отъ самой тяжести порабощенія*». Дѣйствительно, продажа людей безъ земли продолжалась до самаго уничтоженія крѣпостного права.

Между прочимъ, Радищевъ разсказываетъ исторію одного молодого двороваго, которому дали образованіе вмѣстѣ съ его сверстникомъ-бариномъ; онъ ѣздилъ со своимъ господиномъ заграницу и ему уже была обѣщана отпускная на волю, когда умеръ старый баринъ и жена молодого стала относиться къ нему не какъ къ товарищу своего мужа, а какъ къ своему холопу: истязала его и даже хотѣла заставить его жениться противъ воли. Отдача въ солдаты за неповиновеніе, кажется, ему не наказаніемъ, а освобожденіемъ отъ рабства. Даже и такая исключительная исторія совершенно походитъ на истину, такъ какъ намъ извѣстны случаи, когда крѣпостными были люди вполнѣ образованные. Мы упоминали уже, что по приказанію Екатерины былъ выкупленъ изъ рабства одинъ художникъ; извѣстно также, что писатель Матинскій, путешествовавшій по Италіи, авторъ комическихъ оперъ, былъ крѣпостнымъ человѣкомъ графа Ягужинскаго.

Сравнивая положеніе казенныхъ крестьянъ съ бытомъ крѣпостныхъ, Радищевъ говоритъ: «тѣ и другіе живутъ въ деревняхъ, но одни платятъ извѣстное, а другіе должны быть готовы платить то, что господинъ хочетъ; одни судятся съ своими равными, а другіе въ законѣ мертвы, развѣ по дѣламъ уголовнымъ. Членъ общества становится только тогда извѣстенъ правительству, его охраняющему, когда нарушаетъ союзъ общественный, когда становится злодѣй». Радищевъ указываетъ также, что, если крестьяне, вызванные страшными насиліями, убьютъ своего помѣщика, то самый доброжелательный судья ничего не можетъ сдѣлать для ихъ оправданія; до этого не допустятъ высшія власти, считая въ этомъ случаѣ оправданіе оскорбительнымъ не-только для дворянскаго общества, но и для верховной власти. Онъ полагаетъ, что въ подобныхъ случаяхъ крѣпостные, не защищаемые закономъ, должны пользоваться правомъ самообороны. Хорошо понимая различіе между національнымъ и народнымъ процвѣтаніемъ, Радищевъ отвергаетъ мысль, что крѣпостное право можетъ быть полезно обществу, еслибы даже оно содѣйствовало развитію земледѣлія. Разсказывая о помѣщикѣ, разбогатѣвшемъ посредствомъ превращенія своихъ крестьянъ въ батраковъ, онъ говоритъ: «какая польза государству, что нѣсколько тысячъ четвертей въ годъ болѣе родится хлѣба, если тѣ, кои его производятъ, считаются наравнѣ съ воломъ, опредѣленнымъ тяжкую вздирати борозду?» Онъ требуетъ, напротивъ, суроваго наказанія для людей, подобныхъ этому помѣщику.

Радищевъ не ограничивается тѣмъ, что приводитъ отдѣльные факты, характеризующіе печальное положеніе крѣпостныхъ въ

Россіи; онъ самъ обобщаетъ ихъ и указываетъ на тотъ вредъ, какой приносить крѣпостное право. «Можетъ ли государство, говоритъ онъ, гдѣ двѣ трети гражданъ лишены гражданскаго званія и частью въ законѣ мертвы, назваться блаженнымъ? Можно ли назвать блаженнымъ гражданское положеніе крестьянина въ Россіи?» Очень можетъ быть, что Радищевъ противопоставляетъ эти вопросы самонадѣянному желанію автора «Наказа», чтобы, по окончаніи составленія законовъ, ни одинъ народъ не былъ «больше процвѣтающъ на землѣ, несчастіе... до котораго я дожить не желаю» (ст. 520). «И такъ, да не ослѣпимся, продолжаетъ Радищевъ:—внѣшнимъ спокойствіемъ государства... и для сихъ только причинъ, да не почтемъ оное блаженнымъ. Смотри всегда на сердца согражданъ. Если въ нихъ найдешь спокойствіе и миръ, тогда сказать можешь во истину: «се блаженны». Далѣе авторъ указываетъ на истребленіе краснокожихъ въ Америкѣ, произведенное европейцами, и замѣну ихъ неграми. «Сіи-то несчастныя жертвы знойныхъ береговъ Нигера и Сенегала, отринутыя своихъ домовъ и семействъ, переселенныя въ невѣдомыя имъ страны, подъ тяжкимъ жезломъ благоустройства вздираютъ обильныя нивы Америки... и мы страну опустошенія назовемъ блаженною для того, что поля ея не поросли терніемъ и нивы ихъ обилуютъ произращеніями разновидными. Назовемъ блаженною страну, гдѣ сто гордыхъ гражданъ утопаютъ въ роскоши, а тысящи не имѣютъ надежнаго пропитанія, ни собственнаго отъ зноя и мраза укрова... Вострепещите, о возлюбленные мои, да не скажутъ о насъ: *премени имя, повѣсть о тебѣ вѣщаетъ*».

Отъ существованія рабства страдаютъ нетолько рабы, оно вредно и для государства. Рабскій трудъ менѣе производителенъ, чѣмъ свободный, и ужь одно это уменьшаетъ размноженіе народа; къ тому же крѣпостные должны работать до изнеможенія. Рабство приноситъ болѣе вреда, чѣмъ нашествіе врага; послѣднее «опустошаетъ случайно и мгновенно», тогда какъ первое «губитъ долговременно и всегда»; кромѣ того, рабство приноситъ еще большой нравственный вредъ какъ рабамъ, такъ и господамъ. «Съ одной стороны, родится надменность, а съ другой—робость»; рабы «оковы свои возлюбляютъ», а для другихъ сословій «примѣры властвованія суть заразительны». Наконецъ, оно нетолько вредно, но и опасно. «Не вѣдаете ли, любезные наши сограждане, говоритъ Радищевъ: — коликая намъ предстоитъ гибель, въ коликой мы вращаемся опасности... Потокъ, загражденный въ стремленіи, тѣмъ сильнѣе становится, чѣмъ тверже находитъ противустояніе. Прорвавъ оплотъ единожды, ничто уже въ разлитіи его противиться ему не возможетъ. Таковы

суть братія наши, во узахъ нами содержимые. Ждуть случая и часа. Колоколъ ударяетъ и се пагуба звѣрства разливается быстротечно. Мы узримъ окрестъ насъ мечъ и отравы. Смерть и пожиганіе намъ будетъ посулъ за нашу суровость и безчеловѣчіе. И чѣмъ медлительнѣе и упорнѣе мы были въ разрѣшеніи ихъ узъ, тѣмъ стремительнѣе они будутъ въ мщеніи своемъ. Приводите себѣ на память прежнія повѣствованія. Даже обольщеніе, колико яростныхъ сотворило рабовъ на погубленіе господъ своихъ! Прельщенные грубымъ самозванцемъ (намекъ на Пугачева), текутъ ему во слѣдъ и ничего толико не желаютъ, какъ освободиться отъ ига своихъ властителей; въ невѣжествѣ своемъ другого средства къ тому не умыслили, какъ ихъ умерщвленіе. Не щадили они ни пола, ни возраста... Вотъ что намъ предстоитъ, вотъ чего намъ ожидать должно». Послѣ всѣхъ этихъ доводовъ противъ рабства, авторъ обращается къ читателямъ съ воззваніемъ, чтобы они освободили крестьянъ; но онъ желаетъ дарованія не одной личной свободы: онъ справедливо полагаетъ, что земля должна принадлежать тому, кто ее обработываетъ. «Кто же въ нивѣ ближайшее имѣетъ право, буде не дѣлатель ея?»... А между тѣмъ, насколько «удалилися мы отъ первоначальнаго общественнаго положенія относительно владѣнія. У насъ тотъ, кто естественное имѣетъ къ оному право, не токмо оттого исключенъ совершенно, но, работая ниву чужую, зритъ пропитаніе свое, зависящее отъ власти другого!»

Полагая, однако, что правительство не настолько сильно, чтобы побудить помѣщиковъ сразу освободить крестьянъ, Радищевъ предлагаетъ совершить это постепенно въ слѣдующемъ порядкѣ. Прежде всего нужно уничтожить рабство, оставивъ только крѣпостное право, т. е. не дозволять помѣщикамъ превращать крестьянъ въ дворовыхъ, въ случаѣ же нарушенія этого правила, такой дворовый дѣлается свободнымъ; дозволить крестьянамъ вступать въ бракъ безъ согласія помѣщика и запретить брать выводныя деньги. Вслѣдъ за тѣмъ, крестьяне должны получить земельный надѣлъ. «Удѣлъ въ землѣ, ими обработываемой, должны они имѣть собственностью, ибо платятъ сами подушную подать. Пріобрѣтенное крестьяниномъ имѣніе ему принадлежать долженствуетъ; никто его оного да не лишитъ самопроизвольно». Онъ получаетъ право быть судимымъ ему равными, т. е. въ расправахъ, въ которыя слѣдуетъ выбирать и изъ помѣщичьихъ крестьянъ. Слѣдуетъ дозволить ему покупать землю, выкупаться на волю за опредѣленную сумму; нужно запретить произвольно на-

казывать его безъ суда. Затѣмъ настаетъ совершенное уничтоженіе рабства [1].

Таковъ проэктъ Радищева, который по широтѣ и опредѣленности превосходитъ всѣ ему предшествовавшіе. Изъ всѣхъ разсмотрѣнныхъ нами мнѣній и проэктовъ, только Грасленъ категорически высказалъ, что земля должна принадлежать тому, кто ее обработываетъ; но его сочиненіе слишкомъ отвлеченно и не имѣло въ виду условій, въ которыхъ находилась Россія. Радищевъ, выставляя требованіе объ освобожденіи крестьянъ съ земельнымъ надѣломъ, соглашается на нѣкоторую постепенность въ реформѣ и предлагаетъ рядъ практичныхъ мѣръ, не отказываясь, однако же, отъ главной своей мысли, что освобожденіе должно совершиться съ дарованіемъ крестьянину земли и основываетъ это требованіе на томъ, что крестьяне, а не помѣщики платятъ подати.

Повидимому, впрочемъ, Радищевъ мало надѣялся, что правительство возьметъ въ свои руки дѣло реформы. Осуждая крайности Пугачевщины, онъ въ тоже время предвидѣлъ, что только повтореніе крестьянскихъ волненій заставитъ правительство выйти изъ бездѣйствія. Такъ онъ говоритъ: «Крестьянинъ въ законѣ мертвъ, сказали мы... нѣтъ, нѣтъ, онъ живъ будетъ, *если того восхочетъ!*»

Извѣстно, какъ отнеслась Екатерина къ сочиненію Радищева: даже тѣ мѣста его книги, которыя посвящены крестьянскому вопросу, не вызвали сочувствія государыни, нѣкогда мечтавшей объ освобожденіи крестьянъ. Такъ, напримѣръ, по поводу продажи людей съ аукціона, она замѣчаетъ: «начинается прежалкое повѣсть о семіи, проданной съ молотка за долги господина». По поводу другого мѣста она говоритъ: «ѣдитъ оплакивать плачевную судьбу крестьянскаго состоянія, хотя и то неоспоримо, что лутчее сюдбы нашихъ крестьянъ у хорошова помѣщика нѣтъ во всей вселенной». Большая часть прекрасной главы, спеціально посвященной крестьянскому вопросу, возбуждаетъ замѣчаніе императрицы, что будто бы это мѣсто «клонится къ возмущенію крестьянъ противу помѣщиковъ», а горячее увѣщаніе добровольно

---

[1] Мы видѣли, что на размышленія о крестьянскомъ вопросѣ Радищева навело отчасти сочиненіе Рейналя, но въ вопросѣ объ эмансипаціи рабовъ онъ пошелъ гораздо далѣе этого послѣдняго. Рейналь не рѣшался требовать совершеннаго уничтоженія рабства, а желалъ только, чтобы неграмъ предоставлено было право жаловаться на плантаторовъ и были обузданы произволъ и жестокости господъ, въ крайнемъ случаѣ, хотя бы отнятіемъ у нихъ рабовъ. Но и эти мѣры онъ предлагалъ установить самимъ рабовладѣльцамъ. *Raynal.* Histoire philos. et polit. des deux Indes. P. 1820, VI, 136—138.

освободить рабовъ вызываетъ только восклицаніе: «уговариваетъ помѣщиковъ освободить крестьянъ, да никто не послушаетъ».

Между тѣмъ эта часть сочиненія была несомнѣнно самою дорогою для Радищева. Предъ грознымъ Шешковскимъ, продолжавшимъ, по выраженію Потемкина, «кнутобойничать» въ царствованіе автора Наказа, Радищевъ долженъ былъ просить пощады, принужденъ былъ отречься отъ многихъ своихъ взглядовъ, признать ихъ печальными заблужденіями. Кто рѣшится бросить въ него за это камнемъ, кто скажетъ, что самъ онъ устоялъ бы предъ тѣми неоффиціальными средствами предварительнаго слѣдствія, которыя, какъ извѣстно, Шешковскій унаслѣдовалъ отъ тайной канцеляріи. Радищевъ былъ приговоренъ къ смертной казни, но въ XVIII в. это было еще не наибольшее изъ золъ: тогда каждый могъ опасаться истязаній и другихъ оскорбленій человѣческаго достоинства, предъ которыми не останавливался Шешковскій. Какъ бы то ни было, слово за крестьянъ Радищевъ умѣлъ выговорить даже языкомъ, коснѣющимъ отъ страха. «Описывая состояніе помѣщичьихъ крестьянъ, пишетъ онъ въ своихъ показаніяхъ:—думалъ, что устыжу тѣмъ тѣхъ, которые съ ними поступаютъ жестокосердно»... «Въ проэктѣ объ освобожденіи крестьянъ помѣщичьихъ, я мечталъ, признаюсь, какъ можетъ быть оно постепенно, ибо увѣренъ въ душѣ моей, что запретившей покупку деревень къ заводамъ, фабрикамъ законоположительницѣ, что начертавшей перстомъ мягкосердія мѣру работъ приписанныхъ къ заводамъ крестьянъ, что давшей крестьянину судію изъ среды его, мысль освобожденія крестьянъ помѣщичьихъ если не исполнена, то потому, что вящшія тому препятствуютъ соображенія» [1].

Въ этомъ отношеніи Радищева не угомонила вполнѣ даже 6-тилѣтняя ссылка въ восточную Сибирь, хотя она и сдѣлала его сдержаннѣе. Въ своей статьѣ «Описаніе моего владѣнія», написанной по возвращеніи изъ ссылки, онъ такъ характеризуетъ отношенія помѣщика къ крестьянамъ: 1) онъ можетъ продать ихъ оптомъ или въ розницу, такъ, что при этомъ разлучаетъ даже дочь съ матерью, сына съ отцомъ и, можетъ быть, жену съ мужемъ, и только при продажѣ съ публичнаго торга запрещено раздроблять семьи. 2) Господинъ можетъ заставить его работать сколько хочетъ, «нынѣ только запрещено работать по воскресеньямъ и *совѣтомъ сказано*, что довольно трехъ дней на господскую работу [2]; но на нынѣшнее время законоположеніе

[1] Замѣчанія императрицы, допросные пункты и отвѣты на нихъ Радищева напечатаны впервые въ Чт. Общ. Ист. Древ. Росс. 1865 г. кн. III.

[2] Дѣйствительно въ указѣ имп. Павла правительство настоятельно требуетъ

сіе не великое будетъ имѣть дѣйствіе, ибо состояніе ни земледѣльца, ни двороваго не опредѣлено. 3) Господинъ можетъ его наказывать по своему разсмотрѣнію, онъ судья его и исполнитель своихъ приговоровъ». 4) Господинъ вполнѣ распоряжается имѣніямъ крѣпостнаго. 5) Заставляетъ крестьянина жениться на комъ ему будетъ указано, *«слѣдовательно земледѣлецъ есть рабъ въ семъ отношеніи совершенно»*. Однимъ словомъ, если крестьянинъ пользуется чѣмъ либо, то лишь изъ милости господина, а между тѣмъ, такъ какъ онъ платитъ подати, то, кажется, *«долженъ имѣть собственность и проч.»*

Такъ въ болѣе осторожной формѣ Радищевъ возвращается къ своей излюбленной мысли объ улучшеніи быта крѣпостныхъ крестьянъ. Его мысль о необходимости освобожденія крестьянъ съ землею не погибла совершенно: она вновь выплываетъ въ планахъ декабристовъ. Правда, нѣкоторые изъ членовъ тайнаго общества стояли только за личную эмансипацію и считали освобожденіе съ землею невозможнымъ, другіе, въ томъ числѣ М. Н. Муравьевъ, думали, что крестьяне должны получить въ собственность только дома и огороды, но за то Пестель и нѣкоторые члены южнаго общества, по свидѣтельству современника, «высказывали самый широкій взглядъ на владѣніе землею, который казался другимъ утопическимъ», т. е. очевидно требовали освобожденія крестьянъ съ земельнымъ надѣломъ, а быть можетъ, даже мечтали о предоставленіи всей земли лишь трудящимся классамъ [1].

X.

Сдѣлала ли что нибудь императрица Екатерина для улучшенія быта крѣпостныхъ крестьянъ.

Мы окончили обзоръ всѣхъ мнѣній и проэктовъ по крестьянскому вопросу, составленныхъ въ царствованіе Екатерины II. Благодаря многимъ матерьяламъ, которыми мы могли впервые воспользоваться, намъ удалось сообщить много новыхъ фактовъ, доказывающихъ, что объ измѣненіи быта крѣпостныхъ крестьянъ думали въ это время гораздо болѣе, чѣмъ можно было до сихъ

только, чтобы крестьянъ не заставляли работать по воскресеньямъ, а о трехдневной барщинѣ лишь упоминаетъ, какъ о весьма распространенномъ обычаѣ. П. С. З. т. XXIV. № 17,909 ман. 5-го апр. 1797.

[1] Девятнадцатый вѣкъ, Бартенева, I, 361.

поръ предполагать [1]. Объ отвѣтахъ на задачу вольнаго экономическаго общества и преніяхъ въ законодательной комиссіи мы имѣли весьма мало свѣдѣній, о дѣятельности же частной комиссіи о разборѣ государственныхъ жителей и о всѣхъ составленныхъ въ ней проэктахъ по крестьянскому вопросу не было сказано ни слова въ нашей научной литературѣ, а между тѣмъ, мы видимъ, что тутъ дѣло было сначала поставлено довольно умно, и, не смѣнись прежніе члены, можно думать, что, по крайней мѣрѣ, проэктъ Унгерна-Штернберга приняли бы въ неискалѣченномъ видѣ. Во всякомъ случаѣ дѣятельность этой частной комиссіи представляетъ весьма интересное явленіе: она была предшественницей тѣхъ секретныхъ комитетовъ по крестьянскому дѣлу, которые учреждались одинъ за другимъ въ царствованіе императора Николая и до нѣкоторой степени подготовили реформу 19-го февраля. Любопытна также попытка ораніенбаумскихъ и ямбургскихъ дворянъ, какъ первый шагъ къ ограниченію помѣщичьихъ правъ. Мы отмѣтили проблески освободительныхъ идей въ литературѣ, въ рѣчахъ депутатовъ, въ трудахъ частныхъ комиссій, въ пожеланіяхъ просвѣщенныхъ администраторовъ и самой императрицы — и въ суммѣ получили множество либеральныхъ требованій. Теперь намъ остается только сопоставить всѣ эти пожеланія съ тѣмъ, что было сдѣлано въ дѣйствительности.

Мы не сѣтуемъ на то, что не было произведено общей реформы, скажемъ болѣе, мы можемъ только радоваться этому. Несмотря на немногія почтенныя исключенія, большинство плановъ ограничивается личнымъ освобожденіемъ крестьянъ, и правительство, вѣроятно, не пошло бы далѣе освобожденія дѣтей, родившихся послѣ извѣстнаго года; оно не рискнуло бы даже на немедленное дарованіе всѣмъ одной личной свободы; да и крайне странно было бы, считая вреднымъ переходъ крестьянъ въ Малороссіи и закрѣпощая тамошній народъ, вводить въ Великороссіи то, противъ чего боролись на югѣ. И такъ, не въ недостаткѣ рѣшимости освободить крестьянъ можно обвинять

[1] Весьма многія изъ разобранныхъ нами мнѣній и проэктовъ не были напечатаны въ свое время, но они несомнѣнно должны были въ спискахъ ходить по рукамъ. Въ то время рукописная литература не была еще до такой степени вытѣснена печатною, какъ въ настоящее время; книги были настолько рѣдки, что иной разъ цѣликомъ переписывались печатные экземпляры. Наконецъ, нужно замѣтить, что сочиненія, касавшіяся крестьянскаго вопроса, и въ западной Европѣ иногда долго ходили по рукамъ въ рукописи. Такъ было, напримѣръ, съ извѣстнымъ трудомъ д'Аржансона. См. *Лучицкій*, Кіев. унив. извѣстія, 1878 г., № 10, стр. 512.

Екатерину, а въ томъ, что не было принято многихъ настоятельно необходимыхъ мѣръ для ограниченія крѣпостного права. Что нужно было сдѣлать—на это слышалось не мало указаній и въ мнѣніяхъ, присланныхъ въ экономическое общество, напримѣръ, въ трудѣ Полѣнова, и въ рѣчахъ нѣкоторыхъ депутатовъ въ комиссіи уложенія, и въ проэктѣ Унгерна-Штернберга, и даже въ правилахъ ямбургскихъ и ораніенбаумскихъ дворянъ, не говоря уже о превосходной книгѣ Радищева. Нужно было точно регулировать повинности крестьянъ, обусловивъ ихъ вполнѣ достаточнымъ земельнымъ надѣломъ, размѣры котораго указывали современные агрономы, нужно было ограничить право помѣщиковъ наказывать крестьянъ и, между прочимъ, ссылать ихъ въ Сибирь въ зачетъ рекрутъ, нужно было уничтожить взиманіе выводныхъ денегъ и предоставить крестьянамъ право жениться по своему усмотрѣнію, нужно было дозволить имъ выкупаться на волю за опредѣленную сумму и безъ согласія помѣщика и т. п. Могутъ сказать, что такія частныя мѣры какъ будто бы санкціонировали крѣпостное право, что онѣ могли даже задержать введеніе общей реформы. Это возраженіе, по нашему мнѣнію, совершенно несправедливо; и при полной беззащитности народа, крѣпостное право чуть не возводилось во главу угла нашего государственнаго устройства. Послѣ того, какъ наши западные сосѣди въ первой половинѣ XIX в. съумѣли окончательно раздѣлиться съ крѣпостнымъ правомъ, его существованіе сдѣлалось немыслимымъ и у насъ. Правда, мы умѣемъ отставать отъ запада, умѣемъ въ теченіи четверти, половины вѣка оставаться въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ чудищами, на удивленіе всей Европы, но все-таки духъ времени беретъ свое и у насъ.

Возвращаемся, однако, къ прошлому. Мы привели не наши собственныя, а современныя Екатеринѣ пожеланія, большинство которыхъ она раздѣляла сама въ эпоху составленія «Наказа»; теперь посмотримъ, что было сдѣлано въ дѣйствительности въ пользу крѣпостныхъ крестьянъ.

Для ограниченія торговли людьми во время рекрутчины запрещено было (въ 1766 г.) совершать купчія на крѣпостныхъ за три мѣсяца до рекрутскаго набора, но скоро было дозволено и въ это время продавать малолѣтныхъ и стариковъ; по окончаніи же набора, снова можно было продавать кого угодно. Разлученіе семей запрещено было въ 1771 г. только при продажѣ имѣній съ аукціона, помѣщики же безпрепятственно продолжали это дѣлать и торговля рабами производилась въ концѣ XVIII в. съ особенною наглостію, такъ что о продажѣ людей въ газетахъ объявляли наравнѣ съ животными и всякими вещами. По

учрежденіямъ о губерніяхъ намѣстнику дозволено было защищать крѣпостныхъ, и нѣсколько звѣрообразныхъ помѣщиковъ были отправлены на вѣчную каторгу въ Сибирь, другіе подверглись пожизненному заключенію, ссылкѣ на поселеніе и проч; но это дѣлалось и ранѣе. Запрещено вольноотпущеннымъ вновь закрѣпощать себя; запрещено считать новорожденныхъ крѣпостными ихъ воспитателей; всѣ питомцы воспитательныхъ домовъ получали свободу, и еслибы имъ случилось вступить въ бракъ съ крѣпостнымъ или крѣпостною (что̀, впрочемъ, не дозволялось), то лицо, прежде несвободное, дѣлалось вольнымъ. Едва ли не важнѣе всего этого была бы пріостановка[1] въ 1773 г. ссылки помѣщиками своихъ людей (о которой, впрочемъ, мы знаемъ только изъ протоколовъ государственнаго совѣта), но, такъ какъ въ 80-хъ годахъ мы встрѣчаемъ случаи, что помѣщики отправляютъ крѣпостныхъ въ Сибирь, то эта мѣра или осталась однимъ предположеніемъ, или, быть можетъ, была впослѣдствіи отмѣнена.

Вотъ и всѣ, чрезвычайно жалкія, попытки ограниченія крѣпостного права; ничтожныя уже и сами по себѣ, онѣ утрачиваютъ въ нашихъ глазахъ всякое значеніе, лишаютъ Екатерину права на большую признательность въ этомъ отношеніи, когда мы вспомнимъ, что рядомъ съ этими мѣрами въ пользу крѣпостныхъ шли указы, еще болѣе ухудшавшіе ихъ положеніе: таковы были окончательное запрещеніе крѣпостнымъ жаловаться на помѣщиковъ (1767 г.), такъ что съ этихъ поръ всякая ихъ жалоба на господина заранѣе считалась противозаконною и еще болѣе дозволеніе помѣщикамъ (въ 1765 г.) передавать своихъ людей адмиралтейской коллегіи для употребленія на каторжныя работы съ правомъ брать ихъ обратно по своему усмотрѣнію; такъ что эта мѣра не оправдывалась даже тѣми государственными соображеніями (колонизація Сибири), на которыя ссылалось правительство императрицы Елизаветы, дозволяя помѣщикамъ ссылать своихъ крестьянъ въ зачетъ рекрутъ (о закрѣпощеніи Малороссіи мы не говоримъ, оно требуетъ особаго обсужденія). Слѣдуетъ также поставить на счетъ Екатеринѣ раздачу въ пожалованіе казенныхъ крестьянъ; правда, въ Великороссіи, за единичными исключеніями, этого не дѣлалось, но за то въ Малороссіи и Остзейскомъ краѣ случалось нерѣдко; въ областяхъ же, присоединенныхъ отъ Польши, раздача казенныхъ имѣній приняла громадные размѣры[2].

---

[1] Очевидно, подъ вліяніемъ требованія Сиверса.

[2] См. нашу статью «Раздача населенныхъ имѣній при Екатеринѣ II». Въ «Отеч. Запис.» 1877 г. № 8.

Подводя итогъ всему предыдущему, слѣдуетъ сказать, что въ царствованіе Екатерины было сдѣлано гораздо болѣе для усиленія и даже для распространенія крѣпостного права, чѣмъ для его ограниченія. Но въ одномъ отношеніи слѣдуетъ признать ея большую заслугу: она первая съ высоты престола бросила въ общество идею, что крѣпостной—такой же человѣкъ, какъ и его господинъ, что онъ также имѣетъ право на разумное существованіе, и тѣмъ навсегда вписала свое имя въ исторію крестьянскаго вопроса въ Россіи.

Говорятъ, Екатерина, обязанная престоломъ дворянству, не смѣла пойти наперекоръ ему въ дѣлѣ измѣненія быта крестьянъ. Можно было бы признать это возраженіе основательнымъ, еслибы она одна носилась въ это время съ мыслію о необходимости ограниченія крѣпостного права. Но послѣ всего того, что было сообщено въ нашей статьѣ, его можно признать никуда негоднымъ, если требовать отъ Екатерины не окончательной реформы, а только улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ. Вѣдь были мѣры, необходимость которыхъ признавали даже всѣ консерваторы; таково напримѣръ запрещеніе продажи людей въ розницу. А затѣмъ въ ряду болѣе вліятельныхъ людей, прямо или косвенно выражавшихъ сочувствіе идеѣ объ ограниченіи крѣпостнаго права, слѣдуетъ назвать: П. И. Панина, Г. Г. Орлова, Я. Сиверса, Мельгунова, Унгернъ-Штернберга, Д. Голицына [1]; къ нимъ можно еще причислить Р. И. Воронцова, гр. Чернышевыхъ, Мелиссино, потому, что эти лица требовали напечатанія книги Беарде; мы не говоримъ уже о либеральныхъ требованіяхъ Полѣнова, Коробьина и нѣкоторыхъ другихъ депутатовъ въ комиссіи уложенія, о заявленіяхъ въ журналахъ и другихъ литературныхъ произведеніяхъ. Почва—повторяемъ, не для освобожденія крестьянъ, а для ограниченія крѣпостного права—была вполнѣ подготовлена. Вѣдь и при нынѣшней реформѣ только меньшинство дворянства было за освобожденіе крестьянъ съ земельнымъ надѣломъ, и долго еще пришлось бы ждать, пока эта идея сдѣлается всеобщимъ достояніемъ.

Какъ не основательно было бы снять всякое обвиненіе съ Екатерины, сославшись на то, что она была обязана престоломъ дворянству, всего яснѣе видно, если сравнить ее съ другою знаменитою государынею XVIII в.: мы говоримъ о Маріи-Терезіи.

---

[1] Въ числѣ подписавшихъ правила ораніенбаумскихъ и ямбургскихъ дворянъ мы, между прочимъ, встрѣчаемъ; кн. П. Трубецкаго, гр. Христофора Миниха, Александра Нарышкина, бар. Ив. Черкасова, кн. Мих. Волхонскаго, бар. Фридрихса и пр.

Она вступила на престолъ при гораздо болѣе затруднительныхъ обстоятельствахъ, чѣмъ Екатерина. Она была обязана венгерцамъ нетолько сохраненіемъ своего престола, но даже, быть можетъ, благодаря имъ, Австрія была спасена отъ распаденія. И что же: удерживаетъ ли ее это въ стремленіи ограничить права венгерскихъ магнатовъ, которые нѣкогда, правда, поторговавшись за сохраненіе своихъ привилегій, кричали: «moriamur pro rege nostro Maria Theresia!» Ничуть не бывало: какъ для нынѣшней Цислейтаніи, такъ и относительно Венгріи она нетолько въ высшей степени умно задумываетъ, но и приводитъ въ исполненіе цѣлый рядъ реформъ въ пользу крѣпостныхъ крестьянъ. Въ первой она нѣсколько ограничиваетъ уголовную юрисдикцію дворянъ, производитъ кадастръ и подъ предлогомъ неодинаковаго обложенія совершенно отдѣляетъ помѣщичьи земли отъ крестьянскихъ, такъ что прекращаетъ возможность обезземеленія крестьянъ, дозволяетъ имъ покупать свои участки, устанавливаетъ maximum барщины — въ три дня. Протесты богемскаго дворянства и даже сильныя волненія крестьянъ, думавшихъ, что дворяне скрываютъ отъ нихъ полную волю, не останавливаютъ Марію Терезію на преобразовательномъ пути, какъ наша Пугачевщина — Екатерину: она за небольшое вознагражденіе совершенно уничтожаетъ барщину въ доменахъ и отмѣняетъ массу, повидимому, мелочныхъ, но въ сущности въ высшей степени стѣснительныхъ повинностей крестьянъ. Венгерскій крестьянинъ также не оставленъ на полный произволъ господина. Почти въ то самое время, когда Екатерина требуетъ улучшенія быта крѣпостныхъ отъ лифляндскаго ландтага, Марія Терезія старается побудить венгерскій сеймъ къ облегченію участи крестьянъ, но когда это ей не удается, она не отказывается отъ своего намѣренія, а собственною властію издаетъ въ 1766 г. урбаріумъ, уставъ, имѣвшій цѣлью ограничить барщину, превратить крестьянина въ наслѣдственнаго арендатора и даже предоставить ему право свободнаго перехода. (Правда, ея дѣйствія въ Венгріи не увѣнчались такимъ успѣхомъ, какъ въ остальныхъ частяхъ Австріи, благодаря упорному противодѣйствію венгерскихъ магнатовъ, не брезгавшихъ такими средствами, какъ подкупъ правительственныхъ чиновниковъ). Еще любопытнѣе сравнить дѣйствія Екатерины и Маріи Терезіи въ областяхъ, присоединенныхъ къ Польшѣ: въ то время, когда Екатерина закрѣпостила своимъ приближеннымъ почти все населеніе казенныхъ имѣній, и ничего не сдѣлала для улучшенія быта крѣпостныхъ, такъ что польскіе паны, благодаря бездѣйствію правительства, продѣлывали съ холопами самыя возмутительныя вещи даже во вторую

четверть XIX вѣка [1], Марія Терезія, все нравственное чувство которой возмущалось противъ насильственнаго раздѣла Польши, немедленно послѣ присоединенія части ея къ Австріи, издаетъ и для Галиціи урбаріумъ, ограничивавшій повинности крѣпостныхъ крестьянъ [2].

«Марія Терезія, конечно, имѣетъ болѣе права, чѣмъ Екатерина на прозваніе Великой», говоритъ новѣйшій историкъ Австріи [3]. Принявъ во вниманіе всѣ стороны государственной дѣятельности той и другой, мы не можемъ съ этимъ согласиться, но это вполнѣ справедливо, если ограничиться только дѣятельностію обѣихъ государынь относительно крѣпостного населенія въ ихъ владѣніяхъ.

В. И. Семевскій.

---

[1] См. ст. *В. Шульгина* «Югозападный край подъ управленіемъ Бибикова», въ «Древней и новой Россіи» 1879 г. № 5 стр. 8—10, ср. 6—7.

[2] *Beidtel*. Zur Geschichte der Feudalverfassung in den deutschen Provinzen der oesterreichischen Monarchie unter der Regierung der Kaiserinn Maria Theresia. Sitzungsberichte der Kaiserl. Akad. der Wissensch. Philosophisch-histor. Klasse 1852, Bd. IX, S. 474—484. *Sugenheim*. Gesch. der Aufheb. der Leibeigensch. 385—390, 404.

[3] *Leger*. Histoire de l'Autriche-Hongrie, P. 1879, p. 370.

